

Г.М. Шаповалова

**«ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА»
В КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса (ВГУЭС)

Г.М. Шаповалова

**«ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА»
В КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Монография

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2020

УДК 316.774:654.1
ББК 67.401.114
Ш23

Рецензенты: *С.Г. Верецагин*, д-р полит. наук,
канд. юрид. наук, профессор
В.В. Яровенко, д-р юрид. наук,
профессор.

Шаповалова, Галина Михайловна

Ш23 **«Цифровая культура» в концепции глобального информационного общества: теоретико-правовой аспект** : монография / Г.М. Шаповалова ; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток, 2020. – 176 с.

ISBN 978-5-9736-0588-9

В условиях глобального информационного общества рассмотрены проблемы совершенствования механизмов законодательного регулирования «цифровой культуры», унификации правовых дефиниций, а также методы и средства сохранения, организации доступа и обеспечения безопасности «цифрового наследия» на российском и общемировом уровнях, при этом учитывается огромная роль информационных технологий, телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет и др. Особо акцентирована значимость международных правовых актов ЮНЕСКО как основы для системы российского права в сфере «цифровой культуры».

Предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, может быть полезна научным и практическим работникам в сфере юриспруденции, культурологии, информационных технологий, а также всем, кто интересуется проблемами современной «цифровой культуры» виртуальной реальности.

УДК 316.774:654.1
ББК 67.401.114

ISBN 978-5-9736-0588-9

- © Г.М. Шаповалова, текст, 2020
© ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», оформление, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Наступила эпоха массовой информатизации, т.е. организационно-обеспеченного процесса удовлетворения информационных потребностей общества на основе внедрения информационно-коммуникационных технологий почти во всех областях человеческой жизнедеятельности. Этому способствовал провозглашенный двадцать лет назад курс государственной политики на формирование в России информационного общества, т.е. на более качественное общественное развитие, сопровождаемое созданием высокоразвитой информационной инфраструктуры как суперсистемы, состоящей из множества организационных структур, подсистем, обеспечивающих функционирование и развитие информационного пространства страны и средств электронного межведомственного взаимодействия органов власти. Этому способствовали успехи и достижения одной из самых перспективных IT-отрасли как фактора общественных преобразований, приводящих к кардинальным изменениям в жизни государства и всего человечества. Эпоха цифровых трансформаций характеризуется широкими возможностями свободно передавать и принимать информацию в реальном режиме времени (online), например, доступ к таким сетевым информационным ресурсам, как государственные информационные системы, информационные системы отраслей экономики, информационные системы банковского сектора экономики, информационные ресурсы науки, образования, здравоохранения (телемедицина), доступ к цифровым арт-объектам сферы культуры и многое другое.

Сфера культурной жизни современного общества – одна из приоритетных в государственной политике, в которой ключевая роль отводится национальной культуре как фактору разностороннего развития и самореализации личности, повышения значимости духовно-нравственного содержания потенциала каждого человека и общества, а также сохранения национальной идентичности, самобытности всех народов и этнических общностей России.

В рамках концепции «цифровая культура» необходимо подчеркнуть важное значение создания и сохранения культурных ценностей, культурного достояния, культурного наследия народов России, а в ближайшей перспективе стремления к международному культурному сотрудничеству и интеграции отечественной культуры в культуру мира во всех ее формах. В данной концепции, в условиях современного мироздания, заметны феноменальные изменения, особенно в связи с переходом к стандартам 5G, 6G мобильной связи и широкополосного Интернета, стремительное увеличение скоростей в телекоммуникационных каналах, что обеспечивает такой ритм жизни, что большая часть общества в ближайшей перспективе получит возможность ощутить себя в мире «виртуальной реальности» или «дополнительной реальности». Очевидна практическая значимость мобильных приложений, погружающих нас в сетевые сервисы и сетевые услуги, и это, бесспорно, вносит неопределимый вклад в сферу «цифровой культуры». Нельзя не отметить и развитие робототехники, нейросетей, машинного зрения, а также наращивание когнитивных технологий и искусственного интеллекта и их неопределимую роль в сфере «цифровой культуры». Информационные технологии все активнее внедряются в сферу культуры, не только качественно оцифровывая объекты классической (традиционной) культуры, но и создавая новые шедевры «цифровой культуры», которые безусловно, в перспективе перейдут в фонды «цифровое наследие».

Таким образом, актуальность исследуемой темы определяется и тем, что в совокупности с появлением таких лингвистических феноменов, как «виртуальная реальность», «дополнительная реальность», «электронные библиотеки», «виртуальные музеи», «цифровые архивы», «цифровое наследие» и многое др., часть которых в рамках нормативных правовых актов в ближайшей перспективе обязательно будет закрепляться законодателем как правовые дефиниции. Если рассматривать дефиниции как способ организации юридической материи, особенно учитывая опыт законодательной деятельности за последние годы как на федеральном, так и на региональном уровнях, где предпочтение отдается специальным статьям, которые, как правило, так и называются «Основные понятия».

Понятие «цифровая культура» на протяжении последних лет находится в фокусе внимания современной российской культурной политики и законодательства в сфере культуры, подразумевающей деятельность государственных органов по сохранению, актуализации, популяризации культуры в разных ее формах. В России уже давно сделаны первые шаги по формированию правовой основы для регулирования сферы «цифровой культуры». В постановлении Правительства РФ от 3 марта 2012 г. «О федеральной целевой программе “Культура России (2012–2018 годы)”» подчеркивается, что сегодня внедрение информационно-коммуникационных технологий в сферу культуры и информатизация отрасли соответствуют поставленной Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации задаче формирования информационного общества и повышения на этой основе качества жизни граждан. «Информационные технологии должны сыграть важнейшую роль в обеспечении максимальной доступности для граждан Российской Федерации культурных благ, участия граждан в культурной жизни общества вне зависимости от уровня доходов, социального статуса и места проживания, а также в обеспечении доступности культурных благ для граждан, в том числе с ограниченными возможностями».

Сегодня государственная культурная политика руководствуется в данной деятельности соответствующими принципами и нормами, что было предписано в указах Президента РФ: от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» и от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», где в качестве одной из основных целей национальной стратегии предусматривается повышение роли России в мировом культурном пространстве при развитии информационного общества.

В 2018 году Министерством культуры РФ был сделан прогноз развития сферы культуры до 2036 г., предполагающий «совершенствование организационных, экономических и правовых механизмов в сфере культуры, необходимых условий для реализации творческого потенциала нации, цифровизации услуг и формирования информационного пространства, создание необходимых условий, направленных на обеспечение максимальной доступности культурных благ; сохранение культурного наследия

России; повышение качества и разнообразия услуг, предоставляемых в сфере культуры». Для достижения поставленных задач предлагается «обеспечить широкое внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны (виртуальные концертные залы, оцифровку книжных фондов, цифровые гиды и онлайн-трансляции». В результате продвижения государственной политики, согласно указу Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», был разработан и утвержден национальный проект «Культура», при нем Паспорт проекта Президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. В проект, реализация которого началась 1 января 2019 г., включены три подраздела – федеральные проекты: «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура».

Глава 1. КОНЦЕПЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

1.1. Концепция формирования информационного общества в России: Государственная программа «Информационное общество 2011–2020 гг.»

В современных условиях российское общество начало движение к качественно новому состоянию, определяемому как информационное общество – постиндустриальное общество, новая историческая фаза развития цивилизации, где главными продуктами производства являются информация и её высшая форма – знания [97]. В России фокусирование политики государства на формирование информационного общества обозначилось в 1980–1990-е годы, подтверждением чего стал процесс разработки Концепции информатизации общества. Проект Концепции характеризуется в первую очередь проводимой в стране перестройкой социально-экономических отношений, демократизацией общественной жизни в России, что было политически и социально-экономически обосновано. В реальности процессы информатизации и внедрение информационных технологий в России протекали в сложных социально-экономических условиях, но при этом существенно способствовали модернизации прежних представлений, стереотипов и моделей взаимоотношений между политическими институтами и институтами гражданского общества, властью и обществом.

Реализация Концепции информационной политики государства послужила основой, в которой заложена стратегия устойчивого развития, т.е. поставлены конкретные цели, сформулировано ряд задач, определены способы и механизмы реализации, спрогнозированы результаты информационного воздействия на социально-экономическое, политическое и культурное развитие Рос-

сии и ее безопасность в информационной сфере. Объективно же требования коренного изменения инфраструктуры и характера информационного обеспечения практически во всех сферах общественной жизни было обусловлено реальными локальными и глобализационными факторами. Проект разрабатывался на конкурсной основе с участием ведущих учёных по специальному решению Политбюро ЦК КПСС от 15 июня 1988 г., в обсуждении которого принимали участие институты Академии наук СССР и Государственного комитета СССР по вычислительной технике и информатике [225, с. 324].

Эволюционное развитие государственной политики информатизации нашло отражение в законодательных актах, регулирующих отношения в информационной сфере, например, в Гражданском кодексе [75], федеральных законах «О средствах массовой информации» (1991) [59], «О государственной тайне» (1993) [61], «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания в Российской Федерации» (1995) [64], «Об участии в международном информационном обмене» (1996) [66], «Об информации, информатизации и защите информации» (2006) [69] и многих других.

Объективно назрела необходимость в стратегическом документе, определяющем направления построения информационного общества, и 15 октября 1998 г. Комитетом Государственной Думы по информационной политике в тандеме с Постоянной палатой по государственной информационной политике при Президенте Российской Федерации была принята Концепция информационной политики как составной части внешней и внутренней политики государства, охватывающей все сферы жизнедеятельности общества [98].

Основываясь на нормах Конституции Российской Федерации и Декларации прав и свобод человека и гражданина, долгосрочной стратегической целью информационной политики был определен переход к новому этапу развития России – построению информационного общества. Основные этапы движения России к информационному обществу виделись через:

– реформирование информационного производства на основе управления информацией как важнейшим ресурсом социально-экономического, политического и культурного развития;

– развитие общественных и личных информационных потребностей, сферы информационных и телекоммуникационных услуг;

– открытость информационной политики как главной предпосылки последовательного демократического развития страны и т.д. Исключительно важным следует считать тот факт, что Концепция государственной информационной политики ставила интересы граждан и общества как более приоритетные по сравнению с интересами государства.

На основе Концепции информационной политики в 1998–1999 гг. была разработана (но, к сожалению, не утверждена) Концепция федеральной целевой программы «Развитие информатизации в России на период до 2010 года» [99], которая позиционировалась как программа создания условий для перехода страны к информационному обществу. Концепция предполагала три стратегических направления движения России к информационному обществу: информатизация системы образования, формирование и развитие индустрии и соответствующей инфраструктуры информационных и телекоммуникационных услуг, наполнение информационной сферы духовно-нравственным содержанием, отвечающим российским культурно-историческим традициям, с учетом огромного культурного наследия и неиссякаемого творческого потенциала народов, веками проживающих вместе на этой земле.

Вопросы дальнейшего формирования и разработки конструктивной политики России естественным образом соотносились с общемировыми тенденциями построения информационного общества – глобальное пространство диктует различные варианты межгосударственного сотрудничества, обеспечиваемого ролью большого числа международных институтов и интеграционных объединений [119, с. 122].

На этапе формирования информационного общества приоритетное место занимает возможность использования информационных и телекоммуникационных технологий в обеспечении как эффективности государственного управления, так и качества предоставления государственных и муниципальных услуг соответствующими федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федера-

ции, а также местными администрациями и иными органами местного самоуправления, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочиями, о чем заявлено в Федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ.

В целом задачи этого направления сопряжены с формированием в органах государственной власти современной базовой информационно-технологической инфраструктуры параллельно с реализацией проектов по созданию государственных информационных систем, реестров, регистров, обеспечивающих автоматизированный сбор, обработку и хранение данных, необходимых для качественного и эффективного выполнения возложенных на них функций.

Огромную роль выполняют регламентирующие нормативные правовые акты. Важной вехой в формировании стратегической линии по информатизации работы органов исполнительной власти стала Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)», принятая Правительством Российской Федерации 28 января 2002 г. [86] и подвергающаяся, в рамках обозначенных сроков выполнения, корректировкам.

Своей целью программа ставила:

- повышение качества взаимоотношений государства и общества путем расширения возможности доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти, повышения оперативности предоставления государственных и муниципальных услуг, внедрения единых стандартов обслуживания населения;

- повышение эффективности межведомственного взаимодействия и внутренней организации деятельности органов государственной власти на основе организации межведомственного информационного обмена и обеспечения эффективного использования органами государственной власти информационных и телекоммуникационных технологий, повышения эффективности управления их внедрением в деятельность органов государственной власти;

- повышение эффективности государственного управления, обеспечение оперативности и полноты контроля за деятельностью органов государственной власти [86].

Показательно, что на этапе дальнейшего формирования информационного общества в свете определяющих целей и направлений деятельности органов государственной власти в 2008 г. Правительством Российской Федерации был утвержден важный документ, являющийся основой для подготовки и уточнения доктринальных, концептуальных, программных и иных документов, а также разработки принципов и механизмов взаимодействия органов государственной власти с организациями и гражданами в области развития информационного общества в Российской Федерации – «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» [92].

Особое внимание в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» 2008 г. было уделено международному сотрудничеству в области развития информационного общества, где основными направлениями реализации Стратегии указывалось: «участие в разработке международных норм права и механизмов, регулирующих отношения в области использования глобальной информационной инфраструктуры, включая вопросы интернационализации управления сетью Интернет; участие в международном информационном обмене; участие в формировании системы международной информационной безопасности, совершенствование взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации и иностранных государств в области предупреждения, выявления, пресечения и ликвидации последствий использования информационных и телекоммуникационных технологий в террористических, экстремистских и иных преступных целях; участие Российской Федерации в международных исследовательских проектах по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники; участие в разработке международных стандартов в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, гармонизация национальной системы стандартов и сертификации в этой сфере с признанием международного права».

В Проекте Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, опубликованном на сайте Совета Безопасности РФ 13 декабря 2016 г., на следующем уровне развития информационного общества целями и стратегическими национальными приоритетами России устанавливаются создание государством условий для формирования в Российской

Федерации общества, которое стремится к получению, производству и распространению знаний, – общество знаний; повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве. Знания в Проекте определяются как сформированная обществом и доступная гражданам достоверная система представлений и понятий, основанная на проверенных практикой объективных результатах познания действительности, осмысленных человеком. Создание базы по формированию знаний и предоставлению доступа к ним, совершенствованию механизмов их распространения, применению на практике в интересах личности, общества и государства [95].

Нормотворческая, управленческая и контрольно-надзорная функции государственного аппарата характеризуются наличием и оборотом значительного объема информации, на основе которой готовятся, принимаются и реализуются государственные программы, стратегии в экономических, социальных и культурных сферах. Право на доступ к открытой и объективной информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления важно для граждан, так как определит высокий уровень доверия со стороны общества к этой власти, а прозрачность и открытость о их деятельности снизит возможность злоупотреблений и повысит уровень защищенности прав и свобод граждан [258]. В силу такой специфики информация о деятельности государственной власти и органов местного самоуправления имеет высокую социальную значимость в развитии и функционировании демократического информационного общества.

Без сомнения, в современной России важную роль выполняет интернет-среда, дающая возможность выстраивания информационных правоотношений между органами исполнительной власти и гражданами, эффективного администрирования и предоставляющая государственные и муниципальные информационные услуги юридическим и физическим лицам в глобальной компьютерной сети Интернет в форме открытых данных. Граждане могут использовать для получения информации официальные сайты органов власти, порталы региональных правительств, системы поиска нормативно-правовой информации на государственном интернет-ресурсе, получать юридические консультации, обсуждать свои проблемы в виртуальном пространстве, отправить обращение в общественную интернет-приемную, высказывать свое

мнение, оставить жалобу на порталах различных организаций и многое другое [258].

В векторе развития информационного общества в мае 2008 г. Правительством РФ была рассмотрена «Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» [79], раскрывающая соответствующие положения «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации». В Концепции подчеркивается, что новая форма организации правительства – это «новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения гражданами и организациями государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов» [Там же].

10 сентября 2009 года вышло Постановление № 721 «О внесении изменений в федеральную целевую программу “Электронная Россия (2002–2010 годы)”» [87]. В новой редакции Программы конкретизировались цели, задачи, показатели результативности, практические мероприятия, направленные на построение инфраструктуры электронного правительства России и реализацию Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года.

Согласно положениям Программы, основу построения инфраструктуры электронного правительства представляет унифицированная технологическая платформа, объединяющая на единой телекоммуникационной инфраструктуре функциональные элементы электронного правительства – информационные системы федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также элементов инфраструктуры общественного доступа – центров доступа в общественных приемных, библиотеках и ФГУП «Почта России», ведомственных и региональных центров телефонного обслуживания, сайтов государственных органов в глобальной сети Интернет, региональных многофункциональных центров оказания услуг населению. Оператором создания инфраструктуры электронного правительства в 2009 году была утверждена компания «Ростелеком».

Сегодня пришло важное понимание сущности и видов информационных ресурсов, особенностей их формирования, где информационные ресурсы государственных органов власти становятся одними из востребованных современным обществом. Право на доступ к информации является сравнительно новым для Российской Федерации, а законодательство в этой сфере – самым «молодым» [258]. Законодательство, регулирующее информационную сферу, отражено в статьях Конституции [1, ст.ст. 15, 24, 29 и др.], в ряде федеральных законов, законов субъектов России и других нормативных правовых актах. Большое значение в укреплении правового порядка в данной сфере имеет Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» № 8-ФЗ [70].

Продолжением реализации курса на организацию системы предоставления государственных и муниципальных услуг гражданам и организациям в электронном виде стало утверждение в ноябре 2009 г. «Плана перехода федеральных органов исполнительной власти на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде», в который были включены 73 базовые государственные услуги, подлежащие переводу в электронный вид [159], а также принятие Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» № 210-ФЗ (2010) [71].

Выполняя поручение Правительства Российской Федерации, Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации оценило возможности продления сроков действия Программы «Электронная Россия» на 2011–2012 годы и предложила считать это нецелесообразным.

В экспертном заключении отмечается, что основная причина – отсутствие практически значимых результатов в реализации Программы за последние четыре года. В 2002–2005 годах в рамках Программы «Электронная Россия» было выполнено всего лишь 2,5% от общего объема запланированных проектов информатизации государственных органов. Объем финансирования Программы не превышал 25% от предусмотренной суммы из федерального бюджета в этот период, а также неоднократно вносились существенные изменения. Часть федеральных органов государственной власти не имеют комплексных программ по внедре-

нию информационных и телекоммуникационных технологий и совершенствованию на их основе своей профессиональной деятельности, что приводит к нерациональным расходам. Большая доля бюджетных средств приходится на приобретение и адаптацию компьютерного и сетевого оборудования, что свидетельствует о нерациональном подходе со стороны органов власти, где наблюдается доминирование технологического подхода к процессам информатизации. Неразумно органами государственной власти дублируются заказы на разработку программных проектов, что в отдельных случаях приводит к несовместимости программно-технических решений и обмена данными между государственными информационными системами. Ограничивается возможность механизма автоматизированных средств поиска и аналитической обработки информации в силу того, что данные представлены в разных форматах. Все это снижает оперативность подготовки управленческих решений и качество государственных услуг, предоставляемых населению. Неконтролируемый процесс сбора, хранения и передачи информации о гражданах и организациях в государственных информационных системах, в условиях отсутствия эффективных механизмов защиты, создает угрозу нарушения прав граждан.

В рамках государственной информационной политики национальные интересы Российской Федерации распространяются на соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение возрождения духовно-этических идеалов в России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны. Не обходят стороной и крайне важную тему – информационную безопасность, т.е. обеспечение защиты информации от несанкционированного доступа, безопасность государственных информационных систем, безопасный Интернет, защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Мерой правового регулирования в области информирования и совершенствования законодательства Российской Федерации и правоприменения явились «Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утверждённые 4 мая 2011 г. [94]. Основными мерами, отраженными в документе, можно назвать: 1) создание условий для бес-

печения доступности к правовой информации – для этого был создан государственный сайт правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); 2) развитие комплекса мер по правовому просвещению граждан; 3) обеспечение функционирования информационно-справочных систем, в том числе в глобальной сети Интернет (<http://www.consultant.ru>, <http://www.garant.ru>, <http://www.kodeks.ru> и др.); 4) обеспечение для всех категорий граждан и юридических лиц доступности юридических информационных услуг; 5) внедрение практики оказания адвокатами и нотариусами юридических консультаций и содействия гражданам при получении ими государственных услуг, а также их участие в правовом просвещении граждан и развитии правосознания населения [258].

Согласно мнению Департамента по экономическим и социальным вопросам США, успехи Российской Федерации в формировании информационного общества связываются с созданием «очень солидного и репрезентативного Портала государственных услуг со ссылками на все министерства и ведомства и богатым набором технических функций», который обеспечивает точку единого доступа ко всем государственным муниципальным услугам и дает возможность физическим и юридическим лицам получать эти услуги в электронном виде по адресу в сети Интернет <http://gosuslugi.ru>.

Несомненно, что уровень развития и использования информационных технологий в различных областях жизни общества является важным условием поступательного экономического и социального развития, и перманентно возникающие новые задачи ведомственной, региональной информатизации и в конечном итоге модернизации экономики и социальных задач в Российской Федерации безотлагательно требовали решения. Реализация информационной политики в органах государственной власти в области развития инфраструктуры электронного правительства нашла практическое отражение – 20 октября 2010 г. вышло распоряжение Правительства РФ № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», включающее 6 подпрограмм [81]. Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество (2011–2020 годы)"» [89]

распоряжение Правительства РФ № 1815-р было признано утратившим силу в связи с утверждением скорректированной государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)».

При подготовке данной госпрограммы были учтены мировой опыт аналогичных программ в других странах, положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. [80], национальные приоритеты, обозначенные в Стратегии развития информационного общества Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 7 февраля 2008 г. [92], мировые тренды в отрасли рынка информационных и телекоммуникационных технологий. Необходимо отметить, что Программа «Информационное общество (2011–2020 годы)» [81] отразила новые взгляды к формированию и распределению бюджета, разработке долгосрочных государственных программ.

Распоряжением № 2161-р от 2 декабря 2011 г. [82] в Программу были внесены изменения и она была изложена в новой редакции, что подтвердило наличие «информационного взрыва» в стране и изменившихся подходов государства к бюджетированию и долгосрочным госпрограммам [224].

Одним из ключевых ориентиров Программы была обозначена высокая степень интеграции Российской Федерации в мировое информационное общество [81], что созвучно общемировым тенденциям и ими обусловлено. Очевидно, что Программа отразила стремление России выйти на уровень мировых лидеров реализовать потенциал уже существующих информационных инфраструктур и инновационных технологий, глобальных информационных систем, организационно-правовую форму взаимодействия внутри страны информационных систем и компьютерных сетей, стандарты к электронному взаимодействию и обмену электронными документами между органами государственной власти, муниципальными органами и органами местного самоуправления как на национальном, так и трансграничном уровнях, а также подготовку международных договоров по обеспечению взаимного признания и применения электронных подписей на просторах экономического взаимодействия стран в форматах СНГ, ШОС, БРИКС.

Показательно, что, согласно Программе, ориентированной на обеспечение прав и основных свобод человека, в том числе права каждого человека на информацию, на тот момент актуальными направлениями движения к формированию информационного общества были отмечены:

- создание на всей территории Российской Федерации современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры;

- достижение опережающего роста российского рынка информационных и телекоммуникационных технологий по отношению к общемировому уровню;

- принципиальный рост качества и доступности услуг почтовой связи, создание спектра новых услуг для населения на всей территории страны на базе почтовых отделений;

- существенное сокращение транзакционных издержек в экономике за счет стандартизации процессов, среды взаимодействия и внедрения информационных и телекоммуникационных технологий;

- высокое качество предоставления государственных услуг в электронном виде, осуществление большинства юридически значимых действий в электронном виде;

- развитие социальной самоорганизации и социального партнерства власти, бизнеса и общественности на основе использования информационных технологий;

- сокращение «цифрового неравенства» субъектов Российской Федерации, предупреждение изолированности отдельных граждан и социальных групп;

- развитие сервисов на основе информационных и телекоммуникационных технологий в сферах культуры, образования и здравоохранения;

- предоставление возможности осуществления трудовой деятельности дистанционно и содействие самозанятым;

- достижение технологической независимости (импортозамещение) Российской Федерации в отрасли информационных и телекоммуникационных технологий;

- достижение такого уровня развития технологий защиты информации, который обеспечивает неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, безопасность информации ограниченного доступа [81].

Предполагалось, что структурирование Программы на 6 подпрограмм позволит эффективнее выполнять поставленные задачи, интенсифицировать формирование информационного пространства как одного из главных путей развития общества нового типа.

Подпрограмма №1 приоритетом ставит качество жизни граждан и условия развития бизнеса в информационном обществе. В данном ключе были сформулированы ее положения – развитие федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» по принципу «одно окно»; создание и развитие информационных систем поддержки малого и среднего предпринимательства; обеспечение перехода на предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде; создание и развитие аналитической системы оптимизации государственных и муниципальных функций и услуг как инструмента совершенствования государственного управления и местного самоуправления; разработка механизмов, позволяющих использовать мобильные устройства для доступа к сервисам электронного правительства благодаря мобильным приложениям; обеспечение транспарентности информации о деятельности органов государственной власти и доступности государственных информационных ресурсов для граждан и организаций.

В рамках подпрограммы была запланирована оптимизация разработки и обеспечения функционирования официальных сайтов федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации; создание сервисов для обеспечения общественного обсуждения и контроля за деятельностью органов государственной власти; создание инструментов общественного управления на муниципальном уровне; создание и внедрение комплексных информационных систем в области здравоохранения; развитие электронных сервисов для повышения качества оказания услуг в области образования и науки; социальная адаптация и развитие творческих способностей лиц с ограниченными возможностями здоровья посредством использования современных информационных технологий и дистанционных образовательных технологий, в том числе организация дистанционного обучения в режиме Online детей-инвалидов,

нуждающихся в обучении по общеобразовательным программам на дому.

Кроме того, выделены такие направления: а) совершенствование градостроительной деятельности, осуществление контрольно-надзорных и разрешительных функций и оптимизация предоставления государственных услуг в области градостроительной деятельности за счет использования информационных технологий; б) совершенствование контрольно-надзорных и разрешительных функций и оптимизация предоставления государственных услуг в сфере здравоохранения; в) социального развития; г) санитарно-эпидемиологического благополучия; д) потребительского рынка за счет использования информационных технологий; е) совершенствование контрольно-надзорных и разрешительных функций и оптимизация предоставления государственных услуг в области сельского хозяйства за счет использования информационных технологий.

Подпрограмма 2 призвана решать проблемы перехода к новой форме организации деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, предметом ее рассмотрения является электронное государство и эффективность работы служащих в органах государственного управления.

Практически значимыми являются закрепленные в Подпрограмме проведение мониторинга реализации Программы и экспертизы полученных результатов и создание системы контроля реализации решений Правительственной комиссии по внедрению информационных технологий в деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, а также реализация мероприятий по координации расходования бюджетных средств органами государственной власти на информационные технологии.

Подпрограмма 3 рассматривает российский рынок информационных и телекоммуникационных технологий и основные факторы, влияющие на доступность для населения современных информационных технологий, среди которых указан и уровень цен на компьютерную технику, средства мобильной связи, доступ к сети Интернет, программное обеспечение и услуги в сфере информационных технологий.

Подпрограмма 4 «Базовая инфраструктура информационного общества» основывается на необходимости расширения доступа граждан и организаций к современным информационным технологиям, к актуальной информации и знаниям как важному условию создания информационного общества. Мероприятия подпрограммы нацелены на обеспечение универсального, повсеместного, справедливого и приемлемого в ценовом отношении доступа к инфраструктуре информационных технологий и услугам на базе информационных технологий.

Такой исключительно значимой проблеме, как обеспечение необходимого и достаточного уровня безопасности в информационном обществе посвящена Подпрограмма 5. Приоритетами подпрограммы являются следующие мероприятия:

1) создание системы определения и контроля уровня реальной защищенности информационного общества от проявлений терроризма в информационной сфере, обеспечивающей непрерывное получение сведений о состоянии объектов инфраструктуры и возможных проявлениях терроризма в информационной сфере, а также своевременное реагирование на указанные проявления;

2) создание и поддержка отечественных защищенных технологий хранения и обработки больших массивов неструктурированной информации, в том числе создание отечественных защищенных функциональных сервисов и технологических компонентов, обеспечивающих хранение и обработку больших массивов неструктурированной информации, их дальнейшая поддержка и развитие, позволяющие увеличить объем обрабатываемой неструктурированной информации;

3) развитие и интеграция с различными ведомственными и межведомственными информационно-управляющими системами единого банка данных по проблемам борьбы с терроризмом;

4) создание национальной программной платформы (комплекс отечественных программных решений-модулей, построенных на базе единых технологий, позволяющих осуществлять разработку новых программных продуктов методом компоновки и настройки уже готовых модулей, а также разработку новых модулей);

5) формирование открытых стандартов взаимодействия информационных систем, в том числе разработка и поддержка про-

фия открытых стандартов архитектуры государственных информационных систем, форматов и протоколов обмена данными, обеспечивающих совместимость государственных информационных систем и их компонентов;

б) развитие суперкомпьютеров и грид-технологий.

Показательно, что в данной редакции Программы особое внимание среди приоритетных направлений уделяется цифровому культурному наследию, его формированию, популяризации, сохранению, обеспечению права доступа и безопасности. Подпрограмма 6 «Цифровой контент и культурное наследие» закрепляет мероприятия, позволяющие сохранить культурное наследие для будущих поколений, и главная роль отведена переводу объектов культурного наследия – материального и нематериального – в цифровой формат. Важность данной Подпрограммы неоспорима в свете того, что культурное наследие является духовным, экономическим и социальным капиталом, будучи главным основанием для национального самоуважения, формирования менталитета, утверждения преемственности ценностей, обычаев и традиций.

15 апреля 2014 г. взамен государственной программы, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р, было принято Постановление Правительства РФ от № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”» [89]. В данной Программе указывалось, что повышение качества жизни граждан на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий прогнозируется достичь путем обеспечения предоставления гражданам и организациям услуг с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий; развития технической и технологической основы становления информационного общества; предупреждения угроз, возникающих в информационном обществе [89].

Вполне ожидаемо, что основными инструментами, способствующими практической реализации Программы, были выбраны современные информационные технологии, информационные системы и телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет.

Четыре подпрограммы установили основные вехи реализации и основных участников проекта, в число которых вошли

крупнейшие российские государственные структуры. Цели подпрограмм сформулированы в соответствии с реалиями информационного общества: а) создание условий для равного уровня доступности к современным информационно-телекоммуникационным технологиям; б) обеспечение равного доступа населения к медиасреде; в) повышение уровня взаимодействия граждан, организаций и государства на основе информационных и телекоммуникационных технологий; г) создание надежной инфраструктуры, обеспечивающей информационную безопасность государства, граждан и субъектов хозяйственной деятельности.

Показателями эффективности реализации Программы, на стоящий момент дважды откорректированной после утверждения, могут считаться Международные рейтинги (многие авторы опираются на их показатели и на опыт, в частности, Европейского Союза, учитывая особенности анализируемых стран и самого европейского региона) [129]. Оценка развития информационного общества – сложная задача, требующая комплексного подхода. Одним из вариантов является инициатива Европейской комиссии «Цифровая повестка дня для Европы: Европа 2020» (Digital Agenda for Europe: A Europe 2020 Initiative), которая проводит исследовательский проект «Оценка 2014 – прогрессивный отчет по целям Цифровой повестки дня» («Scoreboard 2014 – Progress Report Digital Agenda Targets»). «Цифровая повестка дня для Европы» («Digital Agenda for Europe») – элемент Стратегии роста Европы 2020. «Оценка 2014» принимает во внимание цели, приоритеты и области (areas of activity set), которые изложены в официальном документе по информационному обществу ЕС «Digital Agenda for Europe: A Europe 2020 Initiative», и оценивает внедрение «Цифровой повестки» на основании анализа официальной статистики [28].

Согласно Индексу готовности к электронному правительству ООН 2014 (UN E-Government Global Survey 2014), комплексному показателю, характеризующему уровень развития электронного правительства в странах мира [221], Россия попадает в группу стран с высоким индексом развития электронного правительства (High E-Government Development Index (EGDI)) (между 0,50 и 0,75). EGDI России – 0,7296 (27 место). В 2010 г. страна была на 59 позиции, а среди стран Восточной Европы она занимает первое место [305].

В рейтинге стран по Индексу экономики знаний Всемирного банка 2012 (World Bank' Knowledge Economy Index (KEI) 2012 Rankings), комплексному показателю, характеризующему уровень развития экономики, основанной на знаниях, в странах и регионах мира, Россия заняла 55 место (KEI 5,78) [286].

В рейтинге по Индексу развития информационно-коммуникационных технологий в странах мира, рассчитанному по методике Международного союза электросвязи (International Telecommunication Union (ITU) ICT Development Index (IDI) 2012 Ranking), в 2012 г. Россия занимала 40 место (IDI 6,19) и была оценена ниже, чем в рейтинге 2011 г., когда она занимала позицию 38 [285; 309].

По Индексу готовности к сетевому обществу Всемирного экономического форума 2014 (World Economic Forum (WEF) Networked Readiness Index 2014) у России была позиция 50 (4,30). Это более высокая по сравнению с 2013 г. позиция – Россия занимала в указанном году 54 место из 148 [311]. Данный индекс характеризует уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в мире и его влияние на государственную конкурентоспособность [283].

По Индексу готовности к сетевому обществу Всемирного экономического форума 2013 (WEF Global Information Technology Report 2013) Россия занимала 106 позицию в 2012 г. и 99 – в 2011 г. [310].

В опубликованном аналитической группой Всемирного экономического форума рейтинге глобальной конкурентоспособности 2015–2016 (The Global Competitiveness Index 2015–2016), учитывающем такие параметры, как «Технологический уровень» и «Инновационный потенциал» позиция России поднялась с 53 до 45 места [305].

Таким образом, нарастание процессов информатизации обусловило необходимость программного закрепления шагов по дальнейшему формированию российского общества как информационного, и утверждение на правительственном уровне Программы «Информационное общество 2011–2020 гг.», в которой объединились и получили развитие и конкретизацию важнейшие положения других значимых документов, явилось закономерным.

Об определенной результативности реализации положений Программы говорят оценки международных рейтингов, и практика подтверждает необходимость регулирования процесса трансформации общества в информационное, определения и закрепления векторов дальнейшего его развития на государственном уровне.

Без сомнения, достижение главной цели, прописанной в Программе, неоспоримо зависит от нормативной правовой поддержки. В науке и особенно в практике констатируется, что в условиях перехода к глобальному информационному обществу на настоящий момент российская нормативная правовая база в области информационных технологий находится в стадии развития, уточняется правовая терминология, критерии систематизации правового материала.

Несмотря на то, что в нормотворчестве отражается анализ практических результатов как основа формирования информационной политики государства по взаимодействию с гражданским обществом и решению возникающих проблем, при этом не останавливается процесс пересмотра нормативных правовых актов. Это способствует увеличению числа нормативных правовых актов из-за быстро изменяющейся ситуации в отрасли информационных технологий и, как следствие, в информационном пространстве, что способствует появлению новых проблем. В данном случае мы наблюдаем процесс, похожий на замкнутый цикл, у которого нет ни начала, ни конца, когда возникает вопрос: что в данном случае причина, а что следствие? При всем этом в настоящее время государством осознаны научно-технические и экономические предпосылки, а также намечены реальные пути формирования и безошибочная стратегия развития информационного общества в России.

1.2. Государственная политика в сфере культуры на современном этапе развития информационного общества

Как историческая фаза развития мировой индустриальной цивилизации, информационное общество содержит важную неотъемлемую часть ее «глобального текста», ориентированную на презентацию достижений прошлого как основания для настояще-

го и будущего человечества – культуру и культурные ценности [158; 244]. Качество информационно-культурной части социокультурной среды, которая образует фундамент развития социума и личности, оказывает большое влияние на перспективы развития каждой страны и ее место в глобальной политике и экономике в целом [173, с. 4; 269].

Многогранный процесс формирования культуры на основе гуманистических традиций, ценностно-нормативной базы, которые символизируют самобытность и уникальность духовной жизни, концентрируют целевые устремления и идеалы многонационального народа России (исторический феномен), многообразие его этнокультурных идентичностей, определяют содержание и формы общественных отношений, что в свою очередь дает возможность решать широчайший круг задач, ключевая из которых – формирование мировоззрения как целостности философских, экономических, социально-политических, правовых, этических, нравственных взглядов [268]. Совокупность сформированных представлений выражает правильный подход к восприятию и истолкованию объективной реальности [178, с. 117].

Естественная потребность человека в культуре в разных ее формах как жизненно важной духовной ценности исторически обусловлена и существует в любую эпоху человеческого развития [230]. Под культурой понимается совокупность множества отличительных материальных, духовных (нематериальных), интеллектуальных особенностей, присущих группе людей, в том числе образа их жизни, системы ценностей, традиций и верований, права на которые гарантированы государством и закреплены в нормах Конституции Российской Федерации [1].

На всех уровнях государственной власти понимание того, что культура – такое же достояние, как и природные богатства, мощный энергоресурс физических, моральных и духовных сил человека, а следовательно, значимый фактор социально-экономического развития страны [119], служащий фундаментальным политико-правовым принципам и целям выражающих сущность государства, установлением конкретных прав и обязанностей субъектов, с прямыми предписаниями о должном и возможном, а также воплощая определенные ценности, идеи и взгляды.

В Основах государственной культурной политики Российской Федерации культура возведена как в ранг национальных ин-

тересов, так и национальных приоритетов, а это в свою очередь определяет, что культура признана важнейшим фактором роста качества жизни граждан и гармонизации общественных отношений, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности Российской Федерации [78]. Обеспечение национальных приоритетов включает усиление контроля государства за состоянием объектов культурного наследия – памятников истории и культуры, повышение ответственности за нарушение требований их сохранения, использования и государственной охраны [77].

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1622-р [80], культуре отводится ведущая роль в формировании человеческого капитала, создающего экономику знаний, что обусловливается переходом к инновационному типу развития экономики. Это стимулирует повышение профессиональных компетенций, включая уровень интеллектуального и культурного развития, возможного только в культурной среде, которая позволяет ставить цели и осознавать нравственные ориентиры развития общества. По мере развития личности растут потребности в культурно-творческом самовыражении, освоении накопленных обществом культурных и духовных ценностей [111]. Необходимость в удовлетворении этих потребностей стимулирует развитие рынка услуг в сфере культуры [211].

Неоспоримо, что культура особым образом воздействует на личные и коллективные формы сознания, и нельзя обойти вниманием такую ее функцию, как управление чувствами, эмоциями, настроениями. Культура становится действенным инструментом государственной политики в целях активизации политического сознания соответствующих групп и слоев населения, формирования и достижения устойчивости политической идеологии [Там же]. В широком смысле культуру можно понимать как главный смысл и глобальную ценность существования народов и государств.

В исследованиях современного состояния культуры в информационном обществе встречаются такие подходы, как информационно-технологический, где информация и способы ее передачи предстают как основная движущая сила прогресса, и

культурологический, где культура предстает первопричиной развития общества и всех его систем.

Типичными сегментами культурной предметно-объектной области являются следующие сферы:

- библиотечная деятельность и функционирование библиотечных организаций;
- музейная деятельность и функционирование музейных организаций;
- театральное искусство и театральная деятельность, функционирование театральных учреждений;
- кинематограф;
- народное творчество;
- танцевальное искусство и хореография, функционирование балетных учреждений;
- изобразительное и скульптурное искусство;
- музыкальное искусство;
- цирковое искусство, функционирование цирковых учреждений;
- археологическая деятельность;
- охрана материальных памятников истории и культуры.

Законодательство о культуре заняло достойное место в системе российского законодательства – действующие акты закрепляют как общие начала правового регулирования в сфере культуры, так и регламентирующие отдельные направления культурной деятельности (библиотечное, музейное дело, вопросы охраны памятников истории и культуры, государственная поддержка и т.д.) [219, с. 7].

Созданы законодательные акты, регулирующие общественные отношения в сфере культуры: «О библиотечном деле» [62], «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [65], «Об архивном деле» [68], а также в соответствии с Концепцией сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы [104], Федеральной целевой программой «Культура России (2012–2018 годы), принятой постановлением Правительства 3 марта 2012 г. [88], Основами государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики») [78] и с принципами

Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, разработанной во исполнение Основ и утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р) [84].

Каждый современный человек осознает, что развитие культурной сферы жизни общества возможно только через сохранение и использование культурного наследия [270]. В условиях информационного общества можно говорить и о классической, и о цифровой формах культуры. Безусловно, культура, независимо от формы выражения, есть национальное достояние, национальный культурный ресурс. «Многие из ресурсов имеют непреходящую ценность и значимость и поэтому представляют собой наследие, которое следует сохранять и защищать для современных, а главное для будущих поколений» [23].

Укрепление демократических основ общества, нивелирование деформации социальной сферы, повышение эффективности экономики, обеспечение достойного уровня жизни и повышения качества ее всех слоев населения возможно лишь при осознании обществом достойного места культуры в жизни каждого человека, общества, государства, генерируемой духовный потенциал как основу человеческого капитала.

Современная российская культура, включающая культуру русского народа, других народов и народностей России, основывается на интеграции национально-культурных достижений и традиций народов, населяющих страну, аккумулируя нравственные и духовные ценности [178, с. 114].

Гуманизм как критерий, как качественное измерение культуры, мерило ее истинности, как система, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей – одновременно представляет ее внутреннюю сущность, которая по отношению к другим людям должна выражаться в первую очередь через понимание своих правовых обязанностей, а они в свою очередь через интеграцию со стремлением поступать справедливо ради справедливости, при которой нет места для трусливых поступков, алчности, зависти, ненависти и враждебности. Человек, который способен радоваться счастьем других людей, всегда и сам будет счастлив.

Культуру можно рассматривать не только как процесс и результат деятельности человека, но и в первую очередь как про-

цесс становления и развития самого человека, формирования у него высших духовных и нравственных качеств [Там же, с. 117]. Процесс формирования основополагающих нравственных норм – трудолюбия, справедливости, целомудрия, скромности, открытости, честности, милосердия, стимулирующих развитие творческих потенций и инициативу, – органично становится критерием качества и ценностью современной информационной цивилизации, так как вне гуманистических установок не может мыслиться современная культура.

Являясь объектом правового регулирования, культура, ее развитие и сохранение, права человека на нее и государственные гарантии находят подкрепление в законодательстве, где к числу фундаментальных направлений относится вопрос законодательных дефиниций. В фундаментальных трудах М. В. Ломоносов отражает свое понимание юридической силы употребления терминов: «...всякому *юридическому* термину изобретать и составлять точные дефиниции, полные, без излишеств, ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двузnamenательных производит в суде великие беспорядки и отдаляет от правды к заблуждению и к ябедам» [191, с. 149].

Ученый-современник, доктор философских наук, профессор кафедры логики философского факультета МГУ В. А. Бочаров в Новой философской энциклопедии дал следующее определение термину «дефиниция»: дефиниция, определение (от лат. «definitio» – «предел», «граница») как логическая процедура придания терминам языка строго фиксированного смысла [206]. Из сказанного следует, что каждое определение придает не только смысл термину, но и его значению. Дефиниции способны отразить всю динамику стремительно развивающегося государства и обеспечить эффективность механизмов правового регулирования, которые в свою очередь зависят от ряда условий и факторов внешнего и внутрисистемного характера. Внутренние условия отражают устойчивость системы правового регулирования, рациональность структуры механизма правового регулирования, его гибкость и слаженность действия, ее относительную непротиворечивость, качество отдельных элементов, таких как правоотношения, юридические нормы, нормативные правовые акты, юридические факты, акты официального толкования, акты реализации права, правоприменительные акты, правосознание и др.

Осознание этого факта делает необходимым анализ такого аспекта, как базовые определения понятий «культура», «культурное наследие». Их многогранность, недостаточно четко обрисованные границы этих понятий просматриваются в нормативных правовых актах. Приведем следующие формулировки, закрепленные в указе, подписанном Президентом Российской Федерации, «Об утверждении Основ государственной культурной политики». Понятие «культура» определяется как совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, художественных, интеллектуальных, гражданских и т. д.), а «культурные объекты», с точки зрения государственной культурной политики, могут быть как материальным, так и нематериальным наследием. Культурное наследие – это совокупность предметов, явлений и произведений, имеющих историческую и культурную ценность, и многое другое, – как в материальной, так и нематериальной форме [78].

Такой сложный социокультурный феномен, как нематериальное культурное наследие обозначен как обычаи, знания [7]; языки, традиции, формы представления и выражения, говоры, фольклор, традиционные уклады жизни, навыки и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия, свидетельствующие о культурном разнообразии народов мира (согласно определениям, данным в «Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы» (2008) [103], «Основах государственной культурной политики» (2014) [78].

Культурное наследие – часть культуры, созданное прошлыми поколениями, выдержавшее испытание временем и передающееся от поколения к поколениям, представляет собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и является неотъемлемой частью всемирного культурного наследия, как указано в Федеральном законе «Об объектах

культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ [67].

Культурное наследие неразрывно связано с понятием «культурные ценности», значение которых в воспитании патриотизма и гражданской позиции, в изучении и осознании истории России и ее народов, в приобщении людей к пониманию выдающихся достижений мирового и отечественного художественного искусства, сохранении самобытности и духовной неповторимости народов России, особенно в эпоху глобализации, трудно переоценить. Культурные ценности укрепляют государственно-конфессиональные отношения и способствуют улучшению духовно-религиозного климата, а также содействуют дружескому диалогу культур разных народов и стран и играют важную роль для развития такой сферы национальной и международной экономики, как туризм, где они имеют определяющее значение [136, с. 11].

Российский юрист, сотрудник Института государства и права РАН Л. Р. Клебанов, изучив более 20 нормативных и доктринальных дефиниций культурных ценностей, предлагает следующее определение: культурными ценностями являются материальные движимые и недвижимые предметы религиозного или светского характера, созданные человеком, природой либо человеком и природой, имеющие особую историческую, научную, архитектурную, художественную, археологическую, палеонтологическую, анатомическую, минералогическую, документальную, градостроительную, нумизматическую, филателистическую и иную культурную значимость для части общества, всего общества и государства независимо от формы собственности на них и времени их создания [175, с. 32–52].

Уместно это определение дополнить, так как отдельная часть национальной культуры уже существует не только в материальном выражении, но и в виртуальной реальности, потому что повсеместно применяются новые методы и средства (особенно отрасли ИТ) при создании, сохранении и репрезентации культурного наследия [177, с. 118]. Благодаря внедрению инновационных технологий таких, как книжные сканеры, фото и видео в высоком разрешении, ведущий компьютер – сервер с высокопроизводительной вычислительной мощностью и большой емкостью электронного хранилища для оцифрованного книжного фонда, скоро-

стными (широкополосными) каналами связи, что позволило формировать цифровые фонды нематериального культурного наследия, а это способствует нематериальному культурному наследию, в реальной жизни, не только материализоваться на разнообразных электронных носителях, но и предоставить право удаленного доступа к нему всем субъектам как в локальном, так и в сетевом режимах [290].

Таким образом, неуклонный вектор развития цивилизации по пути информатизации, глобализации всех сфер общественной жизни, высокий динамизм и взаимозависимость событий делает все более актуальной дальнейшую модернизацию культурной политики со стороны государства, обеспечивающей успешное национальное развитие.

Культура является сложным, многофункциональным, многоуровневым феноменом, которому свойственна способность самоорганизации, и это вызывает дискуссии о возможностях управления ею. Культурная политика предполагает участие государства в области культуры непосредственно, выступая главным регулятором через создание эффективных правовых норм, условий, правовых гарантий деятельности учреждений культуры, осуществление контроля за исполнением принятых законодательных актов, а также через политику дополнительных налоговых льгот для учреждений культуры и другие юридические действия, стимулирующие к развитию культуры от формирования культурных ценностей до культурных потребностей в современном обществе.

Государственная культурная политика призвана нивелировать проблемы в формировании социально-политического единства общества и этноконфессиональной толерантности, способна детерминировать интенсивное развитие демократического, социального, правового государства, внутривнутриполитическую стабильность, укрепление международных позиций и имиджа России. Институты, регулирующие культурную жизнь и культурную политику, существуют давно – главными среди них были государство и церковь, позже – активно развивающийся рынок социально-культурных услуг.

Реализация эффективной государственной культурной политики, соответствующей интересам развития и совершенствования демократических принципов жизнедеятельности современного гражданского общества, раскрывает основной вектор движения,

факторы **динамики культуры** в современных реалиях, а также учитывает важную роль цифровой формы в формате классической **культуры** как единого целого. Социальная и культурная стратификация общества приводит к тому, что ценности, нормы и разные формы **культуры** способствуют легитимизации творческих отраслей [173].

Культура во всем ее многообразии через свои институты бережно хранит, передает от поколения к поколению историю, обычаи, традиции и эволюционистские концепции, а также, безусловно, стимулирует экономический рост и в конечном итоге – конкурентоспособность, повышает уровень безопасности государства, входящей в основу стратегии национальной безопасности российского государства [70; 247].

Применительно к понятию «культурная политика» в литературе мы встречаем в качестве базовых управленческих подходов – целевой, институциональный и ресурсный, которые хорошо коррелируются между собой, и можно говорить об использовании комплексного подхода [143]. Как указывает доктор социологических наук, профессор СПбГЭУ Н. Михеева, сама двойственная природа культурной сферы, включающей социально-экономический и духовный компоненты, выражается в особой специфике управлению ею. К каждому из этих компонентов в процессе государственного управления необходимо применять разные подходы. Без сомнения, к ресурсному обеспечению развития социально-культурной сферы (социально-экономическому компоненту) применяются прямые, формальные методы управления, а управление духовными процессами имеют форму регулирования, поддержки и стимулирования творчества, культурной активности людей и использует косвенные, неформальные методы, например, когда происходит воздействие на социально творческую современную молодежь [198, с. 6].

В зарубежных исследованиях мы встречаем пять основных характеристик культурной политики, выделенных на основе тактических функций и целей:

- 1) цели деятельности правительства должны соотноситься с интересами региональных, местных органов управления и основных участников в культурной сфере;

2) цели государства должны соотноситься с реальными возможностями выбора субъектов, вовлеченных в процессы культурной политики;

3) реализация культурной политики предполагает действия по материально-техническому и творческому обеспечению функционирования культуры;

4) культурная политика предполагает распределение ресурсов как финансовых, так и административных, структурных, человеческих и творческих;

5) культурная политика обязательно предполагает планирование, которое представляет собой процесс подготовки государства к участию в культурной деятельности, а также в планировании и распределении ресурсов.

Более того, культурная политика ни в коей мере не должна быть простым сопровождением экономической и правовой интеграции. Если не рассматривать культуру как источник развития, не делать финансовых вливаний в сферу культуры, нет гарантий построения конкурентоспособной экономики, повышения уровня и качества жизни общества. Культурная политика неразрывно связана с политикой экономической и является непреложной функцией любого государства. Однако степень государственного регулирования процессов гуманизации общественных отношений и культурной деятельности в странах с разным уровнем развития имеет принципиальные отличия.

В разных странах стратегия и ориентиры проведения культурной политики отличаются, представляющие в то же время разные сценарии развития, что определяется, например, различными видами административных структур и федерального деления [127, с. 80], но доминирующим критерием выступает именно принцип бюджетного финансирования сферы культуры как на федеральном, так и регионально-муниципальном уровне культурной сферы, а не политические основания.

В государствах с высокоразвитой экономикой и сложившимися демократическими традициями (Великобритания, США и т.п.) культурная политика зачастую имеет достаточно ограниченный характер, представляя общественным институтам в первую очередь самому человеку свободу выбора содержания и форм духовного творчества. В странах с тоталитарными режимами (например Китай) курс культурной политики направлен на установ-

ление контроля над всеми формами культурной деятельности, делается серьезная ставка на культуру как на инструмент идеологического воздействия и укрепления государственного строя [178, с. 114].

В современном обществе приоритетные направления культурной политики, основополагающие векторы управления культурой и перспективы ее развития должен определять социально-философский характер взаимосвязи процессов формирования сознания человека и условий современной информационно-культурной среды.

В последние годы мы наблюдаем возросшую актуализацию понимания значения и роли культуры в формировании российской государственности. Сфера культуры признается в качестве одного из значимых ресурсов социально-экономического развития, и в задачи культурной политики входит предупреждение угрозы единству культурного пространства на фоне недостаточного использования потенциала культуры как фактора социально-экономического развития Российской Федерации, его национальной безопасности и территориальной целостности.

В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года отмечается, что постепенное сокращение в силу разных причин присутствия и влияния российской культуры в мире (в том числе и как следствие распада СССР) и снижение в 90-е годы XX в. экономических возможностей поддержки отечественной культуры за рубежом, которые происходили на фоне формирования образовательной и культурной политики независимых государств – бывших советских республик, является одним из основных рисков для отечественной культуры [84].

Президент России подчеркнул, что государство и общество несут ответственность за судьбы отечественной культуры, за ее современное состояние и перспективы. «Нельзя, – сказал В. В. Путин на Заседании Совета по культуре и искусству 2 октября 2013 г., – потерять свои культурные корни, то, что формировалось веками, складывалось многими поколениями представителей разных национальностей и разных религий и не раз на самых трудных поворотах истории государства российского сберегало его для будущих поколений. Именно поэтому мы говорим о необходимости осмысленной государственной культурной политики, о том, что нужны четкие принципы и четкие ориентиры,

которые обеспечат культуре роль определяющего, а не периферийного фактора развития страны и общества, человеческого капитала» [233].

Государственная культурная политика – это совокупность принципов и норм, которыми руководствуется российское государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры, определяющая векторное направление и формат новой модели общественного культурного развития.

Важнейшим условием в вопросах обеспечения эффективности культурной политики является государственное финансирование культуры. Государственное финансирование культуры также является важнейшим условием в культурной политике в разных странах мира. В Стратегии государственной культурной политики Российской Федерации на период до 2030 года особо отмечается, что использование современного зарубежного опыта формирования при определенных экономических условиях многоканальной системы финансирования культуры, например, межбюджетные и партнерские государственно-частные формы субсидирования лучше всего обеспечивают дополнительные денежные средства в сферу культуры, особенно в условиях дефицита государственного бюджета, а это в свою очередь способствует привлечению значительных внебюджетных инвестиций и обеспечивает устойчивое развитие культуры в современных условиях [84].

Анализ литературы, в том числе зарубежной, демонстрирует, что расходы на культуру занимают во многих странах небольшую часть государственного бюджета [291; 294]. Частный либо некоммерческий вклад, привлечение частных спонсоров и меценатов зачастую являются более доминирующими в финансировании искусства и культуры [306; 313], при этом государство играет центральную роль в оказании влияния на формирование и сохранение культурного наследия и перспектив искусства и культуры для будущих поколений общества [267]. Из чего следует, что в таком случае культурная политика попадает под сильное влияние со стороны физических лиц, групп, проектов, организаций и политических заинтересованных сторон, принимающих участие в формировании, сохранении, презентации, распространении и потреблении продуктов культуры [288].

Как отмечается в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, государство остается базовым стратегическим инвестором культуры и культурных институтов, и кардинального изменения ситуации в ближайшие годы не предвидится. Государство по-прежнему остается ключевым субъектом культурной политики и, пользуясь этой привилегией, имеет право утверждать инвестиционные проекты и реализовывать дорожные карты, сочетая это с ценностно-ориентированным подходом. Следовательно, государство с учетом реальных обстоятельств бюджетных и ресурсных возможностей по праву может требовать повышения эффективности и адресности инвестиций в человеческий капитал, культуру и культурную инфраструктуру. Государство – участник инвестиционной деятельности выступает как:

- инвестор, для которого важны эффективность инвестиций и результативность деятельности субъектов культуры;

- меценат, финансирующий культурную деятельность, исходя из ценностно-ориентированного подхода, без ожидания экономической отдачи;

- соинвестор в части софинансирования мероприятий и расходных полномочий субъектов Российской Федерации, когда сам механизм субсидий или межбюджетных трансфертов предусматривает показатели эффективности и целевой характер расходов;

- соинвестор, выступающий в рамках государственно-частного партнерства, и стратегический партнер, стимулирующий приток инвестиций в важную для государства и общества сферу;

- инвестор, делегирующий часть собственной ответственности и функций общественным институтам [84].

Существующая в России система органов управления культурой образована взаимосвязанными государственными органами и различными учреждениями, объединенными задачами решения текущих и первостепенных проблем культуры. В Российской Федерации (в отличие от советской модели культурной политики, в которой государство являлось ключевым и часто единственным субъектом культурной политики) существует закрепленное нормами права многообразие субъектов культурной политики. Так как региональное и этнокультурное многообразие – исторически

сложившаяся традиция в России, то естественным является делегирование части полномочий и функций с федерального уровня на уровень субъектов и органов местного самоуправления. Регламентация форм управленческой деятельности субъектами исполнительной власти зависит от организационно-правовой формы, осуществляемой административно-правовыми нормами, в интересах эффективности управления.

Целями и задачами управления являются определение и претворение в жизнь стратегических, магистральных путей культурной политики в государстве. Функции же специального управления связаны с решением конкретных задач на различных участках культурного пространства. В управлении культурой сочетаются государственные и общественные принципы управления, а также участвуют научные, академические и творческие организации и союзы.

Следует еще раз подчеркнуть, что происходит переосмысление роли культуры и места культурного наследия в жизни современного российского общества, роли государства в управлении социально-культурной сферой, создание правовых основ, норм, гарантий деятельности учреждений в сфере культуры, формирование и развитие эффективных правовых институтов и контроль исполнения действующих законов. Как субъекты разработки и проведения в жизнь общегосударственной и региональной культурной политики, эффективных программ социально-культурного развития отдельных республик, краев и областей выступают государственные органы власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Обеспечение равных прав и свобод человека в области культуры, установление основ федеральной культурной политики, определение приоритетов реформирования отрасли, принятие федерального законодательства в области культуры и федеральных государственных программ сохранения культурного наследия и развития культуры как фактора, способствующего закреплению наиболее ценнейших образцов поведения и передачи их последующим поколениям, правовое регулирование отношений собственности по законодательству Российской Федерации, основ хозяйственной деятельности в рыночных условиях и порядка распоряжения национальным культурным достоянием, культурными ценностями, включенными в единый государственный

фонд (реестр), выявление объектов, при соблюдении предусмотренных законодательством процедур, обладающих признаками объекта культурного наследия, находящегося в государственной или муниципальной собственности Российской Федерации, формирование федерального бюджета в части расходов на культуру при социально ориентированной рыночной экономики, безусловно, предполагают осязаемое участие государства в этой сфере, направленной на обеспечение высоких жизненных стандартов, комфортной среды, общественной и личной безопасности, неотчуждаемости прав и свобод человека и гражданина, последовательное повышение качества жизни населения, снижение социального и цифрового неравенства, сохранение для будущих поколений объектов культурного наследия страны – это столпы власти, на которых держится государство Российской Федерации и при ослаблении этих фундаментальных основ, с большой долей вероятности, многократно возрастут провоцирующие процессы распада многонационального государства, чего допустить нельзя.

Забота о благе страны и народа является основой осуществления государственной власти. Тогда как социальное государство берет на себя обязанность и выступает гарантом справедливого перераспределения материальных благ, в соответствии с принципом социальной справедливости, ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, а высший уровень развития – это «культурное» государство – совершенный, социально справедливый строй.

В третьем тысячелетии развитие новой (цифровой) культуры становится частью и выступает как категорический императив поступательного цивилизационного процесса, потому что национальная и духовная культура народов и народностей всегда в истории Российского государства играла важнейшую роль в построении правового демократического государства и, как следствие, общий уровень культуры современного общества, безусловно, определяет степень его готовности к усвоению новых норм и принципов, отношение к труду и сохранению социокультурных и духовно-нравственных ценностей.

Уместно остановиться на двух понятиях: культурном поручении и культурной ответственности. Понятие «культурное поручение» представляет культуру как «ориентир для отдельных личностей и средство интеграции для сообществ». Понятие

«культурная ответственность» подразумевает защиту свободы во многих сферах: в искусстве, образовании, науке, религии. В отсутствии культурных образцов и оценок индивиды могут потерять ориентиры, не найти свое место в обществе. Поэтому государство выступает как основной политический и экономический гарант при формировании социокультурного пространства, многообразия условий для развития человека, развития творческого потенциала личности, а также применение его талантов во благо общества, что в свою очередь обогатит общество, в котором поможет многим развить свои творческие способности и приумножить творческие дарования, расширить социокультурную среду для изучения генезиса, сущности и функции культуры при создании целостной материальной, духовной и художественной парадигмы: библиотеками, архивами, музеями, театрами и пр. [187].

Основные принципы культуры, учитывая разные культурно-исторические традиции, опираются на позитивное понимание мира, на ценностные установки, моральные и этические нормы. Они подразумевают уважение человека, признание всех его прав, равных возможностей, свободу выражения мнений, убеждений и получения информации, и при этом признают культурное разнообразие, диалог и взаимопонимание между народами, представляющими этнические, религиозные и другие группы. Совокупность фундаментальных принципов, главенствующими среди которых являются принципы детерминизма, системности и развития, конкретизирующие генезис и исторический опыт человечества, величайшие достижения последних веков в области естественных, общественных и технических наук, их результаты помогли значительно улучшить качество нашей повседневной жизни и на этой основе утверждать, что все явления в мире и мир в целом находятся в непрерывном развитии.

Культура как главный фактор общественного развития через совокупность достижений человечества в производственной, общественной и духовной жизни не только реагирует на многие перемены, происходящие в жизни общества и отдельно взятой личности, но и оказывает существенное воздействие на социальную жизнь, формируя и определяя многие общественные процессы, а также снижает опасность кризиса нравственных принципов, в силу того, что в современном мире ослабляет влияние традиционных общественных институтов: воспитательные учреждения,

применяющие эффективные методы убеждения и воспитания, армия, профсоюзы, трудовые коллективы.

Последнее время наблюдается, к сожалению, усиление роли средств массовой информации, телевидения, глобальной сети Интернет, в части его контента, оказывающего значительное влияние на процессы трансформации современного российского общества, особенно на сознание и поведение многих миллионов людей – это одна из причин социального кризиса, при котором фиксируется увеличение уровня социальной напряженности. Поэтому проведение государством социальной политики играет доминирующую роль, особенно государственной политики в сфере культуры.

Государственное управление сферой культуры базируется на конституционном принципе приоритета прав и интересов человека, которому должны следовать все субъекты права и с которым должна соотноситься деятельность всех государственных органов, организаций, учреждений и предприятий. В Российской Федерации культурные, информационные права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

Статья 19 Конституции Российской Федерации закрепляет равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Конституцией запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Также гарантированы равные права, свободы и возможности для их реализации независимо от пола [1].

Что касается доступа к культурной и иной информации, Конституция предписывает обеспечение каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ст. 24). Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Конституция гарантирует свободу массовой информации и отсутствие цензуры, гласит ст. 29. Статья 44 прописывает как права, возможности, так и обязанности человека и

гражданина в отношении формирования культурного наследия, пользования им, доступа к нему [Там же].

Каждый человек имеет свободу вносить свой вклад в формирование культурных ценностей, заниматься литературным, художественным, научным, техническим и другими видами творчества, преподавания. Закон охраняет интеллектуальную собственность, например, под объектами интеллектуальной собственности в ч. 4 Гражданского кодекса РФ понимаются результаты интеллектуальной деятельности: произведения науки, литературы и искусства. Данные объекты права интеллектуальной собственности подразделяются в соответствии с правовыми институтами, нормы каждого института регулируют отношения, возникающие в сфере его действия. Поэтому её охрана является одной из стратегических целей государства.

Конституцией утверждается право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Обязанностью же граждан Конституция предписывает заботу о сохранении исторического и культурного наследия, бережное отношение к памятникам истории и культуры [1].

На местные органы исполнительной власти возложены функции обеспечения на соответствующей территории реализации государственной политики и охраны культурного наследия. В ведении соответствующих структурных подразделений местных государственных администраций находится так называемая «инфраструктура третьего сектора» культуры государственной и коммунальной собственности.

Направления и инструменты государственного управления в области культуры, с учетом ее специфики – это защита языков и национальных культур, проживающих в стране народов и народностей; предоставление поддержки, в том числе финансовой, организациям и учреждениям культуры; применение различных форм и методов стимулирования и поощрения государством участия в культурной жизни всего населения; принятие государственных мер в отношении разрушительных по отношению к культуре действий; обеспечение восстановления, защиты, сохранения и передачи будущим поколениям культурного наследия, а также популяризация культуры России за рубежом для обеспечения опделенного его имиджа.

Заметим, что изменение и оптимизация системы управления культурой, перевод ее в новое качество, по всей видимости, предполагает отказ от традиционной монополии государства на управление сферой культуры.

Проект «Основы государственной культурной политики» 2014 г. достаточно критично представлял существующую систему государственного управления и указывал на необходимость ее реформирования. В Проекте особое внимание было уделено интенсификации взаимодействия государства с другими субъектами культуры для обеспечения полноценного общественно-государственного партнёрства в целях решения задач государственной культурной политики [78].

В утверждённом указом Президента документе делегирование государством части полномочий по управлению сферой культуры общественным институтам представляется как один из принципов государственной культурной политики [Там же]. Раздел «VII. Комплексное совершенствование системы управления» прямо говорит о том, что «масштаб и глубина необходимых преобразований требуют постепенного и целенаправленного включения профессионального сообщества и общественных организаций в процесс трансформации системы управления» [Там же].

При разработке Стратегии культурной политики как инструмента реализации «Основ» было намечено три основных направления: создание надведомственной, координирующей структуры; качественное законодательное сопровождение задач культурной политики; создание условий для развития государственно-частного партнёрства, повседневная работа «с общественными организациями, профессиональными сообществами» [234].

Если говорить о выборе методов оптимизации действующей системы управления культурой, то есть мнения, что здесь может найти свое отражение принцип выхода за институциональные барьеры культуры как отрасли, «охват» единой культурной политикой «таких сфер государственной и общественной жизни, как все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодёжного движения, формирование информационного пространства страны» [78].

Одна из главных задач руководящих органов культуры и их подразделений – обеспечение осуществления культурной политики государства во всех сферах жизнедеятельности общества, контроль процесса внедрения культурных начал в общественно-политические отношения, гуманизация социально-культурной сферы.

В России одно из недопустимых противоречий в управлении социально-культурной сферой проявляется в том, что органы культуры зачастую ограничивают свои функции непосредственно только областью искусств, культурно-просветительской деятельности и культурологического образования. Это касается как Министерства культуры, так и соответствующих служб и ведомств на местах. По мнению профессора Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств Ф. М. Козлова, в ходе модернизации культурной политики стратегически верным шагом в его устранении будет приведение органов управления культурой, системы планирования, финансирования и прогнозирования ее дальнейшего развития в соответствие с требованиями формирующегося информационного общества, социального и научно-технического прогресса [178, с. 115].

Безусловно, в области культуры практическая реализация делегирования полномочий общественным структурам и государственно-частного партнерства напрямую зависит от соответствующего формирования законодательства, в котором на сегодняшний день четко не прописаны отдельно принципы взаимоотношений государства и общества. В «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» статья 41.1. «Особенности управления организацией культуры» гласит: «Особенности структуры органов управления организации культуры, компетенция этих органов, порядок их формирования и порядок деятельности устанавливаются законодательством Российской Федерации и уставом такой организации. По инициативе организации культуры, созданной в форме автономного учреждения, учредитель может принять решение об упразднении наблюдательного совета автономного учреждения. В этом случае функции наблюдательного совета автономного учреждения, предусмотренные федеральным законом об автономных учреждениях, исполняются учредителем. Уставом организации культуры может предусматриваться создание коллегиальных органов этой организации (попечительских,

наблюдательных, художественных советов и других) и могут определяться их функции» [78].

С долей большой вероятности можно утверждать, что в делегировании полномочий социально ориентированным некоммерческим объединениям (общественно-профессиональным объединениям национального и регионального уровней) заложен огромный потенциал. Можно констатировать, что государственно-частное партнерство поддерживается и развивается гораздо активнее, чем контакты государства с профессиональными объединениями (как пример: Российская библиотечная ассоциация, Ассоциация музеев России не могут прямо участвовать в формировании и реализации государственной культурной политики, тогда как объединения предпринимателей такими правами наделены).

Тут целесообразно обратиться к зарубежному опыту, так как рассмотрение существующих теоретических моделей культурной политики и их соответствующих эмпирических примеров поможет сконструировать и адаптировать эти модели в соответствии с конкретными условиями, перевести их в политические и законодательные рекомендации для России.

Вопрос о культурной политике в наднациональной перспективе объединяет экспертов разных направлений в том, что одной из основных для обсуждения является тема выявления социальных сил, которые влияют на изменение государственных расходов на культуру (стоит отметить, что значительным препятствием для оценки результативности той или иной модели культурного развития для ученых всех стран, как указывает Tally Katz-Gerro (Израиль), является отсутствие надежных источников информации о государственном и частном финансировании культуры [288], с чем нельзя не согласиться).

Западные исследователи связывают положительный эффект реализации культурной политики с внедрением аутсорсинга культурных процессов и услуг общественным организациям, утверждая, что делегирование полномочий (аутсорсинг) перестраивает механизм управления государством в области культуры путем возникновения такого институционального механизма, как прямая поддержка путем делегирования полномочий. Об этом пишут ученые разных стран (США, Европа, Ближний Восток и др.). В частности, G. Lewis, M. Rushton [291], V. Dubois [274], T. Feder, T. Katz-Gerro [279; 288] и другие исследователи активно изучают

последствия разделения функций поддержки культуры между различными уровнями власти и факторы, определяющие расходы на культуру.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что среди рисков, которые определяют целесообразность разработки новой модели культурной политики, являются проблемы взаимодействия по вопросам развития культуры между ведомствами, недостаточное соответствие культурной инфраструктуры требованиям современности, недофинансирование культуры, недиверсифицированность источников ее поддержки, несовершенная система институтов развития. В новых условиях необходимо учитывать цели, задачи и приоритеты Основ государственной культурной политики и Стратегии в документах стратегического планирования, разрабатываемых в целях планирования и программирования.

Таким образом, в России на современном этапе развития информационного общества достаточно реальным шагом представляется принятие за основу модернизации системы управления культурой следующую концепцию: саморегулирование (осуществление регулятивных функций в рамках профессионального сообщества) → сорегулирование (частичное участие профессиональной общественности в механизмы принятия государственных решений и контроля за их исполнением) → управленческое партнёрство (установление договорно-правовых отношений с органами власти) → общественно-государственная система управления (установление законом функций общественных организаций как институциональной основы в системе управления культурой).

Данная концепция, основанная на децентрализации и демократизации, должна быть подкреплена соответствующим юридическим механизмом, уделяющим внимание регулированию методических, технических, финансовых вопросов культурной политики на всех уровнях, в том числе на общегосударственном. Без сомнения, разработка государственной политики в сфере культуры как части консолидированной гуманитарной политики базируется на достижении определенного консенсуса в отношении приоритетности целей культурного развития между официальными, общественными и творческими силами. Адекватный управленческий механизм позволит консолидировать культурные процессы информационного общества, формирующие и сохра-

няющие культурное наследие, развивая тенденции в области децентрализации государственных расходов и растущее вовлечение местных властей в реализацию делегированных полномочий.

Модернизация культурной политики в соответствии с принятой Стратегией предполагает принятие мер законодательного и стимулирующего характера в целях сохранения культурного наследия и создания условий для развития культуры. В рамках формирования новой модели культурной политики будет проходить усовершенствование межведомственного, межуровневого и межрегионального взаимодействия в реализации государственной культурной политики, создание нормативной базы для заключения соглашений в отношении интеллектуальной, творческой деятельности в сфере культуры. В период с 2020 по 2030 год будут осуществляться шаги по дальнейшему совершенствованию законодательства Российской Федерации в части обеспечения интересов национальной безопасности. Обеспечение национальной безопасности страны сводится не только лишь к укреплению обороноспособности, охраняющей ее государственные и общественные интересы, но и к постановке задач экономического роста в стремлении страны к активному участию в мировой экономике. Стратегия закрепляет доминирующую роль культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства, этнокультурного многообразия многонационального народа России, так как является мощным самостоятельным фактором, определяющим формы национального самосознания, национальный характер, эффективность социализации личности, тем самым укладываясь в канву национальной безопасности.

1.3. Доминирующее влияние культуры на формирование личности в информационном обществе

XXI век – век завершения перехода от индустриального общества к обществу информационному. Вхождение России в информационное общество имеет свои особенности, связанные с современным этапом её развития, когда происходят смена мировоззрения людей, взаимоотношений между государствами, ускорение темпов присоединения к числу экономически развитых

стран, повышение стандартов качества жизни граждан. Преодоление кризисных явлений и пути к стабилизации возможны через широкое распространение и массовое использование информационных и коммуникационных технологий.

Существующая практика социально-экономического развития в любой стране необходимым и самым важным условием ставит интересы каждого конкретного человека, под конечной целью развития социально-экономической системы понимается Человек во всем многообразии материальных и духовных потребностей, создание для каждого условий равного доступа к благам, бесконечно разнообразным, и равных возможностей для их удовлетворения. Развитие общественной системы должно идти так, чтобы обеспечивать реализацию гармонии человеческих отношений и создание информационного общества «для всех», с учетом гармонизации каждого конкретного Человека [131, с. 34].

Информационное общество благоприятствует формированию соответствующего типа личности – субъекта с формирующимися высокоинтеллектуальными и духовно-нравственными качествами. Роль и место личности в обществе являются исключительным критерием количественного и качественного при переходе к информационному обществу. Современная личность – духовная субстанция, которая занимает центральную позицию, тогда как еще совсем недавно человек как субъект истории реализовался как существо больше природное и социальное [113, с. 84].

Информационные технологии активно внедряются во все сферы человеческой деятельности, качественно их изменяя. Основополагающими становятся такие понятия, как «информация», «информатизация», «компьютерные и информационные технологии», «сеть Интернет», «информационное общество», «глобализация», «виртуальная реальность», «социальный инжиниринг» и др., в результате чего формируется новая IT-парадигма информационного общества, позволяющая говорить, что в ближайшее время огромный интерес будут представлять технологии искусственного интеллекта, роботизированные технологические комплексы (РТК) и системы, робототэтика и др.

Бесспорно, объемы информации, генерируемой человечеством, за последние годы значительно возросли. Об этом говорится в докладе «Эпоха данных – 2025» (The Data Age 2025), подготовленном аналитиками компании IDC при поддержке производителя

жестких дисков Seagate. В связи с чем у современного человека возникает необходимость эффективной обработки непрерывно растущих потоков различной информации. К 2025 году почти 20% генерируемых данных станут информацией, получаемой в режиме реального времени. Цифровая эпоха и огромные объемы данных стали одними из движущих сил фундаментальных изменений в социальной жизни общества. В будущем количество цифровой информации будет только стремительно увеличиваться. Как пример, в 2012 г. был успешно продемонстрирован подводный атлантический канал передачи данных с пропускной способностью в 100 Гбит/с. В 2016 г. крупнейшие компании мира Microsoft и Facebook начинают прокладку подводного трансатлантического кабеля длиной 6 тыс. км в рамках проекта MAREA, соединив берега Северной Америки и Европы. Это позволит передавать информацию гигантских объемов и с огромной скоростью в 160 Tbps [278], что не может не отразиться на личности (роль которой возрастает в фазе переходного состояния общества) с высокоинтеллектуальной базой, профессиональными компетенциями, системой ценностей, культурой во всех ее формах: классической и цифровой, типом сознания и мировоззрения в совершенно новом для человечества качестве информационного общества.

Первостепенное значение в информационном обществе обретают информация и знания, опыт и система ценностей личности. Реальные условия, которые складываются в информационном обществе, определяют становление и развитие личности через участие личности в этих условиях и ее позитивной трансформации. Один из способов участия – это обмен информацией, который проявляется в виде процесса взаимодействия личности и окружающей среды, и в период активной информатизации общества процесс использования информационных технологий становится одной из основных форм такого взаимодействия [110, с. 119]. Это в свою очередь подтверждает, что первичная роль личностных импульсов в накоплении, упорядочении, распространении и использовании знаний усиливается повсеместным внедрением процессов автоматизации во все сферы жизни [242]. Человеку информационного общества становится жизненно необходимо уметь создавать, искать, получать, перерабатывать, передавать, распространять, анализировать и систематизировать ог-

ромные объемы информации, применяя современные программные и технические средства [155].

Примечательно, что если ранее, менее века назад, многие проблемы общества и личности зачастую возникали из-за недостатка информации и знаний, то теперь на передний план выдвигаются проблемы, связанные с избытком информации, а также с проблемами рациональных и эффективных методов переработки, усвоения и использования по назначению информации.

Процесс полноценной адаптации личности в информационном обществе происходит с накоплением необходимого социального опыта, когда, как считает доктор философских наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета В. Черникова, выявляются «процессы органичного вплетения личностных устремлений в пространство глобальной информатизации, синтез и гармонизация отношений личности и новые формы социальности, появляющейся в результате информатизации, совместного развития личности и общества» [252, с. 21].

Преодоление технологических барьеров возможно, если личность будет обладать внутренней и внешней гармонией, уверенностью в себе и интеллектом, достаточным для общения в реальной и виртуальной информационной среде. В эпоху глобальной информатизации умение легко и быстро ориентироваться в огромном потоке информации должно опираться на способность качественно преобразовывать и интерпретировать используемую информацию в зависимости от целей и собственных интересов, исключительную важность приобретает владение информационными технологиями, телекоммуникационными технологиями, сетевыми сервисами, компьютерными программами, мобильными приложениями и многое другое [167, с. 40]. Информационному обществу созвучен человек с такими умениями, с творческими способностями, стрессоустойчивостью, безболезненно переносящий нервные, умственные и физические нагрузки, рационально применяющий навыки владения всеми современными информационными технологиями. Непременным атрибутом является постоянное самообразование и мотивация развиваться [154, с. 83].

Требования, предъявляемые информационным обществом к своим членам, оправданы – человек как личность, как необходимая детерминанта развития общества играет в нем фундаментальную роль. Взаимодействие личности – конкретно-

исторического явления – и социума, формирующего присущий ему тип личности, которые представляют собой два полюса социальной действительности, являются движущими силами исторического процесса [252, с. 22].

Гуманистический подход, широко распространяющийся во всех сферах человеческой жизнедеятельности, обусловлен целью сбалансирования индивидуальных потребностей человека и его социальной ответственностью. В условиях информатизации и глобальных процессов, с изменением параметров общественного порядка происходит и трансформация самой личности, реализующей свои потребности в информационной среде, ее сознания, ее поведения.

Сущность инновационного общества можно выразить как стремление коллективного разума к гармоничному состоянию индивидуума и общества, а сущность личности в информационном обществе созвучна сущности соборной (симфонической) личности, концепция которой рассматривалась в русской философии Е. А. Гончаровым, Л. Анисиним, В. С. Соловьевым, Л. П. Карсавиным и другими русскими философами конца XIX – начала XX вв. Она подразумевала отсутствие противоположности между индивидуальностью и коллективностью (Л. Анисин [114]) и характеризовала всеобщую связь социальных явлений в общей картине мира, компонентами которой являются индивидуумы, общности и социальные явления [253, с. 516]. Как уточняет Т. Яценко, ее истоки заложил еще в первой половине XIX века А. С. Хомяков [264, с. 81]. В аспекте актуальности этой концепции в современном обществе можно уверенно говорить о возрождении российского культурного самосознания как критерия национальной идентичности.

Закономерно, что трансформация личности в информационном пространстве изначально стала предметом изучения философии, а также психологии и педагогики [186]. Давно признано, что информационные потоки в той или иной степени оказывают влияние на психологический климат социума, что отражено в работах отечественных философов, психологов и педагогов, таких, как М. Петрушова [213], Е. Яковлева [263], А. Король [182], Е. Зорина [163], Е. Доманский [157], В. Шадриков и И. Шемет [254], Д. Фримен [249] и многих других.

В исследованиях отражается как масштабность происходящих процессов и явлений, так и необходимость всестороннего изучения новых возникающих феноменов, идет поиск и констатация как положительных, так и отрицательных сторон глобальной информатизации и ее влияния на человека и общество [212]. Негативный «блок» включает отрицательное влияние мира вычислительных средств на личность, выражающегося, например, в психологической зависимости от компьютерных технологий, информационной перегрузке, порождающих деградацию, инфантильность индивида, который абстрагируется от реального мира. Авторы отмечают, что постоянное погружение человека в виртуальный мир [296] провоцирует эмоциональные отклонения у личности, нарушает настроение, самочувствие и активность [154, с. 85], личность попадает под влияние множества информационных ресурсов – не только образовательных, но и развлекательных, и поэтому современное общество сталкивается с ещё одной зависимостью – компьютерной [Там же].

В Проекте Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы говорится, что возможности человека по разумному и осознанному освоению и применению знаний превышен, фокус восприятия окружающего мира, особенно в сети Интернет, смещается с научной, образовательной и культурной информации на развлекательную, справочную. Формируется совершенно новая модель восприятия, характеризующаяся поверхностным, безоценочным восприятием информации без её изучения. Так называемое «клиповое мышление», упрощенное и позволяющее навязывать модели поведения, представляет угрозу со стороны лиц, организаций или государств, которые владеют технологиями и средствами распространения информации [93].

В работах последнего десятилетия все активнее рассматривается влияние информационно-компьютерной «экспансии», социальных сетей и виртуальной реальности на формирование (и регуляцию) поведения; на интеллектуальные и творческие характеристики личности, а также на психику, нравственность и межличностные отношения.

Влияние информатизации, количества информации на личность в современном обществе можно оценивать на примере студентов. Огромный комплекс мероприятий, проводимых Прави-

тельством Российской Федерации по модернизации системы российского образования, называемой «реформа образования», – это в первую очередь вовлечение учащихся в новой технологический процесс получения знаний. То, что студент получает информацию не из одного источника, а из целой системы – это положительный показатель его культуры.

Некоторые социологи и педагоги, затрагивая тему личности в информационном обществе, «бьют тревогу» по поводу негативного воздействия экспансивности информационных технологий на подрастающее поколение. Так, доктор социологических наук (Институт социологии РАН) Т. А. Хагуров замечает, что легкий поиск информации блокирует самостоятельность мышления, вместо понимания формирует у молодежи «простейшие интеллектуальные навыки распознавания и комбинаторики» [250, с. 65]. Многие, например, философ-гуманист Дарио Салас Соммэр [240], акцентируют внимание на проблеме ущерба, который наносят информационное перенасыщение и нарушение личного ментального пространства высшим способностям человека. Исследователи солидарны в том, что эти факторы значительно минимизируют внимание, способствуют гипертрофии подсознания, ослабляют характер и волю, и, как следствие, занижают самооценку [154, с. 85]. Можно согласиться с мнением ученых, что на современном этапе информационные технологии, кроме положительного влияния, усиливают и негативные черты образования: перегрузку добросовестных учащихся, низкий компонент творчества, шаблонность мышления субъектов образования, их установки на накопление факто фиксирующих сведений и поиск готовых ответов [211, с. 9]. Негативным аспектом обучаемого студента типа «компьютер – человек» является полная сосредоточенность личности на компьютерных способностях и возможностях и, как следствие, полное погружение в виртуальный мир [154, с. 85].

Даже не слишком подробный анализ публикаций показывает, насколько могут быть дистанцированы друг от друга результаты исследований. Одни авторы пишут, что коммуникативная среда и виртуальные общности «раздвигают границы сферы социального взаимодействия, предоставляя личности новые возможности для самопрезентации и самореализации» [193, с. 517 и др.], другие – затрагивают темы информационного перенасыщения, «захлам-

ления» сознания, подавления самостоятельного мышления, вреда моральному поведению, переноса взаимодействия в виртуальное пространство, сужающего каналы восприятия социальной информации и т.д. [211, с. 9], вплоть до таких утверждений, как биологическая эволюция человека как вида (такие тезисы встречаются в работах как зарубежных [232], так и отечественных исследователей [163]).

Но подавляющее большинство работ одновременно констатируют как отрицательные, так и положительные характеристики воздействия мощного информационного потока, циркулирующего в супермагистралах компьютерных сетей [193, с. 517], и на фоне диаметрально противоположных мнений исследователи делают закономерный вывод «о высокой амбивалентности феномена компьютеризации-интернетизации, воздействие которого может быть одновременно и положительным, и отрицательным», с чем мы абсолютно согласны [162; 211, с. 7]. С одной стороны, культура увеличивает огромный потенциал для формирования и укрепления гражданской идентичности, обеспечения единства российской нации, сохранения единства культурного и языкового пространства России за счет библиотечных, музейных и архивных цифровых ресурсов и благоприятствует новым достижениям, а с другой – человек среди мощного потока различной информации рискует превратиться в «порабощенное и податливое существо» [154, с. 82].

Нормы и стандарты, задаваемые информационным обществом для успешного существования личности в современном мире, обуславливают уверенное применение информационных технологий, овладение современными техническими устройствами, благодаря которым человек получает доступ к информации. Стремление человека к достижению гармонии разума и тела, желаний и требований социума и природы определяется жизненной необходимостью через поиск, сбор, хранение, обмен и анализ информации. Это позволяет молодому поколению ориентироваться в этом мире более уверенно [Там же, с. 86], в противном случае, отсутствие сформированных умений и навыков работы с информационными технологиями и разнообразием информации не позволяет человеку комфортно существовать в информационном обществе.

В условиях экспансии информационных технологий человек выступает не только как создатель информационных систем и

информационных ресурсов, но и сам подвергается информационному влиянию, информационной манипуляции, и это позволяет констатировать формирование совершенно нового типа отношений в системе «человек – информация» [252, с. 21]. В исследованиях ученых ясно прослеживается многоаспектность конструкции «личность – информационное общество».

Как пример – еще одно направление исследований: влияние новых информационных факторов на восприятие личностью социальной реальности. Информационное пространство представляет собой социальную и техническую систему (среду), в структуре которой информация и люди представлены как некие виртуальные «проекции». Речь может идти о таком малоизученном на данный момент – в связи с его новизной – феномене, как виртуальная (сетевая) личность, где просматриваются штрихи личности. А. Рыжук, занимающаяся исследованиями восприятия личностью реальности современного социума, в частности, говорит о «расширении» понятия «личность», с учетом современных информационных и компьютерных технологий, сетевых сервисов и глобальной сети Интернет, выступающих виртуальными посредниками, средствами коммуникации. «В современном информационном социуме, – пишет автор, – виртуальная личность дает возможность аутентичной, живой личности осуществлять коммуникации с другими личностями при помощи информационно-коммуникационных технологий в виртуальной среде». Вполне естественно, что в этот процесс виртуализации включена и личность, в силу ее реальной коммуникации. Далее автор подчеркивает качественные изменения личности: «В связи с этим происходит кардинальное изменение восприятия личностью социальной реальности и соответственно ориентация в социальном мире и принятие решений» [228, с. 219].

При этом могут возникать духовно-нравственные противоречия, ранее неизвестные человечеству, что еще раз подтверждает – информационное общество, в котором духовно-нравственные ценности, сложившиеся в процессе культурного развития России, через виртуальную реальность могут быть подвержены к искажениям.

Цифровые информационные источники формируют стереотипы мышления, оценку тех или иных явлений политического, культурного, экономического характера. Конечно же, человек

приобретает множество возможностей для свободного раскрытия своей индивидуальности, но одновременно появляется угроза личностной дисгармонии, «растворения» личности в виртуальном пространстве, кризисе собственного «Я», в отсутствии гармоничного общения между людьми [252], при котором насколько важно передавать свое сообщение и уметь правильно принимать сообщение другого человека и данная реальность не свободна от проблем.

Между реальным человеком и вымышленным образом появляется промежуточное звено, новый тип индивида с новыми ценностями на этапе протекающих процессов глобализации информационного общества, ориентированный на виртуальность. Современный человек технологически готов принимать культуру через виртуальную среду, которая, действительно, способна к созиданию, поскольку помимо виртуальных образов, она дает доступ к огромным информационным ресурсам для познания мира через цифровую культуру.

На этом фоне социально-философские и социологические исследования предлагают концепт «расширенной» личности – «живая личность плюс виртуальная личность» [228, с. 219] как соответствующий современному определению «информационное общество».

Это является сравнительно новым и объективно требующим развития научным направлением [140, с. 173], особенно в области права, точнее в области информационного права. Ряд исследователей отмечают, что регулятивные и правовые механизмы развиваются более медленно по сравнению с формированием технологического фундамента информационного общества. Считаем важным еще раз подчеркнуть, что научных работ специалистов из области информационного права несравнимо меньше, чем работ философов, психологов, социологов, культурологов. Информационные технологии, информационные системы, глобальные компьютерные сети, в том числе и сеть Интернет, для личности предоставляют огромные возможности, при этом позволяющие ей оставаться анонимной и бесконтрольной.

Часть ученых, опираясь на теоретические выкладки М. Кастельса [115; 218 и другие], соглашаются с тем, что способ формирования социального опыта, развитие государственности, культуры во многом определяется «сетевизацией» общества. Кастельс

считал, что технический прогресс преобразовывает восприятие мира и отдельного индивида, взаимодействие между индивидами и в то же время влияет на организацию всего социального пространства, где географическая удаленность уже не имеет значения и определяющим становится мозаичное виртуальное сообщество. Ученый полагал, что именно коммуникация определяет формирование культуры, так как культура вводится и передается посредством коммуникации [170; 171; 172].

Функциональное состояние информационной сферы государств, активно влияющее на политическую, экономическую, оборонную и другие составляющие государственной безопасности, характеризуется как системообразующий фактор жизни современного общества [115]. С одной стороны, в рамках конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, ее использование и защиту реализуются интересы личности в современном обществе. С другой стороны, мы наблюдаем попытки информационной экспансии, изменения традиционного осознания ценностей в силу принятия в качестве ценностей новых явлений, детерминированных огромным потоком и доступностью «ложной» информации.

Если личность рассматривать как социальный институт в многообразных своих аспектах, то из всего этого многообразия можно выделить толерантность, так как она является ценным нравственным качеством развитой личности, без корректировки на взгляд со стороны «европейских авангардистов».

Современная цивилизация осознает необходимость равноправного сотрудничества общностей, ее составляющих. Проблема необходимости и возможности ментальной совместимости человеческих сообществ фокусирует внимание на потребности в развитии толерантности [264, с. 82].

Понятие толерантности раскрывается в ст. 1 Декларации принципов толерантности, утвержденной ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г.: «...это уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур человечества, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности; добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене «культуры войны» на «культуру мира»; не уступка, снисхождение или потворство; это активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных

свобод человека; отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждения норм, установленных в международных правовых актах в области прав человека» [15].

Прослеживается трансформация российского общества в условиях постепенного разрушения исторически сложившихся традиционных ценностей, формирования новых ценностей и социокультурных основ, кризисного состояния морали и нравственности, где исключительно велика потребность общества в толерантности и устойчивых ценностных ориентирах, определенной системы ценностей. В современной цивилизации культура, как аксиологическое основание толерантного сознания [264, с. 82], выступает критерием мирового порядка. Согласимся с мнением доктора философских наук, профессора Л. Пугачевой, которая считает, что «модель знания, сформированная в осевое время, требует, чтобы у мира было независимое ни от чьего мнения устройство и истинное знание о нем» [218, с. 44], которое передается в качестве культурного кода. «Самоценная, ключевая идея истины, – развивает мысль Л. Пугачева, – структурирует мышление человека вокруг себя. И это структурное требование – первый параметр порядка, который инициирует активность сетевого общества» [Там же]. Стремление личности к истине формирует национальную культуру – источник традиций, являясь новым параметром порядка и смысловой опорой в стихийной реальности сетевого общества. В информационном обществе решающую роль в формировании современной личности играет особое двустороннее взаимодействие личности и культуры, некий мировоззренческий диалог, цель которого – прояснение оснований деятельности личности, понимание происхождения насущных проблем, помогающее поиску их оптимального решения.

Не подлежит обсуждению, что признаками информатизации общества можно считать результаты экономических, социальных процессов, а также политических и правовых. Информатизация, как социокультурный процесс, оказывает решительное воздействие на изменения в образе жизни, духовной сфере общества. Информацию, предоставляющую широкие возможности выбора и действий, можно рассматривать как знания, встроенные в систему коммуникаций, в аспекте способности к действию. Отличие знаний от информации заключается в обеспечении взаимосвязи действий индивидуальных акторов с социальной окружающей

средой [300]. В информационном обществе создаются такие условия, наряду с огромными возможностями распространения информации и справедливого доступа к знаниям, как основополагающего принципа разумного доступа.

Нельзя не согласиться с мнением авторов, которые не считают концепт «трагедии общего достояния» (автор концепта – Garret Hardin, американский биолог, эколог, профессор Калифорнийского университета, чья работа об исчерпаемости ресурсов, открытых для всех людей, вышла в 1968 г. [282]) применимым к знаниям. «Если понимать знание как ресурс, – пишут ученые, – то могут появиться предрассудки в отношении доступа к этому общему достоянию, поскольку результатом неограниченного потребления данного ресурса могло бы стать его истощение (подобное истощению общинных пастбищ в случае, о котором писал Хардин). Очевидно, что к знанию это относиться не может. В отличие от исчерпаемых природных ресурсов, доступ к знанию на протяжении всей человеческой истории был важнейшим условием его приумножения» [300].

Итак, знания наряду с информацией – необходимые компоненты существования личности, «превентивные меры» для формирования идеального представления о желаемых результатах [242]. Информация и знания являются продуктами производства информационного общества, охватывают многообразие форм духовного и практического освоения мира и, как неотъемлемая часть культуры, помогают личности в процессе созидательной деятельности.

С позиций культурно-цивилизационного подхода информатизацию можно понимать как «формирование всеобъемлющей эрзац-культуры, выступающей в виде целостной формы мироощущения человека современного социума» [252, с. 22]. Таким образом, одними из параметров мирового порядка выступают массовый коммуникативный коллективный разум (в поисках истинного уровня реальности) и национальные культуры как источник «традиционных устойчивых, а значит, истинных с точки зрения массового сознания форм реальности» [218, с. 44]. С социокультурной точки зрения важно, ЧТО человек переносит из виртуального мира в мир реальный, от этого значительно зависят изменения в культурных нормах и культурных процессах, в по-

строении культурных моделей взаимодействия современного общества [252, с. 22].

Согласимся с В. Черниковой, которая считает, что, представляя неограниченные возможности для свободной личностной самореализации личности, оптимизации творческого процесса, расширения социокультурных взаимоотношений, доступа к разнообразной информации, глобальная информатизация способна создавать условия и для формирования стереотипов массового сознания, манипулирования общественным мнением, трансформирования ценностных ориентаций, атомизации социума, не исчезают факторы и условия, порождающие, по мнению многих специалистов, феномен отчуждения [Там же]. Одиночество, как личностное состояние, представляет собой и фундаментальную характеристику современного общества [113, с. 86]. Важным фактором, обуславливающим снижение степени отчуждаемости личности от общества, становится контроль над информацией и над механизмами ее распространения и применения.

Следствием этой позиции является смена и повышение значимости роли государства в информационной сфере, а целью – достижение идеальных условий в реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею на протяжении всего временного периода формирования информационной инфраструктуры. В результате будут созданы благоприятные условия духовного развития личности как гармонически развитой, соборной.

Неслучайно Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р, говоря о расширении воспитательных возможностей информационных ресурсов, предусматривает расширение использования возможностей информационных ресурсов, в первую очередь информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в целях воспитания и социализации детей. Это предполагает расширение популяризации в информационном пространстве традиционных российских культурных ценностей, в том числе эстетических, нравственных и семейных, и норм поведения. Воспитательный процесс согласно Стратегии должен включать формирование умения в детях делать правильный выбор при возможном негативном воздействии информационных ресурсов. Значимым

фактором указывается обеспечение условий защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и психическому развитию [83]. Стратегия воспитания включает в научно-методические механизмы воспитания как обязательные элементы изучение влияния новых информационных и коммуникационных технологий на психическое здоровье, интеллектуальные способности, эмоциональное развитие детей и формирование личности, а также проведение прикладных исследований по изучению роли и места средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет в развитии личности ребенка [83, ч. IV].

Информация и знания не могут быть сравнимы с другими, например, экономическими благами, которые отличаются конкурентностью, доступ к которым может быть ограничен. Сейчас мы видим такие тенденции ограничения в отношении информации и знаний – речь идет об авторском праве, которое нуждается в реформировании во всех государствах, на всех уровнях, в том числе и на международном. Не подлежит сомнению значительная роль государства как регулятора в обеспечении защиты информации и личной безопасности, национальной безопасности, законности и правопорядка [211]. Безусловно, на передний фланг выходит проблема изменения системы права на основе изучения и анализа новых отраслей, институтов права, регулирующих общественные отношения в информационной сфере; необходимы теоретические разработки, скрупулезно учитывающие потребности личности в свете происходящих в информационном обществе изменений. В тандеме, конечно же, с оперативным практическим их внедрением. Видные ученые (в частности, И. Л. Бачило, С. В. Олейников и др.), занимающиеся проблемами информационного права, отмечают значение информационной насыщенности социума для активизации эволюционных процессов в области правовых институтов [123; 124; 131; 208; 211 и др.].

В заключение можно сказать, что становление и развитие человека XXI века – цифрового века как соборной личности происходит в инновационной информационной среде, созданной на базе информационных технологий, телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Будучи участником информационных процессов, современная личность подвергается влиянию со стороны инновационной информационной среды, которая

стремительно изменяется сама, что отражается в глобальной информатизации общества. Качественные изменения общества, переход его от постиндустриального в информационное радикально меняют условия при формировании и развитии личности. Культура во всех ее формах в современном обществе становится реальным личностным базисом, детерминирующим целостность личности, позволяющим прийти к согласию с коллективностью, снижает риск отчуждения личности от общества.

Под влиянием новых информационно-технологических факторов в обществе меняются поведенческие стандарты и ценностные ориентиры личности. Так как человек – социальное существо и на его развитие влияют не только природные, но и закономерности протекающие в обществе, то его существование в социальной среде будет комфортным, если он усвоит ее нормы и ценности. В этом контексте он может оптимально реализовать свой личностный потенциал с обоюдной пользой для общества, что в значительной степени поможет изучению природы и характера правовых отношений в информационной сфере.

1.4. «Цифровая культура» в информационном обществе

Масштабные процессы цифровизации, происходящие в государстве и обществе в рамках реализации концепции устойчивого развития, закономерно привели к тому, что часть традиционной культуры эволюционирует в цифровую культуру и ее можно рассматривать как одно из звеньев современной цивилизации.

Культура – человекоформирующий феномен, создаваемый самими людьми и существующий в виде особого и неотъемлемого аспекта жизни информационного общества [143]. В культурном наследии, которое осознается социумом как ценность, находят отражение этапы развития общества на протяжении всего становления цивилизации. Неоспоримо, что культурное наследие выполняет важную социокультурную роль, аккумулируя обычаи, традиции и опыт прошлого для поколений будущего [287]. Современные библиотеки, музеи и архивы в условиях применения компьютерных программ, информационных систем, компьютерных коммуникаций и других программно-технических достижений можно рассматривать как инструментальные модели интеграции

классического культурного наследия в модерн цифровой культуры [251; 304; 308; 312].

Цифровая культура, как современная культурная форма и фактор социальных преобразований информационного общества XXI века, обеспечивающая его информацией и оказывающая влияние на личность, общество и государство, полноправно может рассматриваться с той же позиции, что и культура в целом. Использование информационных технологий в целях сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации стоит в одном ряду национальных интересов в информационной сфере [164].

Составляющие ее ресурсы, представленные в цифровой форме (фотографии, аудио- и видеоматериалы, статические и динамические модели, объекты виртуальной реальности и интерактивного моделирования, картографические материалы, звукозаписи, графика, электронные документы, цифровые архивы и т.д. [133, с. 110]), представляют собой уникальное цифровое культурное наследие, не признать существование которого уже не представляется возможным.

В науке с позиций информатизации деятельности музеев, библиотек, государственных архивов и других современных технологических возможностей рассматриваются частные компоненты данных феноменов цифровой культуры, констатируя их существование, например, музыка [245 и др.], художественные тексты [176; 246 и др.], архивные материалы, живопись, графика и так далее [144; 150; 160; 261], включая зафиксированное нематериальное наследие (фоно-, фото-, видеозаписи переводят нематериальное культурное наследие в материальное и являются историческим и культурным свидетельством); много уделяется внимания субъектам цифровой культуры – электронным библиотекам [118; 188; 235; 236], архивам [109; 142], музеям [151]; в более широком смысле цифровая культура изучается в движении от классической культуры к цифровой, развивающейся в мире инновационных технологий; анализируются определенные культурные установки и предпосылки, на которых основывается цифровая культура [145–148].

Таким образом, цифровая культура в разных ее аспектах представлена как предмет изысканий во многих работах, число

которых стремительно растет, – в значительной степени в таких областях, как информационные технологии, философской, социологической, психологической, педагогической, в меньшей – в сфере политических и правовых наук [203; 217; 238]. Налицо многозначность и междисциплинарная сущность нового явления, связанного с развитием глобального информационного общества с точки зрения эволюции его концепции и взглядов, ориентированного на знание и информацию как модель раскрытия максимальных творческих способностей человека; следствие – это формирование личности с сильной мотивацией, для которой ценнейшим активом становятся не материальные ресурсы, а интеллект как основной производственный ресурс.

Невозможно переоценить появление в жизни общества таких феноменов, как «цифровая культура», «цифровое культурное наследие» и, бесспорно, в дальнейшем эти дефиниции получают достойное место в системе российского законодательства. Подчеркнем, что данная проблема является актуальной, и комплексный междисциплинарный анализ занимает немаловажное место в арсенале правовых исследований.

Анализируя глобальные процессы в эпоху информационного общества в сфере культуры, где виртуальная среда глобальной сети Интернет все больше выступает необходимым компонентом в суммирующем концепте цифровой культуры современности, претендующая на признание специальных терминов, продуцируемых огромными возможностями благодаря Сети: «киберкультура», «виртуальная культура», «интернет-культура», «сетевая культура», «компьютерная культура», «мультимедийная культура», «электронная культура» и др. [160; 146, с. 3]. Стоит отметить, что каждый из данных терминов интерпретируется двойственно – и как личностная культура, и как объединение множества уникальных духовных, материальных, интеллектуальных ценностей в цифровой форме и другими возможностями для удовлетворения личностных потребностей.

Так, например, Мануэль Кастельс, один из самых авторитетных социальных мыслителей и исследователей современного мира, идеи которого легли в основу множества научных изысканий, в одном из главных своих трудов «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (трилогия «The Information Age: Economy, Society and Culture» включает три тома: «The Rise of the

Network Society» (1996), «The Power of Identity» (1997), «End of Millennium» (1998)) через наблюдение и анализ описывает процесс перехода человечества в эпоху информационного общества. Интернет-культуру ученый определяет как «культуру, построенную на техномеритократической вере в прогресс человечества под воздействием техники, принятую сообществами хакеров, развивающимися на основе свободного и открытого технического творчества, внедренная в виртуальные сети, ставящие своей целью построение нового общества, и материализованная вдохновенными прибылью предпринимателями и творениями новой экономики» [171, с. 5].

Ученые, исследуя Интернет как феномен середины XX – начала XXI веков, задаются целью определить цифровую культуру как неотъемлемую часть самой глобальной Сети. Ни для кого не секрет, что идут процессы интеграции классической культуры в Интернет и наоборот.

«Сетевая культура» может пониматься как интегративное качество личности, отражающееся в связанной системе коммуникаций субъектов какой-либо деятельности, реализуемое во взаимодействии при формировании культуuroобразующей среды [134, с. 108]. Наряду с этим есть другое определение: «гипертекст, который комбинирует, артикулирует и выражает смыслы в виде аудиовизуальной мозаики, способной к расширению или сжатию, обобщению или спецификации в зависимости от аудитории» (М. Кастельс) [171].

Понятие «виртуальная культура» раскрывается с позиции соотношения материального и идеального, объективного и субъективного [130, с. 99], а также как средство более глубокого проникновения в действительность с целью ее усовершенствования, в частности, улучшения собственной человеческой жизни [239].

Понятие «электронная культура» трактуется как новая сфера деятельности человека, связанная с созданием электронных копий духовных и материальных объектов, в том числе произведений искусства, науки, литературы, кино и т.д. [120, с. 76], отображая творческие решения, смоделированные в электронном виде с применением компьютерных методов [194]. Такая культура, формируемая благодаря достижениям науки и техники, представляет собой составляющую традиционной культуры, возникшую в силу развития информационных технологий, с отличии-

тельной от классического понимания техники создания произведений. Далее это понятие характеризуется как среда духовного обогащения общества, обучения и привития культурных ценностей, носящая отличный от традиционного понимания характер.

Таким образом, в целом можно видеть вариативность в рамках раскрытия каждого понятия, формулировки не являются законченными, до сих пор находятся в рамках дискуссионных площадок и постоянно уточняются в различного рода новых исследованиях, что подчеркивает важность определения критериев формирования терминов понятийно-категориального аппарата сферы цифровой культуры, а также требований к формулированию терминов национальных и международных традиций.

Без сомнения, это еще раз подтверждает, что социальные и информационные процессы в обществе настолько радикальны, что на сегодняшний день точные и полные определения еще не до конца сложились, а важность этих понятий в значительной степени актуальна.

Остановимся на конкретизации новых понятий – «ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА», «ЦИФРОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ», которые совмещают в себе и активно развивающуюся технологическую сторону, и разнообразные духовные, ценностные, творческие, материально-культурные ресурсы, явления и процессы цивилизации, которые наследуются от прошлых будущими поколениями. Цифровая культура рассматривается и как результат действия совокупности культурных факторов (породивших многообразие феноменов), и как совокупность технологий, изменяющих жизнь современных обществ [146, с. 5].

«Цифровая культура» является формой представления общечеловеческой культуры, формой, детерминированной развитием информационных технологий и уникальным изобретением – Интернет, как частный случай, позволяющей в новой форме и новыми способами генерировать и интегрировать творения, несущей те же функции – познавательную, информационную, коммуникативную, регулятивную, научную, творческую и др., а также формой, имеющей ту же главную гуманистическую цель, что и культура традиционная.

В различных источниках, касающихся вопросов цифровой культуры и цифрового культурного наследия, как мы видим, зачастую встречаются определения, совпадающие по смыслу, но

формулируемые по-разному. В частности, речь идет об упоминаемых выше определениях «электронной культуры», «виртуальной культуры», «мультимедийной культуры» и др.

По существу в раскрытии понятия «цифровая культура» в основном делается опора на определение, закрепленное в «Хартии о сохранении цифрового наследия», принятой на 3-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (2003), что неслучайно: оно является результатом совместной работы представителей разных государств, разных национальностей, опирается на различные ментальные установки, являясь общим выражением представления о единых ценностях, присущих каждому человеку на этой планете, не зависящих от национальных основ культуры и географии проживания: «Цифровое наследие состоит из уникальных ресурсов человеческих знаний и форм выражения. Оно охватывает ресурсы, относящиеся к области культуры, образования, науки и управления, а также информацию технического, правового, медицинского и иного характера, которые создаются в цифровой форме либо переводятся в цифровой формат путем преобразования существующих ресурсов на аналоговых носителях. В случае «цифрового происхождения» ресурсы существуют лишь в виде цифрового оригинала. Цифровые материалы включают в себя текстовые документы, базы данных, неподвижные и движущиеся изображения, звуковые и графические материалы, программное обеспечение и web-страницы, представленные в значительном и непрерывно увеличивающемся количестве в глобальной сети Интернет. Зачастую эти материалы фиксируются на короткий срок и требуют принятия безотлагательных мер, направленных на их создание, сохранение и управление ими. Многие из этих ресурсов имеют непреходящую ценность и значимость и, таким образом, представляют собой наследие, которое необходимо сберечь и сохранить для нынешнего и будущих поколений. Такое непрерывно увеличивающееся наследие может существовать на любом языке, в любой части мира и относиться к любой сфере человеческих знаний и форм выражения» [23].

Таким образом, новая парадигма цифровой культуры сложилась как данность информационного общества и, как и любая другая составляющая цивилизации, закономерно попадает в правовое поле, в рамках которого необходим правовой анализ формирования культуры в цифровой форме и пользование цифровым культурным наследием, под влиянием которых все активнее

происходит развитие и социализация личности в эпоху информационного общества. На международном уровне признано, что цифровое культурное наследие, его создание, сохранение, обеспечение доступности и безопасности. Естественным образом должно являться объектом правового регулирования, где эти основные постулаты играют и продолжают играть ключевую роль.

В основе правового регулирования общественных отношений в сфере цифровой культуры первостепенную роль играет принцип единства и многообразия культуры, способствующий совершенствованию процесса воспитания и образования молодого поколения, социального взаимодействия, предполагающий регулирование инструментальной и технологической составляющей – правила создания ресурсов, унификация доступа, формирование и развитие ресурсной базы, обеспечение целостности и сохранности, качество контента, соблюдение прав создателей и пользователей и так далее – многомерность явления определяет массу аспектов, подразумевающих контроль, оптимизацию, приведение результатов в соответствие с изменяющимися реалиями.

В этой связи важно, чтобы в законодательных актах России отражались механизмы эффективности правового регулирования современных общественных отношений в сфере цифровой культуры. Однако в российском законодательстве до настоящего времени еще не закреплены и не формализованы понятия «цифровая культура», «цифровое культурное наследие», «электронные библиотеки», «виртуальные музеи», «цифровые архивы», объективно существующие и, в перспективе, возможно расширение этого списка объектов цифровой культуры. Необходимы изменения в законодательстве, в котором для начала важно определиться с понятийным и лингвистическим аппаратом во избежание разночтений и неоднозначных толкований в правотворческой и правоприменительной деятельности. В сложившейся ситуации российскому законодателю можно позаимствовать международные акты как основу при формировании национального законодательства в сфере культуры. Без сомнения, в механизмах управления и правового регулирования сферы цифровой культуры ситуация является сложной и неоднозначной по сравнению с таковыми в отношении культуры традиционной. В настоящее время в рамках российского законодательства мы имеем нормативные правовые акты в сфере культуры, касающиеся только традиционной ее формы.

Основная цель всего законодательства по вопросам культуры в государстве – это сохранность и бережное отношение государства и общества к прошлому, настоящему и будущему, созданному в виде материального или нематериального *наследия*, имеющего культурную, духовную, архитектурную [50], научную, историческую, природную и художественную ценность, подтвержденную экспертами и специалистами из разных научных областей, а также организаций, учреждений, предприятий культуры, которые имеют общенациональное (общероссийское) значение.

Анализ нормативной правовой базы относительно сферы классической культуры показал, что регулирование данной сферы общественных отношений носит комплексный межотраслевой характер. Существует ряд базовых законов Российской Федерации о культуре. Например, Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» включает следующие определения: культурные ценности, культурное наследие народов Российской Федерации, культурное достояние народов Российской Федерации, достоинство культур народов и национальных групп, культурные блага [96].

К настоящему моменту нормы российского законодательства, посвященные особенностям правового регулирования культурных ценностей, культурного наследия, не имеют системного характера и содержат целый ряд пробелов, а в случаях правовых коллизий значительные трудности для их применения. Правовые нормы о культурных ценностях входят как в нормативные акты, специально посвященные их охране и использованию, так и в отдельные статьи иных нормативных правовых актов, которые содержат нормы той же направленности – это гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые нормы. Несомненно, это создает значительные трудности для их применения.

1.5. Презумпция свободного доступа к объектам «цифровой культуры» в глобальном информационном обществе

Доступ к информации, знаниям, культурным ценностям – важнейший и неотъемлемый элемент реализации прав человека, общепризнанный на международном уровне [141]. Сохранение

культурных ценностей и защита права доступа – это часть международного культурного сотрудничества.

Проблемы права человека и гражданина на доступ к культурным ценностям в разной степени затрагиваются в резолюциях, декларациях и программах, принимаемых на Генеральной Ассамблее ООН, например: Резолюция 3148 (XXVIII) «Сохранение и дальнейшее развитие культурных ценностей» от 14 декабря 1973 г., закрепляющая необходимость изучения правовых последствий несоблюдения национального законодательства в рассматриваемой сфере [30]; Резолюция от 30 ноября 1976 г. «Сохранение и дальнейшее развитие культурных ценностей», закрепляющая охрану национальной культуры и наследия, как часть процесса сохранения будущего культурных ценностей в мире [31]; Декларация принципов и программа действий ООН в области предупреждения преступлений и уголовного правосудия от 18 декабря 1991 г., устанавливающая необходимость увеличения финансовых, материальных и технических ресурсов для защиты прав человека и гражданина на доступ к культурным ценностям [14].

Уставом ЮНЕСКО обозначены две главные задачи доктринального характера: «обеспечить государствам-членам сохранение своеобразия их культуры» и «способствовать свободному распространению идей словесным и изобразительным путем», решение которых возможно лишь при условиях: равенство культур; реализация прав граждан на культуру; популяризация межкультурного диалога; защита культурного наследия [2].

В свете глобализации и информатизации общества не только формирование, сохранение культурного наследия, но особенно право на доступ в значительной степени обеспечиваются достижениями цифровых технологий – общепризнано, что оцифровка культурного наследия видится как первоочередной неизбежный способ реализации важнейших задач – долгосрочное сохранение наследия и обеспечение доступа, в том числе в режиме OnLine.

Международная Конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003) [6], Хартия о сохранении цифрового наследия (2003) [23], Стратегический план действий Программы «Информация для всех» (2008–2013) [34] обозначили возможности формирования и доступа ко всемирному культурному наследию в цифровой форме, материальному и нематериальному.

Вместе с тем, к сожалению, цифровые технологии одновременно привносят угрозы правообладателям и пользователям культурного наследия во всех ее формах. В частности, Интернет и цифровая революция породили новые и серьезные проблемы для библиотек, музеев, архивов и других учреждений, занимающихся как формированием и сохранением, так и обеспечивающих доступ к культурному наследию, среди которых одна из приоритетных – проблема разумного баланса доступа [139].

Статья 2 Хартии о сохранении цифрового наследия «Доступ к цифровому наследию» призывает: «Доступ к материалам цифрового наследия, особенно к тем, которые относятся к области общественного пользования, должен быть свободным от необоснованных ограничений. В то же время засекреченная и частная информация должны защищаться от любых форм посягательства. Государства-члены, возможно, выразят желание сотрудничать с соответствующими организациями и учреждениями в том, чтобы содействовать созданию таких правовых и практических условий, которые обеспечат максимальную доступность цифрового наследия» [23].

Презумпция доступа к культурному наследию в цифровой его форме подразумевает свободу искать и получать информацию независимо от государственных границ, право свободно участвовать в культурной жизни и в научном прогрессе и пользоваться их благами, но при этом не отрицает необходимость уважения прав автора на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных и художественных трудов и др. [181, с. 29–32].

Не подлежит сомнению, что такой феномен, как цифровое культурное наследие, его доступность с точки зрения права должно регулироваться, и регулироваться иначе, чем его классический аналог, поскольку, несмотря на единую функцию и значение этих форм культуры для человечества, по природе своей они разнятся.

Провозглашая общедоступность цифровой информации, российское законодательство предусматривает одновременно защиту той информации, свободное распространение которой запрещено – это государственная тайна и конфиденциальная информация. Целью такого ограничения является, например, защита прав

и законных интересов субъектов права на тайну [см.: 123]. Правовое регулирование государственной тайны обеспечивается согласно Закону РФ «О государственной тайне» [61].

Базовым правовым актом, регулирующим оборот конфиденциальной информации, является федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [69]. В статье 3 ч. 1 закон в числе принципов правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации называет следующие – свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом и установление ограничений доступа к информации только федеральными законами.

В рамках данного закона информация подразделяется, в зависимости от категории доступа, на общедоступную информацию и ту, доступ к которой ограничен федеральными законами (информация ограниченного доступа) [69, ст. 5]. Эти положения можно считать соответствующими в целом общей логике права, способствующими достижению определенного баланса интересов между правом на информацию, правом на доступ к информации как одного из важнейших его правомочий, и закрепляющими защиту прав и законных интересов других субъектов (через существование возможности ограничения доступа к той или иной информации).

Специалисты обращают внимание на то, что существует значительное число правовых конструкций, предполагающих ограничение доступа к информации, в частности, «тайна», «секретная информация», «конфиденциальная информация». Разнообразие терминологии определяется особенностями перевода, заимствованиями терминов и правовых институтов из зарубежного законодательства и практики, а также особенностями традиционно специфической терминологии в разных отраслях права или сферах деятельности [217].

В случае конфиденциальной информации можно говорить о широком круге проблем [135]. Под конфиденциальной информацией понимаются сведения независимо от формы их представления, неизвестные широкому кругу лиц, имеющие средства правовой охраны и защиты, доступ к которым ограничен законом на федеральном уровне в силу того, что их использование или

распространение нарушит права и законные интересы собственника информации или иных лиц [229, с. 4].

Указом Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 (с изменениями и дополнениями, внесенными Указами Президента РФ от 23 сентября 2005 г. № 1111, от 13 июля 2015 г. № 357) «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» к классу конфиденциальной информации отнесены персональные данные, тайна следствия и судопроизводства, служебная, профессиональная, коммерческая тайны, а также сведения о сути изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них [76]. Однако отсутствует специальный закон, регулирующий правоотношения именно в этой области, нет единого законодательно закреплённого перечня сведений конфиденциального характера, и это порождает вопросы относительно того, куда следует отнести тот или иной вид информации. Видны пробелы и несоответствия в сфере регулирования информации с ограниченным правом доступа [161, с. 173]. Следовательно, можно говорить о необходимости совершенствования нормативных правовых актов, а также унификации законодательства в указанной области.

Проблема необходимости систематизации и совершенствования российского законодательства в области ограничения доступа к информации и права на информацию в целом уже неоднократно затрагивалась современными учеными и практиками. По оценкам в современном российском законодательстве насчитывается от 30 до 70 [152, с. 62] видов «тайн» – разновидностей информации с ограниченным доступом, которые часто закрепляются в разрозненных нормативных правовых актах [192]. Построение четкой и иерархичной системы классификации уровня доступности информации в значительной степени может гарантировать право на информацию и доступ к информации гражданам, обществу и государству.

На межгосударственном уровне специалисты всего мира едины во мнении, что для получения компетентных предложений по решению проблемы доступа к цифровому культурному наследию ее необходимо исследовать в различных научных областях: политических, социальных, культурологических и последующим закреплением в системах законодательств на всех их уровнях [189; 240 и др.].

К настоящему моменту рассматриваемая проблема во всем мире еще находится в дискуссионном поле, в которой нет найденного консенсуса между правообладателями и пользователями произведений, охраняемых авторским правом [281]. Для ее решения в течение уже многих лет специалистами из различных научных областей – культурологами, политологами, юристами разных стран – исследуется спектр институциональных альтернатив для содействия достижению консенсуса в сохранении и обеспечении доступа к мировому цифровому наследию, а также в обеспечении практики применения норм права об авторском праве. По их результатам выдвигается концепция, учитывающая интересы обеих сторон: толкование законодательных актов авторского права в целях обеспечения наибольшей защиты правообладателей и права пользователей на объекты цифрового культурного наследия [298]. Но на практике мы наблюдаем, что существующая политика в отношении авторских прав обладает «перекошенной» структурой, которая нуждается в особом внимании [275; 189 и др].

В рамках Будапештской Инициативы «Открытый Доступ» (14 февраля 2002 г., Будапешт, Венгрия), где центральным был вопрос – свободный доступ к ценностям культуры, подчеркивалось: свободный доступ является экономически обоснованным, так как, с одной стороны, дает людям невероятно широкие возможности для поиска и использования необходимой информации как объектов информационных ресурсов, а правообладатели объектов авторского права получают дополнительную целевую аудиторию [29]. По мнению участников, единственным ограничением на воспроизводство и распространение публикаций и единственным условием копирайта в этой области должно быть право автора контролировать целостность своей работы и обязательные ссылки на его имя при использовании работы и ее цитировании [Там же].

В широко известном труде «Свободная культура», переведенном на несколько языков, авторитетный юрист и общественный деятель Л. Лессиг пишет: «Еще недавно полемисты сходились в том, что частная собственность вообще и на результаты интеллектуального труда в частности чужда нашим [российским] традициям, так что соблюдать мировые стандарты копирайта в России все равно не будут. Правда, результаты социологических опросов свидетельствуют об ином: население в массе своей проявляет сознательность и относится к нарушителям авторских

прав негативно. Чем это объясняется: нищетой, почтением к частной собственности или привычкой верить официальной пропаганде – гадать не будем. Депутатам вполне достаточно такого фона, чтобы единогласно принимать все более жестокие меры по соблюдению авторских прав» [189, с. 7].

Интересно мнение, высказанное редактором журналов «Мониторинг правоприменения» и «Правовая информатика» Г. И. Макаренко (ФБУ НЦПИ при Минюсте России), которое не лишено дискуссии: «вред человечеству от законодательства по авторским правам в нынешнем виде огромен и не поддается исчислению. Из законов, защищающих авторов, законы по авторскому праву превратились в генератор «преступников», причем сами «преступники» в большинстве случаев не подозревают, что они «преступники». Налицо кризис правоприменения» [195, с. 41].

Правовое ограничение наблюдается как в российском законодательстве, так и в других странах. Относительное равновесие в модели «авторское право – общедоступность культурных ценностей» в настоящее время испытывает сильнейшее давление со стороны крупных корпоративных образований, которые имеют выгоду от расширения авторских прав и ограничения доступа к общественному достоянию, во всем мире [276; 307].

При запрете презумпции доступа многие организационные решения и нормативные акты будут содержать угрозу значительной части культурного наследия во всех его формах в силу приоритета контроля режима собственности, что в свою очередь противоречит реализации основополагающих прав общества на пользование культурным достоянием [280; 307].

Как пример, страны-члены ВТО (162 участника) автоматически связаны одним из самых важных и всеобъемлющих международных соглашений о правах интеллектуальной собственности 1994 г. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS), которое рассматривает отношения в сфере интеллектуальной собственности с точки зрения торгового взаимодействия [56]. Соглашение охватывает большинство видов интеллектуальной собственности и содержит противоречивые положения, вызывающие резкий протест общественности. Конфликт возможности свободного доступа и использования информации с правами обладателей и цензурой прослеживается и в судьбе законопроектных H.R.3261-Stop Online Piracy Act (SOPA) (внесён в

Палату представителей в США 26 октября 2011 г., до сих пор находится на рассмотрении) [58] и H.R.1493 – Protect International Property Act (2015-2016) (PIPA) (внесён в Сенат США 12 мая 2011 г., утвержден 5 мая 2016 г. после пятилетнего рассмотрения [57]), обсуждение которых проходило по несколько лет на фоне бурных дебатов между сторонниками свободного доступа к интернет-ресурсам и их использованием и владельцами ресурсов в совокупности с правительством. Таким образом, одни законопроекты принимаются, другие, встречая активное сопротивление, блокируются – проблема нахождения разумного баланса, как мы видим, не нова, попытки ее решить в пользу какой-либо из сторон продолжаются не одно десятилетие, являясь предметом пристального внимания отдельных государств и наднациональных организаций.

В законодательстве большинства государств роль закона об авторском праве в формировании и расширении цифрового культурного пространства и его социального значения неоднозначна. Стремительными темпами формируется сегмент рынка, на котором появляются и внедряются во все сферы жизни общества информационные, сетевые технологии, повсеместно занимает все более уверенные позиции глобальная сеть Интернет, делая многозначным вопрос баланса прав собственности и правообладателей.

На международном уровне непрерывно идет процесс пересмотра правового регулирования авторского права, права автора в сети Интернет, но окончательно консенсуса в достижении совершенства правового механизма защиты авторских прав достигнуть сложно и в первую очередь по причине быстроразвивающихся процессов глобализации и интернационализации информационного общества (примером этому может быть трансграничная преступность, когда национальное законодательство не способно привлечь к ответственности преступника, который географически не находится на его территории, а факт совершения преступления зафиксирован. В особенности это относится к преступлениям, совершаемым через сеть Интернет, где самой сложной проблемой является проблема доказания состава правонарушения [108].

Кроме того, закон об авторском праве, как любой другой социальный институт, отражает и транслирует государственную идеологию, главенствующую на определенный момент [281].

Если как пример рассмотреть политику США в отношении авторских прав на цифровое наследие, то она сформирована решительно ее собственными внутренними идеями, учреждениями и интересами, тогда как международные факторы играют незначительную роль. Несмотря на то, что Соединенные Штаты делали попытки оказать воздействие на реформу авторского права в Канаде и Мексике, результат трудно оценить как успешный. Политика в отношении авторских прав в обеих странах пока также продолжает формироваться под значительным влиянием внутренних факторов, и обе страны продолжают демонстрировать значительную автономию политики в отношении авторских прав [282]. Несмотря на то, что баланс интересов как таковой был признан Верховным судом Канады, но в реальности постоянно происходят вызовы структуре авторского права, что вызывает парламентскую продолжающуюся борьбу по уравниванию общественного интереса и права создателей. Таким образом, нормативная деятельность по «выравниваю» Закона об авторском праве в Канаде осуществляется в связи с появляющимися международными нормами.

Что касается Центральной и Восточной Европы, то здесь в отношении института авторского права задачи были сложнее – цифровая «революция» началась в разгар крупных преобразований в социальной, политической, экономической, культурной сферах. Б. Розенблюм, сотрудник библиотеки Канзасского университета, в частности, отмечает, что культурная политика в Центральной и Восточной Европе исторически была в большей степени ориентирована на сохранение культурного наследия, чем на доступ к нему и усиление позиций авторского права [298].

В 2010 г. группа «Copyright Principle Project», состоящая из 20 экспертов (профессоров права и адвокатов), подготовила доклад по проблемам необходимого реформирования в области авторского права, в котором изложила концептуальные направления. В этом же русле 25 октября 2012 г. Евросоюз утвердил «Директиву 2012/28/EU об определенных случаях разрешенного использования сиротских произведений» – произведений, защищенных авторским правом, для использования которых по закону требуется разрешение правообладателя, но идентифицировать автора сложно или невозможно [27]. В частности, общий подход к определению сиротского статуса произведений и разрешенному

использованию сиротских произведений необходим для обеспечения правовой определенности в отношении использования сиротских произведений архивами [266]. В апреле 2013 г. в Конгрессе подкомитет Палаты представителей провел ряд слушаний о реформе авторского права, в том числе в отношении оцифровки и представления архивных объектов [271]. Эти шаги констатируют, что справедливый баланс интересов сторон, установленный правовым решением, – одна из серьезнейших задач в мировой практике.

Во внимании российского государства доступность цифрового культурного наследия занимает особое место. Безусловно, доминирующим фактором выступают цифровые и сетевые супертехнологии, которые не только изменили форму культуры, но и виртуализировали ее в цифровое культурное наследие. Россия не отстает от мирового сообщества и активно вместе с другими развитыми странами, интегрируясь в глобальное информационное общество, развивает конституционно-правовые механизмы защиты информационных прав и свобод своих граждан [204].

Об этом свидетельствуют: 1) часть 4 статьи 29 Конституции РФ: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом...»; 2) статья 44: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» [1].

Особого внимания заслуживает часть 3 статьи 44 Конституции РФ «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» [Там же] – эту конституционную норму нужно прививать в обществе с малолетнего возраста, если мы в перспективе хотим увидеть наше общество культурным, образованным и сохранившим свою национальную идентичность. Учитывая, что в современном обществе культура существует в двух формах выражения – в классической и в цифровой, то с учетом колоссальных возможностей информационных технологий именно цифровая форма способна наиболее активно популяризовать национальные и мировые материальные и нематериальные ценности.

Соответственно, и в отечественных исследованиях дискуссиям на рассматриваемую тему посвящено достаточное число научных работ, что еще раз демонстрирует ее актуальность для всего мирового сообщества. Для России наряду с другими развитыми государствами актуальными являются теоретические вопросы развития информационных правоотношений в современном информационном обществе, которые ставят задачи разработки правовых способов защиты прав и законных интересов авторов, исполнителей и правообладателей, а также пользователей создаваемых произведений, сохранения культурного наследия России и обеспечение доступа к нему [141].

Появляются и официальные документы, исходящие от органов исполнительной власти, в которых одной из ключевых позиций является презумпция доступности как доминирующий критерий в развитии гражданского общества через культуру во всех ее формах.

Важность доступности цифрового культурного наследия прописана в государственной программе «Информационное общество (2011–2020 годы)» [81], принятой Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. Мероприятия, обозначенные в Подпрограмме 6 «Цифровой контент и культурное наследие», направлены на содействие производству и обеспечению доступности всего информационного контента – образовательного, научного, культурного и развлекательного. В частности, пункт 3 Подпрограммы предписывает обеспечение распределенного доступа к различным отраслевым информационным ресурсам в сети Интернет, к данным о музейных предметах, коллекциях, к документам библиотечного фонда, государственным услугам в сфере культуры, сайту министерства культуры, сайту организаций культуры субъектов Российской Федерации и др.

Обеспечение доступа к объектам цифрового культурного наследия рассматривается в государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 (в редакции от 17 июня 2015 г.) [89]. Подпрограммой 2 «Информационная среда», направленной на обеспечение равного доступа населения к медиасреде, подразумевающей в том числе и объекты цифрового культурного наследия. Ставятся задачи существенное увеличение в национальном информаци-

онном пространстве доли информации, ориентированной на заинтересованность в традиционных культурных ценностях; обеспечение прав и основных свобод человека, в том числе права каждого человека на информацию [81]. В Подпрограмме 4 «Информационное государство» среди прочих стоит задача создания и развития электронных сервисов, в том числе в области культуры, что подразумевает обеспечение более полного доступа к цифровому культурному наследию.

Обе подпрограммы направлены на сокращение «цифрового неравенства» субъектов Российской Федерации «до пределов, предупреждающих изолированность отдельных граждан и социальных групп, что соответствует решению такой важной задачи, как высокая степень интеграции Российской Федерации в мировое информационное общество» [Там же] (в то же время Подпрограмма 3 «Безопасность в информационном обществе» обращает внимание на обеспечение контроля и надзора, разрешительной и регистрационной деятельности в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, а также на развитие технологий защиты информации, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, безопасность информации ограниченного доступа [Там же]).

Если обратиться к государственной программе «Культура России (2012–2018 годы)», то в документе также предусмотрено «обеспечение доступа к культурному наследию в цифровом виде, в том числе размещенному в сети Интернет, создание и поддержка интернет-ресурсов о культуре, общероссийской системы доступа к Национальной электронной библиотеке» [88].

Некоторые авторы в достаточной степени скептически выражают свое мнение на этот счет – в частности, А. Т. Нагуслаев (Генеральная прокуратура РФ) высказывает свое мнение в следующем ключе: несмотря на позитивную тенденцию признания и гарантированности информационных прав и свобод личности в России, существует вероятность ограничения со стороны государства свободного поиска, получения, передачи, производства и распространения информации [204, с. 1198].

Объем общедоступной информации часто подвергается пересмотру (например, открытый доступ к правительственным документам может быть ограничен по соображениям секретности в определенных делах, к результатам научных исследований

и научным знаниям – по этическим соображениям, доступ к персональной информации – по причине конфиденциальности). С другой стороны, специалисты отмечают необходимость разработки правовых и неправовых (организационно-технических) методов защиты авторских прав в глобальной информационной сети [149, с. 40]. Таким образом, мы наблюдаем ту же дискуссию о балансе интересов, которая затрагивает все мировое сообщество и идет на уровне других государств и в наднациональном пространстве.

Президент Российской Федерации В. В. Путин 12 марта 2014 г. подписал Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Статья 1275 ГК «Свободное использование произведения библиотеками, архивами и образовательными организациями» изложена в новой редакции [73]. Это создает новые возможности, например, по оцифровке и формированию электронных коллекций, но окончательное разрешение проблемы еще впереди [267].

В Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р, утверждающим Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 года [84], среди приоритетных направлений выделены передача от поколения к поколению традиционных для российского общества ценностей, норм, традиций и обычаев, а также обеспечение гражданам доступа к знаниям, информации и культурным ценностям. Сегодня, констатируется в документе, для приобщения и расширения доступа к отечественному культурному наследию уже созданы мультимедийные порталы и сервисы, в том числе портал «Культура.рф», и в этом же русле завершается переход с аналогового телевидения на цифровое телевидение и др.

Согласно задачам в отношении культурной инфраструктуры предполагается, что к 2030 г. базовый сценарий Стратегии позволит продолжить организацию виртуальных театральных площадок, концертных залов и музеев во всех субъектах Российской Федерации, увеличить количество качественных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Цели, задачи и приоритетные направления реализации Стратегии в рамках расширения доступа включают в первую очередь

использование возможностей интернет-сайтов и социальных сетей для презентации российской культуры, искусства и творчества народов России; поддержку сетевых образовательных проектов, реализуемых не только государственными, но и общественными организациями.

В целях повышения доступности культурных благ, объектов культурного наследия, продукции творческих индустрий, подчеркивается в Стратегии, посредством использования инновационных информационных и коммуникационных технологий гражданам будут создаваться условия для изучения и популяризации, в том числе через медиапроекты, отечественной истории и культуры. Среди ожидаемых результатов реализации Стратегии указано выравнивание условий доступности услуг для жителей малых городов и сельских территорий, а также повышение качества оказанных услуг [84].

Однако, как видно, острота проблемы приведения в соответствие национальных правовых норм, правовых норм сообществ и норм международных, правового регулирования отношений, особенно в сети Интернет, не снижается. Очевидно, что в связи с трансграничностью цифровое культурное наследие перестает принадлежать своему обществу и, соответственно, может возникать вопрос о расширении перечня охраняемых авторским правом объектов цифрового наследия и проведении экспертиз этих объектов.

Несмотря на то, что ЮНЕСКО, ВОИС и другие международные организации уделяют особое внимание этому вопросу и иницируют проведение соответствующих международных дискуссий в целях координации различных интересов среди соответствующих субъектов [293], скептики считают, что не может быть предпринято радикального сдвига в законодательстве об авторском праве и что поправки и нововведения – просто новый эпизод в длительных дискуссиях мирового сообщества, эти вопросы не новы, но до сих пор не решены [298; 307]. Технологические достижения меняют контуры обсуждения, однако основные проблемы, тем не менее, находятся в фокусе двойственности.

Проблема до настоящего времени носит риторический характер. Опасность монополизации прав на объекты авторского права сопоставима с угрозой общественному благосостоянию, прогрессу науки, образованию, культуре, духовному и нравственному

развитию личности как основной единице общества, носителю национальной идентичности.

Конструирование оптимального правового режима находит отражение в законодательных актах по всему миру – защита прав граждан на доступ и использование культурного наследия играет важнейшую роль в обеспечении общества культурой в разных ее формах – традиционной и цифровой, которая создает новые интеллектуальные и культурные ценности. С другой стороны, обращается внимание на законодательство и разработку именно правовых методов защиты авторских прав в цифровом культурном пространстве, разработку на мировом уровне отдельных правовых актов по защите авторских прав в цифровой среде, что позволило бы государствам, ориентируясь на него, совершенствовать национальное законодательство.

1.6. Культурный суверенитет – основа национальной безопасности России

Национальную безопасность нельзя рассматривать в отрыве от процессов, протекающих внутри современного информационного общества. Само содержание понятия «национальная безопасность» претерпевает перманентные изменения в зависимости от объективных предпосылок, оно получает все более широкую трактовку, где индикатором становятся политико-правовые гарантии личности, ее жизни, прав, свобод и законных интересов [140].

Не секрет, что в современном обществе становится все более осознанной необходимость организованного противостояния органами исполнительной, законодательной и судебной власти бесчисленным вызовам, угрозам и атакам, порожденным развертывающимися процессами глобализации.

В Стратегии национальной безопасности, опирающейся на Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [74], национальная безопасность трактуется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономи-

ческое развитие Российской Федерации» [77], в ряду ее основных элементов – демографическая, продовольственная, антитеррористическая, антикоррупционная, энергетическая безопасность [237, с. 15] – все более широкое место занимают другие, не менее важные элементы – безопасность технологическая, экологическая, финансовая, правовая, информационная, культурная, духовная, что прямо связано с безопасностью личности, с категориями свободы, ответственности, патриотизма, сотрудничества, согласия, доверия [202].

Сейчас главный акцент обращен на содержание и смысл существования как всего человечества, так и каждого индивида, на интересы человека, развитие его творческого потенциала, на нужды и духовные потребности гражданского общества, пересматриваются взгляды на систему безопасности духовной и культурной сферы [Там же, с. 23]. Мировым сообществом общепризнана актуальность гуманистических принципов как приоритетных общечеловеческих ценностей, основополагающих в рассмотрении вопросов и проблем безопасности, открывающих перспективу для преодоления человечеством глобальных и других кризисов, предотвращения экологической катастрофы [112, с. 97].

Культура, как явление социальное, в обязательном порядке вступает во взаимодействие со всеми сферами человеческого бытия и сознания, проявляясь как уникальная целостность. Вся система общественных отношений функционирует в соответствии с существующей культурой, в категории национальной безопасности закономерно занимают свое место такие категории, как менталитет, национальные особенности, обычаи, традиции, идентичность.

Во внешнеполитических национальных интересах России как на ближайшую, так и на долгосрочную перспективу актуальным является формирование единого пространства безопасности при сохранении собственной уникальной культурно-цивилизационной составляющей [260, с. 17]. Соответственно, возможности решения проблем национальной безопасности во многом замыкаются и на культурные скрепы, на совокупность материальных и духовно-культурных ценностей.

Многоплановое понятие «национальная безопасность» включает в свое содержание целую систему понятий, практических действий, в основу которых заложен культурный феномен [220, с. 190].

При сохранении национальной безопасности остро стоит вопрос формирования национального самосознания, в котором именно культура во всех ее формах играет доминирующую роль. В Стратегии национальной безопасности России [77] ее система рассматривается как совокупность элементов: национальные интересы Российской Федерации, угроза национальной безопасности, стратегические национальные приоритеты, система обеспечения национальной безопасности [137].

Общеизвестно, что при наступлении глубоких, глобальных кризисов происходят разрывы с предшествующими политической, экономической традициями. Они, как правило, выражаются повсеместно в радикальном отрицании уже существовавших культурных ценностей и смене главенствующих некогда социокультурных моделей.

Интенсивность кризиса обуславливается наложением кризисных явлений в различных сферах общественной жизни на процесс разрыва с предшествующей культурной традицией [184, с. 188]. Наличие же национальной и культурной идентичности является важным фактором национальной безопасности, от содержания, заложенного в культуру, зависит выполнение ею функций формирования национального самовыражения, укрепления целостности государства. Транслирование же чуждой идеологии представляет собой достаточно реальную угрозу иноэтнического влияния. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента 5 декабря 2016 г., подчеркивается угроза размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, активизации информационного воздействия на российское население, в первую очередь на молодежь [91].

Формирование такого положения мы могли наблюдать после 1991 г., когда после распада Советского Союза в Россию пошла волна западной культуры, популяризируя чуждые идеи через лавину рекламы, фильмов, телевизионных передач и так далее, отвергая национальные ценности и социокультурные парадигмы. На этом этапе проявляется одна из важнейших функций культуры, которая приобретает такую актуальность, как никогда ранее, – информационная, она представляется проводником идей и способна манипулировать информационно-психологическим сознанием человека и масс [183, с. 114]. В ряду стратегических це-

лей Доктрина информационной безопасности ставит нейтрализацию информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, духовно-нравственных ценностей [91].

Именно поэтому культура материальная и нематериальная, в любой ее форме – традиционной и цифровой – признается неотъемлемой частью Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Сохранение, развитие и обогащение культуры, культурных традиций преемственности поколений, в основе которых лежит передача социально значимого политического, экономического, культурного, духовного и информационного опыта российского народа можно считать институциональными основами, которые помогают сформулировать общие принципы информационно-культурной деятельности государства.

К институциональным основам представляется отнести также создание культурных и информационных условий и предпосылок для восприятия позитивных парадигм поведения, соответствующих потребностям становления нового российского информационного общества, обеспечения национальных интересов страны и безопасности личности, общества и государства [179]. Стратегия национальной безопасности России ставит культуру в ряд стратегических национальных приоритетов [77].

О культуре как о гаранте национальной безопасности позволяет говорить, прежде всего, то, что культура способна выполнять целый ряд принципиально важных функций – обеспечение национальной безопасности через формирование такой среды, которая будет наделена понятием «национальная культура» и основываться на признании всеми гражданами государства смыслов и ценностей, имеющих в его границах доминирующее значение [183, с. 112].

В России ментальность и культурная идентичность исторически проявляются в языковой общности, возможности общаться на одном языке; гораздо ярче, чем во многих других полиэтнических государствах, проявляются религиозная терпимость, взаимопонимание между различными религиозными конфессиями. Государство, заинтересованное в формировании народа, сплоченного посредством разделяемых всеми идей, должно опираться

на единство основополагающих смыслов, идей и ценностей [183, с. 113].

Культура формирует прочную национальную идентичность, уважение к собственной истории, активное приятие государственной символики и мифологии, равноправие культур и языков малых народов на основе признания доминирующей роли русского языка как языка общенационального общения, патриотизма народа, создавая основу для обеспечения национальной безопасности [Там же, с. 112]. Как отмечается в Стратегии национальной безопасности России [77], велика опасность пропаганды образа жизни, в основе которого вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость. Главными угрозами национальной безопасности в сфере культуры указываются засилье продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев [Там же].

Ни для кого не секрет, что современные войны отождествляются в первую очередь не с совершением вооруженных конфликтов, а с активной работой в сфере информационных технологий. В Концепции внешней политики РФ отмечается, что обострение различных конфликтов в мире ведет к противоправному применению «мягкой силы» и использованию ее в «целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением [100]. Единственное эффективное средство, позволяющее противодействовать информационному воздействию, – это воспитание у подрастающего поколения способности понимать и оценивать причины и следствия происходящих событий, самостоятельно осмысливать получаемую информацию из различных информационных источников, в том числе распространяемую средствами массовой коммуникации как в бумажной, так и цифровой технологиях, а это в свою очередь обеспечит приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны.

В условиях появления новых угроз социальной, информационной и культурной (а равно и других видов угроз) безопасности личности, общества и государства, интенсивность и политическое содержание используемых информационно-культурных средств наглядности при осуществлении мероприятий по созда-

нию и распространению необходимых образцов поведения и действий граждан должны соответствовать возникающим перед обществом задачам [173, с. 16]. В Стратегии национальной безопасности [77] безопасность культуры признается как фактор обеспечения национальной безопасности на государственном уровне.

Информационная безопасность соотносится с национальной безопасностью как частное и общее [220, с. 358] и сопряжена с безопасностью культуры. Стратегия национальной безопасности представляет собой концептуальный и практически реализуемый документ, который наряду с другими направлениями обеспечения безопасности страны включает проблему безопасности информационной [124, с. 375]. Система информационной безопасности в Российской Федерации направлена на сохранение государственной и других тайн, защиту информационных ресурсов и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры от воздействия информационного оружия, угроз информационного терроризма и информационного криминала [220]. Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов общества, государства и личности – такое определение дает Доктрина информационной безопасности РФ, утвержденная Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 [90].

В сменившей ее Доктрине, утвержденной Указом Президента 5 декабря 2016 г., формулировка несколько расширилась; информационная безопасность трактуется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [91].

В современном мире сила коммуникационных и информационных технологий столь велика, что как действенные и равнозначные всем прочим выступают информационные войны; национальная безопасность страны, под которой понимается безопасность ее многонационального народа, тесно сопряжена с информационной безопасностью.

Центральный элемент информационной безопасности представлен объектом защиты, который законодательно представлен как «жизненно важные интересы» – данная правовая конструкция зафиксирована в Законе РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1 [60]. Формулировка «жизненно важные интересы» подразумевает совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам защиты в информационной сфере относятся: личность (ее права и свободы), общество (его материальные и духовные ценности), государство (его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность) [220, с. 360].

Выступая гарантом национальной безопасности, культура сама может подвергаться угрозам искажения, разрушения, утраты. Стратегия национальной безопасности России отмечает противоправные посягательства на объекты культуры [77].

Пункт 84 раздела 7 документа гласит, что решение задач обеспечения национальной безопасности в сфере культуры в среднесрочной и долгосрочной перспективе достигается в первую очередь за счет признания первостепенной роли культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации и международного имиджа России в качестве страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся современной культурой, создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России [Там же].

Поскольку в эпоху информационного общества цифровая культура общепризнано является полноправным компонентом культурного пространства, глобальная информационно-телекоммуникационная сеть Интернет объективно и прочно вошла в жизнь общества – и как виртуальная среда цифрового культурного наследия, и как инструмент доступа к его многообразию: электронным библиотекам, виртуальным музеям, цифровым архивам, документам, редким книгам, фоно-, фото- и киноархивам и др., неоспоримо, что обеспечение безопасности цифровой культуры неразрывно связано с обеспечением национальной безопасности государства.

Введение в оборот определения безопасности объекта культурного наследия определяется рядом факторов, реально оказы-

вающих негативное влияние на объекты культурного наследия во всех его формах, ведущее к его разрушению, или потенциально способных оказать такое влияние [124].

Сохранность является неотъемлемым условием культурного наследия наряду с доступностью, и это априори говорит об обеспечении его безопасности. Сейчас особенно остро становится этот вопрос в отношении цифрового культурного наследия – последние три десятилетия на территории виртуальной реальности формируется сфера цифровой культуры и наряду с традиционной культурной средой (как её компонент) активизируются инновационные процессы в телекоммуникации, которые играют все более важную роль в образовании, науке, экономике и в формировании личности будущего общества.

В эпоху информационного общества библиотеки, архивы, музейные учреждения, медиакомпании предоставляют ресурсы в электронных форматах; накоплены огромные массивы оцифрованных и цифровых объектов культурного значения, в связи с чем активизируется «цифровой» компонент деятельности учреждений культуры благодаря компьютеризации и виртуализации [168; 169; 205]. Объемы информационных ресурсов в качестве цифровых культурных объектов возрастают, к нерешенным проблемам безопасности добавляются новые [52].

Важнейшим международным документом, ориентирующим мировое сообщество на создание единой правовой концепции обеспечения безопасности цифрового культурного наследия, можно считать принятую ЮНЕСКО в 2003 г. «Хартию о сохранении цифрового наследия» [23]. Документ, признающий цифровое культурное наследие как новый и самостоятельный вид культурного наследия, на общемировом уровне акцентирует внимание на важности проблемы и необходимости активизировать информационно-разъяснительную работу, привлечь внимание лиц, ответственных за принятие политических решений, стимулировать интерес общественности к практическим вопросам обеспечения безопасности цифрового культурного наследия [179]. В Хартии подчеркивается, что в случае непринятия мер, направленных на предотвращение преобладающих угроз, произойдет быстрая и неизбежная утрата цифрового наследия [17].

Основные методы обеспечения безопасности культуры идентичны таковым в других областях и подразделяются на правовые, организационные, программно-технические.

Зарубежные и отечественные исследователи – музейеведы, сотрудники архивов, библиотек, документоведы, культурологи, искусствоведы – все чаще возвращаются к вопросам безопасности, и одна из доминирующих проблем – это угрозы целостности контента цифрового культурного наследия как объекта, его идентификации, аутентичности, т.е. соответствия изначальному «образу», акцентируя внимание на недопустимость, например, корректировки данных, их изъятия, искажения и т.д. Самая опасная угроза – это полное уничтожение объектов цифрового культурного наследия без права их восстановления, учитывая, что у большинства объектов цифрового культурного наследия нет аналогового происхождения, и зачастую их сущность не может быть сохранена путем традиционных средств [277]. Способы предотвращения угрозы сохранности цифрового культурного наследия рассматриваются в первую очередь с позиций знания и понимания ключевых проблем и целей сохранения цифровых объектов, планирования процессов сохранения цифровых ресурсов (в том числе и на этапе их создания), обозначение круга лиц, ответственных за сохранение цифровой информации, разработка регламентов сохранения и строгий контроль за их исполнением.

Программно-техническое обеспечение цифрового культурного наследия является предметом исследований специалистов по информационным технологиям, которые создают информационные системы, web-сайты, web-порталы, сетевые сервисы для возможности формирования информационных ресурсов цифрового культурного наследия и получения доступа к ним в различных режимах, например, через сеть Интернет, приложения мобильных устройств и др.

В соответствии с этим поле деятельности в обеспечении безопасности со стороны ИТ очень широко – угрозу сохранности цифрового наследия представляют, например, аварии, приводящие к поломке или уничтожению носителя. Также составляет немалую проблему «старение» носителей и операционных платформ [132]. В частности, в документе для обсуждения, подготовленном для ЮНЕСКО Европейской комиссией по вопросам со-

хранения и доступа (Амстердам, февраль 2002 г.), указывается: «Быстрота эволюции цифрового мира нарушает порядок всех существующих методов сохранения информации. Поколения платформ, программ и аппаратов сменяют друг друга столь быстро, что уже через годы, а не через десятилетия информационные материалы становятся недоступными из-за проблем, касающихся их совместимости с новым техническим обеспечением и операционными и информационными системами» [52].

В этой связи специалисты предлагают различные методы сохранения цифровых объектов – например, обновление, репликация (создание копий) цифровых материалов и хранение их в разных местах; эмуляция (создание образа исходного материала на другом носителе с сохранением всех функциональных характеристик); миграция, т.е. перенос исходного цифрового материала в новое технологическое окружение (перевод в другой формат, из одной операционной системы в другую, с одного языка программирования на другой и пр.) и т.д. [132].

Решение задач технического характера входит в сферу деятельности ИТ-технологий – обеспечение безопасности сайтов, защита от взломов и хакерских атак, глобальное управление авторизациями пользователей, предотвращение пиратства, утечки данных, незаконного распространения или неправильного использования, идентификации, аутентификации клиентов [273; 297; 299].

Многие информационные ресурсы (например некоторые архивные цифровые объекты) рассчитаны на определенную группу пользователей, и их не всегда можно рассматривать как открытый информационный ресурс Интернета, который может использоваться для исследовательских или образовательных задач.

Технологический вопрос обеспечения идентификации клиентов напрямую связан с одной из центральных проблем – права на интеллектуальную собственность, подход к пониманию и решению которой в научных исследованиях неоднозначный. В исследованиях авторское право в цифровой среде рассматривается как препятствие всеобщему равноправному доступу к культурному наследию и в том числе деятельности, преемственности, прогрессу и исполнению миссии культурного учреждения [303]. Независимо от текущих или будущих технологий в цифровой среде проблемы права доступа будут возникать (существует множество

моделей, стандартов и практик, охватывающих различные их грани) и указывать на необходимость четко определенной политики в этом направлении [299].

Правовые методы подразумевают разработку нормативных правовых актов, методических документов, регламентирующих отношения в сфере культуры. Координирующую и направляющую роль в комплексном обеспечении безопасности цифрового культурного наследия, особенно, в сети Интернет играет государственно-правовое регулирование, осуществление законодательной и финансовой поддержки обеспечения безопасности цифровых информационных ресурсов [132].

Многие ученые отмечают, что в России эта проблема ещё не осознана в полном объёме. В России не существует программы сохранения цифрового наследия, что констатируется в «Московской декларации о сохранении электронной информации», принятой в октябре 2011 г. [17]. И если со стороны культурологического и информационно-технологического сообществ можно отметить множественную постановку задач по обеспечению безопасности цифрового наследия, то со стороны законодательной эта позиция недостаточно активна. Культурологи обозначают проблему безопасности цифрового культурного наследия, ИТ-отрасль предлагает технические инструменты ее обеспечения, но требуется нормативно-правовой комплекс, регламентирующий в целом процесс обеспечения безопасности законодательно, с государственной гарантией.

Безопасность цифрового культурного наследия, его сохранность и рациональное использование должны обеспечиваться в первую очередь нормативными правовыми актами. Осознание и понимание проблемы выражается в региональных, государственных и международных программах долгосрочного сохранения цифрового культурного наследия и его безопасности [132].

Несмотря на постоянное совершенствование отечественного законодательства, в исследуемой области можно отметить наличие ряда проблем в правовом обеспечении. В Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации, предусмотрено развитие цифрового контента и сохранение культурного наследия, включающего оциф-

ровку объектов культурного наследия (в том числе архивные фонды), развитие средств обработки и предоставления удаленного доступа к цифровому контенту, создание и развитие электронных сервисов в области культуры [81]. Подпрограмма 6 «Цифровой контент и культурное наследие» раскрывает потребность в реализации мероприятий по созданию, распространению и сохранению этой информации в электронной форме. Отдельным пунктом выделена разработка технологии защиты контента правообладателей.

Уделяя внимание вопросам обеспечения доступа и сохранности объектов культурного наследия, действующая федеральная целевая программа (далее – ФЦП) «Культура России (2012–2018 годы)» [105] раздел II.I посвящена внедрению информационно-коммуникационных технологий и информатизации отрасли. Выделены подразделы «Цифровой контент и сохранение культурного наследия» (п. 27 «Создание цифрового контента о значимых событиях российской культуры и искусства», п. 28 «Создание и развитие электронных информационных ресурсов библиотек (в том числе представленных в сети Интернет). Развитие информационных порталов, электронных справочных служб библиотек», п. 29 «Создание мультимедийных электронных ресурсов о культуре, интерактивных карт культурных и природных ландшафтов России»). Раздел II.II касается обеспечения доступа к культурному наследию в цифровом виде, II.III – информатизации отрасли. Помимо этого, ФЦП определяет пунктами бюджетной росписи формирование Единого электронного реестра объектов нематериального культурного наследия народов России [105, п. 24], наполнение базы интернет-сайтов выступлениями фольклорных коллективов и исполнителей фольклорного жанра, мастеров традиционного народного искусства [106]; формирование архивных электронных ресурсов и их представление в сети Интернет, создание и формирование в архивах условий для работы с электронными документами [105, п. 90], развитие Национальной электронной библиотеки, оцифровка журналов [104, п. 92], сохранение уникальных записей из коллекций Гостелерадиофонда [105, ч. IV].

В Стратегии национальной безопасности России до 2020 г. [77] прописано, что для противодействия угрозам в сфере культуры силы обеспечения национальной безопасности во взаимо-

действию с институтами гражданского общества обеспечивают эффективность государственно-правового регулирования поддержки и развития разнообразия национальных культур, толерантности и самоуважения, а также развития межнациональных и межрегиональных культурных связей.

Укреплению национальной безопасности в сфере культуры будут способствовать сохранение и развитие самобытных культур многонационального народа Российской Федерации, духовных ценностей граждан, улучшение материально-технической базы учреждений культуры и досуга, совершенствование системы подготовки кадров и их социального обеспечения, развитие производства и проката произведений отечественной кинематографии, развитие культурно-познавательного туризма, формирование государственного заказа на создание кинематографической и печатной продукции, телерадиопрограмм и интернет-ресурсов, а также использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества.

На государственном уровне противодействия угрозам в сфере культуры возможны во взаимодействии с институтами гражданского общества, а система показателей оценки эффективности будет выражаться через расширение доступа широких слоев населения к лучшим образцам отечественной и зарубежной культуры и искусства через создание информационных фондов; создание условий для стимулирования населения к творческой самореализации всех возрастных категорий; содействие развитию культурного потенциала на всей территории страны.

В русле гуманистического подхода конечной целью обеспечения безопасности культурного наследия и национальной безопасности в целом, центром сосредоточения всех усилий в этом направлении является конкретный человек информационного общества. В информационном обществе зародились и развиваются новые информационные феномены, в ряду которых все увереннее занимает свое место цифровое культурное наследие, активно проникающее в интересы, удовлетворяющее социальные потребности, не нарушая права и свободы личности. Это закономерно усиливает акцент на том факте, что при обеспечении безопасности культуры в целом данному феномену должно уделяться все больше внимания, и концепция развития России, направленная на сохранение и повышение доступности цифровых объектов

культурного наследия, безусловно, в идеале должна объединять законодательные, организационные и технические мероприятия на национальном и международном уровнях. Результат реализации вышеперечисленных мер будет являться качественным показателем, определяющим состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу, а также основой безопасности, согласно Стратегии Российской Федерации.

Однако, несмотря на постоянное совершенствование отечественного законодательства, в исследуемой области можно отметить наличие ряда проблем и в первую очередь – с фиксированием и раскрытием понятий «цифровая культура», «цифровое культурное наследие»; в основополагающих законодательных актах не прописаны особые характеристики данных феноменов, отличающие их от традиционных. Если на международном уровне в принятой ЮНЕСКО в 2003 г. «Хартии о сохранении цифрового наследия» правовая категория «цифровое наследие» документально закреплена как «новый и самостоятельный вид культурного наследия» [23], то в Российской Федерации базовые правовые документы данные понятия не только не раскрывают, но и не фиксируют как таковые. Неоспорим тот факт, что возникает крайняя необходимость законодательного закрепления этих понятий как юридических дефиниций в современном праве в сфере культуры [200, с. 24].

В Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», в федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы)» объективно отмечается наступление цифровой эпохи и формирование цифровой культуры, свидетельствуя о том, что цифровая культура существует и, мало того, играет все более важную роль, выполняя определенные значимые функции, ей свойственные, в жизни информационного общества на пороге XXI века.

Однако, «Основы законодательства о культуре» [96], принятые Верховным Советом Российской Федерации, указывают, что документ регулирует культурную деятельность в области «производства материалов, оборудования и других средств, необходимых для сохранения, создания, распространения и освоения культурных ценностей», но не затрагиваются понятия «цифровая культура», «цифровое культурное наследие», «цифровое куль-

турное достояние». В федеральном законе «О библиотечном деле» до новой, 2016 г., редакции отсутствовало раскрытие понятий «цифровая» или «электронная» библиотека, имели место только упоминания об «экземплярах документов в электронной форме» [62]. Однако в последнюю редакцию Закона внесен абзац об обеспечении прав граждан «путем предоставления доступа к федеральной государственной информационной системе «Национальная электронная библиотека», ст. 18.1 подробно раскрывает понятие «федеральная государственная информационная система», которая представляет собой совокупность документов и сведений в электронной форме, отобранных в соответствии с методикой отбора объектов Национальной электронной библиотеки, доступ к которым предоставляется пользователям с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет [62]. На настоящий момент мы также можем видеть понятие «Национальная электронная библиотека» в Проекте Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, где понятие рассматривается как совокупность документов и сведений в электронной форме через объекты исторического, научного и культурного достояния народов Российской Федерации [93].

Отсутствие внятных определений мы наблюдаем в федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации» (уже с поправками в 2015 г.) [68], где говорится, что в состав Архивного фонда Российской Федерации «входят находящиеся на территории Российской Федерации архивные документы независимо от источника их происхождения, времени и способа создания, вида носителя, форм собственности и места хранения...», и лишь «в том числе... электронные документы» [68].

Далее отмечается, что доступ к архивным документам обеспечивается путем предоставления пользователю архивными документами справочно-поисковых средств и информации об этих средствах, в том числе в форме электронного документа; путем предоставления подлинников и (или) копий необходимых ему документов, в том числе в форме электронных документов; путем использования информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет, с возможностью их копирования, при этом

так же, как закон «О библиотечном деле», не содержит понятие «цифровой» («электронный») архив.

Таким образом, вопрос правового регулирования отношений в области создания, сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов цифрового культурного наследия (электронные библиотеки, виртуальные музеи, цифровые архивы) народов Российской Федерации на данный момент остается открытым. Такое положение категорически нельзя считать приемлемым. Появление совершенно обновленного типа правоотношений создает все предпосылки для создания нового правового акта по аналогии с «Хартией о сохранении цифрового наследия» ЮНЕСКО, который закрепит положения, способствующие долговременной сохранности цифрового культурного наследия, регулированию правомерного доступа к нему, обеспечению законных интересов правообладателей, обеспечению информационной безопасности, а также будет способствовать совершенствованию правоприменительной практики при нарушении законодательства в области охраны объектов цифрового культурного наследия. Как вариант видится внесение изменений в соответствующие существующие нормативные правовые акты.

Глава 2. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

2.1. Интеграция России в глобальное информационное общество: вектор культуры

Трансформация российского общества в информационное тесно сопряжена с масштабностью развития и качеством информационных технологий, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а их применение в большей степени определяет характер жизни общества в экономической, правовой, культурной сферах. Главные факторы, объединяющие разные народы (несмотря на их отличие как конфессионального, так и этнического характера, то есть разность цивилизаций), – это идея солидарной заботы о будущем, взаимный интерес к культуре друг друга, воспитание патриотизма, любовь к отечеству, национальная безопасность.

В современном мире на пороге XXI века интеграционные процессы приобрели глобальную, всеохватывающую тенденцию, в отличие от предшествующих этапов интеграционных процессов, когда в них преобладала этнорегиональность, а не всеобщность. Мы видим, что все больше проявляется сходство понятий «глобализация» и «интеграция» в движении этнонациональных особенностей, феноменов «во всеобщность, только всеобщность более высокого и даже высшего, общечеловеческого порядка» [216, с. 172].

Жан Моннэ, родоначальник процесса европейской интеграции, начавшейся в середине прошлого века, полагал, что культурное сотрудничество должно тесно соотноситься с экономическим, правовым и политическим, так как может играть значительную роль в интеграционных процессах [126; 127]. Он считал

просчетом невниманием к культурным аспектам при реализации интеграционной политики.

Россия исторически занимает обширную территорию, такая геополитическая уникальность дает особые возможности и преимущества в цивилизационном диалоге Востока и Запада, что исключительно важно сейчас, когда отношения между государствами переходят на качественно новый этап своего взаиморазвития.

В цивилизационный диалог на фоне расширения экономических, общественно-политических, научных контактов между народами включен и диалог культур, порождающий инновационное мышление, новый характер сотрудничества и проявления толерантности. Многогранность духовного богатства человечества, различия в менталитете, обычаях, традициях, ценностях объединяют гуманизм и культура, неся созидательные функции, фундаментизируя взаимодействие этносов, решая актуальные задачи успешного развития в условиях утвердившейся информационной цивилизации [178, с. 112]. Для конструктивного развития многофункционального и поликонфессионального мирового сообщества – это единственно правильная основа развития межнациональных и межконфессиональных отношений.

В информационной цивилизации, в эпоху высоких технологий, всеобщей компьютеризации и повсеместного распространения сети Интернет главной целью является человек, становление его как личности, всесторонне развитой и гармоничной (сборной). При этом доминирующую роль в социальном и научно-техническом развитии играют наука, образование и культура. Россия, как и все мировое сообщество, движется в русле общего интеграционного процесса.

Процесс интеграции национальных культур детерминирует усиление зависимости гражданского сознания от влияния социокультурной среды, и в этой связи материальные и нематериальные формы культуры (обычаи, знания, культурные пространства [7], языки, традиции, говоры, фольклор, навыки и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп, свидетельствующие о культурном разнообразии народов мира) [9; 19; 45], «процессы формирования, распространения и потребления информационно-культурных продуктов и услуг, активизации позитивного информационно-культурного воздействия на сознание индивидов и социальных групп» [173, с. 6] требуют

особого внимания со стороны органов государственной власти, учитывая, что государственная охрана объектов культуры и культурного наследия, независимо от формы представления, является одной из приоритетных задач учреждений сферы культуры и, безусловно, разработки концептуальных нормативных правовых актов в сфере культуры с учетом всех современных научных и технологических достижений.

Исторически стремление человека к созданию и сохранению культурных артефактов сопровождает общество с самого начала его возникновения. Результаты, как правило, фиксировались учеными в научных исследованиях, и в процессе анализа научных трудов ученые приходили к выводу о появлении такой проблемы, как вандализм в различных его формах, который несет в себе функции разрушения и уничтожения культурной памяти человечества. В рамках международного права охранные функции культурных объектов напрямую связаны с форс-мажорными ситуациями, результатом которых отмечалось разрушение и гибель уникальных культурных ценностей, имеющих значение для всего человечества [174, с. 3].

Формирование наднационального механизма охраны и защиты культурного наследия имеет уникальную историю, закрепленную на общемировом уровне рядом документов. У истоков становления международной системы «Охрана историко-культурного наследия» стоял Николай Константинович Рерих – выдающийся русский художник, философ, писатель, путешественник, общественный деятель. Созданный им документ, известный как Пакт Рериха – «Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников» 1936 г., – первый в истории международный договор о защите культурного наследия, правовой документ, защищающий культурное наследие планеты и в мирное время, и во время войны, призывающий объединить усилия всех государств и народов к сохранению и защите культурных ценностей планеты, составляющих основу всеобщей культуры [10]. «Ведь мы знаем, что и во время так называемого мира очень часто вандализм свирепствует не меньше, чем во время войны, – писал Н. К. Рерих. – Мы также знаем, что иногда война в духе более опасна, нежели война в поле. Духовное убийство еще более опасно и преступно, нежели физическое [43; 223]. ...Знамя Культуры пусть развеивается над каждым куль-

турным очагом» [222]. По убеждению Н. К. Рериха, в мирное время нужно защищать культурное наследие от невежества и небоснованной реставрации, но в особой защите нуждаются памятники во время войны. П. Д. Баренбойм рассматривал Пакт Рериха как источник доктрины, эстетическую концепцию российского правового государства [122]. В настоящее время международная охрана цифрового наследия идет в русле развития идей Пакта Рериха [259]. Главное значение договора состоит в последовавшем общественном движении в его поддержку, которое приняло всемирный размах. Н. К. Рерих, отчетливо понимая значение общества в решении любых социальных вопросов, был уверен, что государство обязано создавать условия для защиты культурного наследия [241, с. 20].

Проект Пакта широко освещался в нью-йоркской прессе еще в 1929 г. По инициативе Н. К. Рериха в целях глобализации идей Пакта в 1931 г. была создана Всемирная Лига Культуры (ВЛК), зарегистрированная в Нью-Йорке. Организация рассматривалась Рерихом как «кооперативное объединение научных, художественных, промышленных, финансовых и прочих учреждений, обществ, личностей, работающих в пределах культурных путей» [197, с. 40]. Н. К. Рерихом было предложено Знамя Мира – белое полотнище с красной окружностью и вписанными в нее тремя красными кругами – для идентификации объектов охраны. 27 декабря 1931 г. в Нью-Йорке состоялся международный праздник, посвященный Знамени Мира, и с этого дня берет начало традиция Дня Культуры как праздника всех народов и стран [197, с. 40].

Безусловно, нам, в лице всего человечества, нужны знания об исторической памяти как свидетеля прошлого, света истины. Есть чудовищный пример разрушения этой памяти во времена Второй мировой войны, в ходе которой нанесенный ущерб культурному наследию ясно показал острую необходимость в решении вопросов защиты наследия в военное время, и первое послевоенное десятилетие проходило под лозунгом необходимости международного регулирования в сфере защиты культурного наследия в период военных действий.

Для воплощения и поддержания охраны и защиты мирового культурного наследия возникла необходимость в организации, функционирующей на правовых началах и правовых принципах.

1–16 ноября 1945 г. на Конференции Организации Объединенных Наций по созданию Организации по вопросам образования и культуры 37 государств подписали Устав, провозглашающий рождение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Организация явилась правопреемником Международного института интеллектуального сотрудничества Лиги Наций. Устав был подписан 16 ноября 1945 г. и вступил в силу в 4 ноября 1946 г. (после его ратификации 20 государствами). В мировом сообществе появился лидер в формировании концептуальной основы диалога культур и мировой культуры, в инициации и принятии документов международного масштаба, обеспечивающих развитие сотрудничества в области просвещения, науки и культуры, обеспечение законности прав человека, а также основных свобод для всех народов без различия расы, пола, языка или религии [2].

Стратегия деятельности ЮНЕСКО и в настоящее время ориентирована на цели и конкретные задачи образования, науки, культуры, коммуникации и информацию, согласованные на международном уровне, и опирается на принципы Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. [13].

В XX веке значимость культуры для общества проходит красной нитью по содержанию множества международных правовых актов, способствующих решению тактических и стратегических задач по сохранению культурного наследия, созданию условий для его эффективного использования, поддержания в надлежащем состоянии [201].

В свете опасности ущерба, наносимого культурным ценностям каждого народа и культурному наследию человечества, проблема сохранения культурного наследия получила отражение в Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 1954) [3]. Конвенция подчеркнула, что сохранение культурного наследия имеет большое значение для всех народов мира и что важно обеспечить его международную защиту.

К культурным ценностям Конвенция причисляла «ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские,

археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше; здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей – музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов». В документе была подчеркнута особая роль ЮНЕСКО: ст. 23 закрепляла возможность предоставления помощи в организации защиты культурных ценностей конфликтующих сторон [3].

К документам, поддерживающим международную стратегию и тактику в отношении сохранения культурного наследия, относится принятая 5 декабря 1956 г. Генеральной конференцией ООН Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок, где эффективной гарантией сохранения памятников и произведений старины представлено в первую очередь «уважение и привязанность к ним самого населения», а действенными практическими шагами – «мероприятия, основанные на стремлении государств-членов к развитию науки и международных отношений» [36].

О понимании необходимости бережного отношения к культурному наследию говорят принятая Генеральной конференцией ООН 11 декабря 1962 г. Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей, причисленных в данном документе к культурному, эстетическому наследию [37], а также Международная Хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская Хартия), принятая в 1964 г. на II Международном конгрессе архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам [20]. Россия наряду с другими государствами присоединилась к этой главной доктрине ИКОМОС. Русский перевод «Венецианской Хартии» был впервые опубликован в 1974 г. и откорректирован в 1990 г.

Основываясь на фундаментальных принципах Афинской Хартии 1931 г., Венецианская Хартия закрепила осознание общечеловеческой ценности памятников как части общемирового

наследия и подтвердила важность совместных международных усилий в деле их сохранения и реставрации [20].

Свой вклад в подтверждение несомненной значимости для человечества культурных ценностей внесли принятые ООН Международные пакты «Об экономических, социальных и культурных правах» (1966) [11] и «О гражданских и политических правах» (1966) [12], подчеркнув необходимость формирования условий, при которых каждый может пользоваться своими культурными правами, свободой искать, получать, распространять информацию и идеи независимо от государственных границ, – устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами¹.

В защиту культурного наследия в 1968 г. Генеральная конференция ООН рекомендовала государствам-членам применять положения, изложенные в Рекомендациях о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ, и принимать меры в форме национальных законов или иным путем, с тем, чтобы распространить действие норм и принципов на территориях, находящихся под их юрисдикцией [38;126].

Считая, что мировой общественностью недостаточно осознается серьезная угроза разрушения археологического наследия, которое является источником свидетельств древней истории, и, опираясь на Европейскую культурную конвенцию (ст. 1 и 5) (Париж, 19 декабря 1954 г.) [вступила в силу для Российской Федерации 21 февраля 1991 г.] [48], Конвенцию по охране архитектурного наследия Европы (Гранада, 3 октября 1985 г.) (Российская Федерация присоединилась к Конвенции Постановлением Совета Министров СССР от 26 сентября 1990 года № 973 [85, 50], Европейскую конвенцию о правонарушениях, связанных с культурной собственностью (Дельфи, 23 июня 1985 г.) [49], государства-участники Европейской культурной конвенции в 1969 г. подписали Европейскую Конвенцию об охране археологического наследия [51], ратифицированную в 2011 г. законом Российской Федерации [72].

---

¹ Пакты ратифицированы Россией Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г.

Следующим шагом стала Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970) [4]. В Конвенции выражалась надежда, что каждое государство еще больше проникнется сознанием моральных обязательств в отношении как своего культурного достояния, так и культурного достояния всех народов, и подчеркивалось, что незаконные ввоз, вывоз и передача права собственности на культурные ценности наносят ущерб взаимопониманию между народами.

С целью сохранения и защиты культурного наследия проведены конференции в Монако (1967 г.), Венеции (1970 г.) и другие форумы ЮНЕСКО, принята Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (принята в 1972 г., вступила в силу в 1975 г.) (*Конвенция вступила в силу для СССР 12 января 1989 г.*) [5].

Данная Конвенция важна как минимум с трех различных точек зрения, одна из которых – законодательная. Конвенция заложила правовые основы защиты всемирного культурного наследия и детерминировала принятие не только других международных документов, конвенций и договоров, но и выработку оперативных руководящих принципов и политики, одобренных ЮНЕСКО и ИКОМОС (Международный Совет по сохранению памятников и достопримечательных мест).

В исполнение Конвенции были созданы Фонд всемирного наследия и Комитет всемирного наследия. Задачей последнего было ведение Списка объектов, имеющих выдающуюся ценность, и Списка наследия, находящегося под угрозой [207, с. 22]. В 1978 г. в Список всемирного наследия были внесены первые 12 объектов [42].

Такое понимание культурного наследия демонстрировало преемственность Конвенции с уже принятыми документами международного права [125, с. 5]. В 1992 г. был создан Центр всемирного наследия ЮНЕСКО, в программных документах которого подчеркивался глобальный масштаб, делающий идею всемирного наследия исключительной. Этот перечень пополняет Межправительственная конференция по политике в области культуры в интересах развития (апрель 1998 г., Стокгольм), принявшая документ, подтверждающий основные принципы «Декларации Мехико» по политике в области культуры [47].

Основной документ Стокгольмской конференции «План действий по политике и области культуры в интересах развития» [47], представляющий собой по сути декларацию, также представляет огромное значение для формирования и развития политики в области культуры как на глобальном, так и на национальном уровне [237, с. 390].

Особого внимания заслуживает сформулированная в «Плане действий» рекомендация о разработке государствами своих национальных стратегий в области культуры. В документе предусмотрена ориентация национальной культурной политики государств-членов ЮНЕСКО на принятие на государственном и муниципальном уровнях законодательных мер, обеспечивающих сохранение культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ, в соответствии с нормами и принципами, изложенными в документах ЮНЕСКО, для чего должно быть обеспечено финансирование консервации, реставрации и включение в смету строительных работ расходов на сохранение или спасение объектов культурного наследия [47].

Изменения в обществе стали стимулом к фундаментальному пересмотру устоявшихся в практике международного сотрудничества подходов и к определению понятия «культурное наследие», и к способам сохранения и защиты культурного наследия как на национальном, так и на международном уровнях [216; 190, с. 84].

Как ответ на процессы глобализации в марте 2000 г. ЮНЕСКО приняла международную декларацию принципов создания устойчивого и мирного глобального общества в XXI в. – Хартию (Декларацию) Земли, в которой рассматривался вопрос о сохранении многообразия при единстве всемирного культурного пространства [21]. Официальный представитель Международной инициативы «Хартия Земли» в России – Общероссийская общественная организация «Центр экологической политики и культуры».

В Окинавской Хартии глобального информационного общества, принятой 22 июня 2000 г., особое внимание было уделено развитию человека как личности через культуру [22]. Россия присоединилась к ней, а также к знаковому документу, принятому в сентябре этого же года – Декларации тысячелетия ООН [46], в которой основным был принцип «Культурное разнообразие как

общее достояние человечества» – как способ существования общества начала XXI в., основа политики культурного плюрализма [16]. Основные положения Декларации тысячелетия и Хартии Земли отразились во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001) [19]. Декларация стала первым международным правовым документом, который определял культурное разнообразие как «общее достояние человечества» и его защиту устанавливал как этическую прерогативу, неотделимую от человеческого достоинства [125, с. 5; 301].

Развитию правовых основ защиты способствовали Международная Конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003) [6], Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и доступе к киберпространству (2003) [40], Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005) [9]; Всемирный доклад о культурном разнообразии (2008) [45].

ЮНЕСКО был принят Стратегический план действий Программы «Информация для всех» (2008–2013) [35], где были обозначены вопросы формирования и доступа ко всемирному культурному наследию в цифровой форме (материальному и нематериальному).

Хартия «О сохранении цифрового наследия», принятая в октябре 2003 г. на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже, закрепила обязательные к исполнению рекомендации по получению законных прав доступа к цифровому наследию, а также обеспечение более широких возможностей для творчества, общения и совместного использования знаний всеми народами [23].

Россия ратифицировала данный международный акт по выполнению обеспечительных мер и привлечению государственных органов власти, институтов памяти, общественности и бизнеса для сохранности социально значимых книг, произведений искусства и памятников исторического и научного значения, документов в цифровом виде и, как следствие, признала новое понятие «цифровое наследие».

Итоговая Декларация «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развития», принятая на международном конгрессе ЮНЕСКО «Культура: ключ к устойчивому развитию» (Ханчжоу, Китай, 15–17 мая 2013 г.) отметила роль культуры как системы ценностей, как современный ценностный

ресурс, как часть глобальных и местных общих ценностей и как источник творческой энергии и обновления; определила рамки для обеспечения подлинно устойчивого развития, подчеркнула необходимость использования опыта предыдущих поколений в фокусе культуры [18].

Учитывая, что культурные ценности базируются на исторически сформировавшихся определенных традициях, принадлежащих конкретной социальной общности [178, с. 112], единый мир Культуры интегрирует общечеловеческие ценности, понимая, что развитие культуры неотделимо от каждого народа и его историко-культурных традиций, от каждого региона, каждой эпохи. Определяющим становится объединение исторически сложившихся традиций культуры с неограниченными возможностями, успешной реализацией интеграционных программ. Достижение гармоничного существования Человека с благородными идеями о сохранении истинных ценностей всего человечества выступает как основа целеполагания.

В процессе интеграции в мировое сообщество культурная стратегия России строится в соответствии с современным интеграционным вектором, заданным ЮНЕСКО, которая в своей политике и деятельности прилагает постоянные усилия для развития диалога между культурами как основополагающего элемента любой стратегии укрепления мира. Стратегия государственной культурной политики Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства [84], основывается на международных договорах, соглашениях и конвенциях, участницей которых Российская Федерация является на равных правах с другими государствами.

2.2. «Цифровая культура» – мировой информационный ресурс в развитии глобального информационного общества

Изменился акцент роли культурного наследия в усилении социальной сплоченности, глобализация международных обменов ведет к интеграции многообразия культурных обменов практически во всех национальных контекстах. Увеличение межкультурных контактов также порождает новые формы культурного

разнообразия и языкового опыта, в частности, благодаря достижениям в области цифровых технологий [302]. В преамбуле к Рамочной Конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества (2005) отмечается, что сейчас специалисты всего мира работают над проблемами идентификации технологических, социальных и философских прецедентов во взаимодействии человека с новыми информационными феноменами [265], над вопросами формирования, сохранения и доступа к цифровому наследию культуры. В Плане действий по проведению Международного десятилетия сближения культур (2013–2022 гг.), принятом в Париже 5 марта 2014 г., особо подчеркивается, что цифровые технологии обладают потенциалом «наведения мостов между различными культурами и религиями мира» [54].

Распространение цифровых технологий затрагивает традиционную сферу культуры, ее формирование, а также способы взаимодействия людей друг с другом и окружающим миром, но во все более нарастающих масштабах, переворачивая устоявшееся представление о технологических возможностях и способностях культуры представать в новом образе. В свете тенденций унификации картины мира, под влиянием процессов глобализации и перехода к информационному обществу, с наступлением эпохи цифровых технологий и информатизации [63] сфера культуры естественным образом все активнее пересекается с виртуальной средой, обретает принципиально новые черты, и этому способствует парадигма интеграции классической и цифровой форм культуры.

Современные информационные технологии позволяют в сфере социально-культурной деятельности создавать «культурный продукт» на другом качественном и зачастую более высоком художественном уровне [289].

Очевидно, что в связи с созданием, освоением, передачей, распространением и хранением социокультурной информации складываются и новые общественные отношения; информационная инфраструктура обеспечивает появление современных, инновационных информационно-культурных продуктов и услуг.

Информационная и культурная сферы все больше утрачивают свои позиции как самостоятельные социальные феномены, имеющие собственную внутреннюю структуру и функциональ-

ные связи с другими сферами общественной жизни. Они тесно пересекаются и взаимодействуют, взаимообуславливаются, и часть национальной культуры уже существует только в виртуальной реальности, что делает актуальным использование новых методов и инструментов при сохранении и репрезентации культурного наследия, а также нового подхода правового регулирования отношений в области сохранения, режима доступа, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия.

Можно констатировать наличие диалектически взаимосвязанных процессов: художественно-культурная деятельность и как результат – создание, распространение и потребление ее продуктов. Со своей стороны, информационная среда предоставляет средства и способы создания, хранения, распространения и потребления образцов художественно-культурного и информационного творчества и обмена, без чего в современном глобальном информационном обществе художественно-культурная деятельность невозможна [173, с. 3], так как культурную среду логично рассматривать как системную совокупность элементов информационной и культурной сфер жизни общества. Субъекты информационно-культурного взаимодействия могут рассматриваться в качестве относительно самостоятельного компонента информационно-культурной среды [177, с. 118].

Таким образом, под влиянием глобализационных и интеграционных процессов, тотальной информатизации и в связи с этим кардинальных изменений в обществе, трансформирующемся в информационное, в построении правовой конструкции в области культурного наследия актуализировалась необходимость считаться с такой его формой, как цифровое культурное наследие. В эпоху информационного общества играют важнейшую роль информационные технологии, автоматизированные информационные системы, облачные сервисы, телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет.

Благодаря современным информационным технологиям появилась возможность профессионально и качественно создавать фонды культурного наследия в цифровой форме. Субъекты культуры – библиотеки, музеи, архивы – создатели и творцы культуры, выполняющие главные социальные функции в обществе. На данный момент для них сохранение национальных цифровых ма-

териалов в течение длительного срока является актуальной задачей, так как обширная часть культурного наследия уже представлена в цифровом формате, этот объем неуклонно возрастает с каждым годом.

Такая ситуация принята во внимание правительством, что отражается в распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р, утверждающим Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 года [84]. Стратегия предполагает формирование единого российского информационного пространства знаний на основе оцифрованных книжных, архивных, музейных фондов, собранных в Национальную электронную библиотеку и национальные электронные архивы по различным отраслям знаний и сферам творческой деятельности; создание национальной российской системы сохранения электронной информации, в том числе ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Информационная среда понимается как совокупность печатных средств массовой информации, систем теле- и радиовещания, информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также распространяемой с их помощью информации, текстовых и визуальных материалов, созданных и создаваемых цифровых архивов, оцифрованных музейных фондов, библиотек.

Что особенно важно, цифровые библиотеки трансформируются из центров национальной книжной культуры в точку доступа к глобальной информационной системе и в прогрессирующей степени расширяют возможности реализации прав граждан на доступ к культурным ценностям и пользование ими [257].

Культурная политика российского государства, основываясь на Программе «Информационное общество (2011–2020)» [89], во многом опирается на объективную необходимость предоставления многофункциональных информационных услуг, включающих культурную составляющую наряду с другими как равноправную и равноценную; оперативность и рентабельность в удовлетворении запросов граждан – в этом проявляется преимущество информационных технологий.

Книжное богатство, как выражение культурного наследия, наряду с музыкой, живописью во многом является средоточием мировой культуры. В русле его сохранения и организации доступа Программой предусмотрено создание электронного нацио-

нального библиотечного ресурса с унифицированным в перспективе каталогом. Базой его должны стать оцифрованные фонды Российской государственной библиотеки (РГБ), Российской национальной библиотеки (РНБ), Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, а также библиотек государственных академий наук Российской Федерации, государственных и муниципальных публичных библиотек [235, с. 60].

Попытки включения библиотек Российской Федерации в единую систему цифровых коммуникаций предпринимаются уже давно, однако до настоящего времени эта работа по многим причинам не принесла ожидаемого результата по унификации системы библиотечных сервисов. Видна необходимость законодательного установления необходимых норм регулирования, согласованности стандартов в представлении контента и доступа к нему, актуален аспект интегративной культуры. Сейчас специалисты отмечают, что создаваемые в результате оцифровки фонды библиотек, коллекции формируются хаотично, зачастую дублируются источники и т.д. Пока еще отсутствуют единые нормы и регламенты, предъявляемые к оцифрованным документам, поисковым возможностям и сервисным функциям используемых программных оболочек.

Такое положение объяснимо, но требует упорядоченности. Стремясь улучшить ситуацию, Министерство культуры РФ с 2014 г. приступило к реализации нового этапа проекта «Национальная электронная библиотека» (НЭБ) [243, с. 13].

Национальная электронная библиотека была создана для осуществления максимально быстрого и полного доступа к информации, а также для сохранения национального культурного наследия, находящегося в библиотеках. К Национальной электронной библиотеке подключены более 100 региональных библиотек, а также ресурсы архивов и музеев.

Первым этапом обозначено преобразование НЭБ в единую организационную и аппаратно-программную платформу, позволяющую интегрировать библиотечную сеть России в мировую цифровую информационную инфраструктуру, наряду с авторитетными многофункциональными системами. Дальнейшие шаги по развитию НЭБ определила Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [93].

В новой редакции закона «О библиотечном деле» [62] целью создания Национальной электронной библиотеки обозначены сохранение исторического, научного и культурного достояния народов Российской Федерации, обеспечение условий для повышения интеллектуального потенциала Российской Федерации и популяризации российской науки и культуры, формирование основы для создания единого российского электронного пространства знаний.

Задачи создания Национальной электронной библиотеки определены следующие: отбор документов и сведений для включения в состав объектов Национальной электронной библиотеки; формирование совокупности объектов НЭБ, содержащихся в фондах участников, доступ к которым предоставляется пользователям библиотеки; координация деятельности по созданию объектов НЭБ, в том числе по переводу в электронную форму за счет бюджетов бюджетной системы Российской Федерации документов, отобранных в соответствии с методикой отбора для включения в Национальную электронную библиотеку; обеспечение доступа пользователей НЭБ к данным объектам. Объекты НЭБ, подлежащие свободному использованию в соответствии с законодательством Российской Федерации, предоставляются пользователям Национальной электронной библиотеки бесплатно. Осуществляются и меры по защите информации, содержащейся в НЭБ.

Предоставляемые НЭБ возможности позволяют отечественным библиотекам гармонично интегрироваться в цифровую информационно-телекоммуникационную систему, так как невозможно игнорировать тот факт, что в мире экспоненциально нарастает тенденция цифрового контента фондов библиотек и создание электронных (цифровых) библиотек как таковых. Фонд электронных документов НЭБ на сентябрь 2017 г. насчитывал более 26 млн публикаций [226].

С 2007 г. Российская государственная библиотека (Москва) является партнером The European Library, когда РГБ и The European Library подписали соглашение о совместной деятельности и о полном членстве РГБ в составе The European Library. В 2008 г. электронный каталог РГБ стал доступен с сайта The European Library и открыт для поиска. В 2013 г. в Управляющий комитет The European Library вошел генеральный директор РГБ

А. И. Вислый, в лице которого Восточная Европа впервые получила представительство в органах управления крупнейшего сообщества национальных и научных библиотек Европы.

Российская государственная библиотека приняла участие и в проекте CENDARI (Collaborative European Digital Archival Research Infrastructure). Суть проекта – виртуальная среда для работы с архивами, открывающая доступ к описаниям и метаданным материалов по средневековой культуре и Первой мировой войне, полученным более чем из 1200 учреждений Европы и мира. Проект, объединивший как отдельных историков, так и целые научно-исторические учреждения, стал закономерным ответом научной и архивной среды на требования цифровой эпохи. Проект стартовал 14 января 2016 г. в Берлинско-Бранденбургской Академии наук. Данные для CENDARI были агрегированы из библиотеки Europeana, что открыло доступ к метаданным – на тот момент 3,5 млн газет и 90 млн библиографических записей национальных и научных библиотек 48 государств. Российская государственная библиотека предоставила доступ к 270 историческим фотографиям времен Первой мировой войны [226].

Таким образом, мы видим, что процессы интеграции затронули всю культурную сферу. Несомненно, реальность определяет для цифровых библиотек важность интеграции в мировую систему библиотек, субъектами которой они являются, так как это позволит реализовать функции формирования, сохранения, обеспечения доступа и безопасности к цифровому культурному наследию.

С формированием единого информационного культурного пространства, в том числе научно-образовательного, качественно изменилась работа в самих библиотеках. Библиотеки, продуцируя элементы цифрового культурного наследия, повсеместно используют в своей практике разные средства электронной коммуникации: электронный каталог; web-сайт; электронный журнал; электронная книга и т.д. [164].

Естественно, что аналогичные изменения коснулись и такого субъекта культуры, как музей. Музеи являются одной из активных точек культурной среды, и информационная эпоха, закономерно затронув сферу культуры, повысила спрос на нее.

Первоначально термин «музей» распространялся на «все коллекции художественного, технического, научного, исторического или археологического материала, включая зоопарки и ботаниче-

ские сады, но за исключением библиотек, лишь постольку, поскольку они поддерживают постоянные выставочные залы, открытые для общественности» [284]. В настоящее время музей позиционируется как некоммерческое, постоянно действующее учреждение на службе общества и его культурного развития, открытое для общественности, которое приобретает, сохраняет, исследует, пропагандирует и экспонирует материальное и нематериальное наследие человечества и его окружающей среды в целях науки, образования, искусства и эстетики [284]. В рамках законодательства термин «музей» дается в федеральном законе: «музей – некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, а также для достижения иных целей, определенных настоящим Федеральным законом» [65].

Научно-технический прогресс, появление мобильных технологий, программного обеспечения для мобильных устройств, сетевых сервисов, телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, и многое другое привели к необходимости адаптировать традиционные роли и практики классических музеев в этой меняющейся культурной виртуальной среде. Как следствие, прогресс позволил трансформировать музеи в новый, ранее неизвестный, формат виртуальной реальности или дополнительной реальности. С учетом статистики охват населения Интернетом с 2000 по 2015 гг. резко вырос с 6 до 43% [8, с. 67]; за 2017–2018 гг. в рамках отчета аналитического агентства We Are Social и крупнейшей SMM-платформы Hootsuite сегодня во всем мире Интернетом пользуются более 4 млрд человек, т.е. больше половины населения земного шара может работать в режиме Online. Музеи, как и другие субъекты культуры, активно используют глобальную сеть Интернет как виртуальную среду для популяризации объектов культурного наследия. В связи с этим мы наблюдаем феномен делокализации музеев, тенденцию к их интеграции в мировое культурное виртуальное пространство на планетарном уровне и существенные преимущества виртуального музея перед его классическим аналогом. Например, виртуальные музеи являются не только носителем информации, но и ее первоисточником, при этом не связаны с помещением. Web-технологии Интернета позволяют размещать для пользователей музейные проекты, объединяющие на программно-технической платформе сразу не-

сколько музейных коллекций, которые невозможно по разным причинам совместить в реальной жизни [196, с. 198]. Такие web-сайты представляют собой особый познавательный художественный комплекс [153].

Наряду с библиотеками и музеями жизненно важную миссию для общества – поддержание социальной памяти, которая является основой идентичности и необходимым условием морально-нравственного воспитания и сохранения нации, – несут цифровые архивы.

Оцифровывание документального наследия и создание цифровых архивов – одна из характеристик инновационных изменений в культурной сфере [272, р. 27]. Традиционные принципы архивного дела сохраняются, а информационные технологии, телекоммуникационные технологии, в том числе и сеть Интернет, стали мощными инструментами, которые демократизировали право общества на доступ к цифровому наследию [256].

По сравнению с традиционными архивами, преимущества цифровых архивов очевидны, ведь они решает одну из важных проблем – проблему сохранности объектов-оригиналов. Если концепцию цифрового архива рассматривать в контексте организационно-правовой основы: 1) создание цифровой копии; 2) доступ к информационному ресурсу и его организационно-правовое регулирование; 3) поиск и просмотр; 4) обеспечение сохранности; 5) обеспечение безопасности; 6) импорт и экспорт из одной информационной системы в другую и обратно, то для этого необходимо усилить концепцию новым терминологическим аппаратом. В процессе создания, сохранения и использования цифровых архивных фондов появилась необходимость в правовом термине «цифровые архивы» в рамках национального законодательства.

Термин «архив» понимается по-разному – на уровне субъекта (учреждения) и объекта (собственно архивная информация, составляющая архивный фонд). Толковые словари русского языка определяют архив как собрание письменных памятников (рукописей, писем и т.п.), относящихся к деятельности какого-нибудь учреждения или лица.

Федеральный закон № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», утвержденный Правительством Российской Федерации 22.10.2004 г. [68], предлагает следующее определение

архива: «учреждение или структурное подразделение организации, осуществляющие хранение, комплектование, учет и использование архивных документов. Ресурсы учреждения или структурного подразделения организации определяются через понятие «архивный фонд» как исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность архивных документов, отражающих материальную и духовную жизнь общества, имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение, являющихся неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов Российской Федерации. Современные фонды, созданные и хранящиеся в информационных системах, по законодательству, можно рассматривать, исследовать как информационные ресурсы, подлежащие постоянному хранению» [219]. Информационные ресурсы в свою очередь – это коллекции цифровых объектов, которые могут включать в себя текст, визуальный материал, аудио- и видеоматериал, сохраненный в электронной форме в результате оцифровки или быть изначально в цифровом формате.

В национальном стандарте ГОСТ 7.0.8-2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», утвержденном Приказом Росстандарта от 17.10.2013 г. № 1185-ст [107], определение «цифровой» также не применяется, но зафиксировано определение электронного документа и его свойства:

– «электронный документ: документ, информация которого представлена в электронной форме;

– аутентичность (электронного документа): свойство электронного документа, гарантирующее, что электронный документ идентичен заявленному;

– достоверность (электронного документа): свойство электронного документа, при котором содержание электронного документа является полным и точным представлением подтверждаемых операций, деятельности или фактов и которому можно доверять в последующих операциях или в последующей деятельности» [210].

Итак, в этом документе, в отличие от Закона об архивном деле, признается наличие двух форм существования архивных фондов.

В России создание и деятельность по работе с цифровыми архивами только наращивает свои объемы. Снабжение архивных учреждений техникой для сканирования и цифровой обработки

способствует активной оцифровке документов, предназначенных для длительного хранения. Из текстов Государственных докладов о состоянии культуры в Российской Федерации за последние годы мы видим, что деятельность цифровых архивов расширяется: для поиска архивной информации на уровне фонда ведется пополнение данными Центрального фондового каталога (ЦФК). В настоящий момент он содержит сведения о почти 700 тыс. фондов государственных и муниципальных архивов Российской Федерации (13 федеральных архивов, 1556 государственных и муниципальных архивов 56 субъектов Российской Федерации) [102].

На основе анализа статистических данных можно утверждать, что в ближайшем будущем работа по рассекречиванию архивных документов, хранящихся в государственных архивах, имеет огромные перспективы. Только федеральными архивами в течение года на открытое хранение переведено свыше 14,7 тыс. дел. В целях информирования общественности о результатах работы по рассекречиванию на официальном интернет-ресурсе Росархива размещена и постоянно пополняется База данных рассекреченных дел и документов федеральных архивов (<http://unsecret.rusarchives.ru/>) [248]. Начаты работы по оцифровке документов Государственного Комитета Обороны, цифровые образы которых будут представлены на сайте «Документы советской эпохи» [156].

Продолжается формирование Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации, в который на настоящий момент включено 575 документов федеральных и региональных архивов [102]. В целях обеспечения удаленного доступа к ним через сеть Интернет ведется пополнение данными об уникальных документах федеральных и государственных архивов субъектов Российской Федерации модернизированной за отчетный период информационной системы «Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации», размещенной на портале «Архивы России» [116].

Активно идет оцифровка собраний Госфильмофонда России – уже сейчас доступны постоянно пополняемые каталоги известных студий: ЦСДФ, Центрнаучфильм, Леннаучфильм, Свердловская студия хроники и многих других, идет постоянная работа с фондами государственных и частных киностудий, созда-

ется единый цифровой архив документальных фильмов и кинохроники [209; 231].

В качестве примера – создание цифровых фондов интенсивно осуществляют: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) – крупнейшее федеральное хранилище страны, где сосредоточены богатейшие материалы по истории отечественной литературы, музыки, театра, кино, изобразительного искусства, архитектуры [209]; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) [231]; в рамках исследовательской программы «Научная реставрация и идентификация ценных документов Архива РАН» по гранту РФФИ № 09-06-00024а была проведена оцифровка документов из фондов российских ученых С.И. Вавилова, В.П. Эфроимсона, Н.К. Кольцова, В.Л. Комарова, Н.Н. Славянова, Б.Л. Астаурова [210]. В Центральном архиве Нижегородской области ведется работа по переводу архивных документов в цифровой формат [214]. Создана территориально-распределенная (корпоративная) вычислительная сеть передачи данных, объединившая Управление по делам архивов Правительства Хабаровского края, Государственный архив Хабаровского края и Правительство Хабаровского края, с 2011 г. начался перевод в цифровой вид уникальных, особо ценных и наиболее часто используемых документов [180]. Перечень архивных учреждений России, формирующих цифровые коллекции, можно продолжить.

В плане организационно-методологической основы разработаны научные методики, методические рекомендации по архивированию информации, созданию цифровых архивов и управлению полученным информационным фондом. Дальнейшая модернизация работы с цифровыми архивами стала возможна благодаря информационным технологиям, которые позволяют решать задачи на более интеллектуальном уровне на уровне искусственного интеллекта.

Как видим, все субъекты культуры, в их числе и архивы, так или иначе, причастны к формированию и сохранению нематериального наследия. В России первые интернет-проекты, посвященные проблемам сохранения нематериального наследия, появились во второй половине 1990-х гг. – это электронное описание фонда фольклорного архива Нижегородского государственного университета; страховой фонд фонограммархива Института рус-

ской литературы РАН; электронная версия архива фольклорной фонетики Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; база данных архива филологического факультета СПбГУ в Интернете «Русский фольклор в современных записях»; проект «Традиционная культура русского Поозерья: каталогизация и консервация музыкально-этнографических памятников русско-белорусской традиционной культуры» (Санкт-Петербургское музыкальное училище им. Н.А. Римского-Корсакова); сводная электронная опись коллекций авторской песни 1950–1990-х гг. (АНО «Радуга» при Всероссийском музейном обществе) и т.д.

Во второй половине 1990-х гг. совместными усилиями Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук и Научно-технического центра «Информрегистр» Министерства информационных технологий и связи Российской Федерации (2004–2008 гг.) было положено начало одному из крупнейших и безупречных в научном плане проектов – созданию фундаментальной электронной библиотеки (ФЭБ) «Русская литература и фольклор».

В настоящее время активно пополняется Электронный реестр объектов нематериального культурного наследия народов России, открытый в сети Интернет с 2009 г. в соответствии с перечнем поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Госсовета РФ от 26.12.2006 г. и выполнением Программы мероприятий по реализации Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы, утвержденной приказом Министерства культуры Российской Федерации за № 267 от 17 декабря 2008 г. [104].

Реестр представляет собой государственную информационную систему, включающую базу данных объектов нематериального наследия (аннотация, описание, исследование, документирование, реферат, примечания, цифровое отображение – графика, фото, видео и звук) [262].

Данное направление работы по созданию электронных каталогов с учетом тематического профиля: 1) по праздникам, мастерству, спектаклям, персоналиям, школам и т.д.; 2) виртуальных выставок и др., наличие всего фонда в электронном виде существенно способствует различным методам продвижения, сохране-

ния и репрезентации объектов нематериального культурного наследия.

Подтверждением этому является проект «Российская сеть культурного наследия» (автономная некоммерческая организация, основанная в 1996 г., учрежденная Министерством культуры Российской Федерации). Проект включает электронные каталоги; электронные путеводители по музеям, памятникам истории и культуры, виртуальные экспозиции и выставки; электронные форумы, дискуссионные группы; различные обучающие курсы, тренинги и семинары; единую систему описания объектов (паспортов) культурного наследия и т.д. [227].

В законе «Об архивном деле» отмечается, что среди архивных документов имеются особо ценные, имеющие непреходящую культурно-историческую и научную ценность, особую важность для общества и государства, в том числе уникальные, не имеющие себе подобных по содержащейся в нем информации. Далее сказано, что архивные документы, отражающие материальную и духовную жизнь общества, имеют историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение, являются неотъемлемой частью историко-культурного наследия [68]. Из чего следует, что в контексте данного Закона значительная часть информационных ресурсов цифровых архивов России имеет историко-культурную ценность и заслуженно может рассматриваться как цифровое культурное наследие.

Данная тенденция изменения статуса архивных (и других) цифровых объектов в рамках понимания цифрового культурного наследия прослеживается документально – если в Ежегодном государственном докладе за 2013 год «О состоянии культуры в Российской Федерации» [101], архивный фонд Российской Федерации, Национальный библиотечный фонд (в том числе их цифровой компонент) рассматривались в разделе V «Информационные ресурсы культуры», то в Докладе за 2014 г. – уже в разделе 3 «Культурное наследие» – как его объекты [102].

В 2014 г. раздел 6 «Информационные ресурсы культуры» рассматривал информатизацию сферы культуры, оцифровку культурного наследия и представление культуры в сети Интернет и в СМИ как информационный инструментарий, в то же время сами объекты культуры отнесены, соответственно, к культурному наследию. Безусловно, Доклад за 2014 г. не является правовым

документом, но четко отражает изменение понимания специалистами феномена культурного наследия. Благодаря этому документу можно проследить, как незначительные изменения приводят к глобальным переменам, в частности, понимания культурного наследия шире, чем было отражено в документах ранее.

Необходимо подчеркнуть, что на современном этапе развития информационного общества деятельность учреждений культуры по оцифровке либо по созданию самостоятельных виртуальных объектов культуры в совокупности с деятельностью органов государственной власти можно рассматривать и как компонент определенного механизма социокультурной коммуникации, который способствует формированию, сохранению, воспроизводству культурных ценностей и взаимодействию различных культурных общностей. Формируя, сохраняя и делая доступным культурное наследие, осуществляя специализированную деятельность, субъекты культуры в новой информационной среде сами трансформируются в объекты культуры и требуют государственной поддержки как непререкаемые участники созидания общемирового культурного наследия, в которое полноправно включена и цифровая его форма. Цифровое культурное наследие сегодня признается как мировой информационный ресурс, так как является результатом развития информационного общества под влиянием процессов глобализации на него.

2.3. Международные акты по созданию и сохранению «цифровой культуры» и «цифрового наследия»

Культурное наследие в любых формах является общемировым достоянием, достоянием различных по социальным, политическим, профессиональным и психологическим характеристикам социальных групп, коллективов и индивидуумов и занимает важное место в национальных стратегиях. Культурные ценности формировали и продолжают формировать правовую систему России, в которую входят различные акты, включая обширный массив актов международного уровня. Значение последних очень важно, поскольку именно они создают единые правила международного культурного сотрудничества и международного оборота

культурных ценностей, придают ускорение развитию национального нормотворчества в данной сфере [185].

Общепризнанными основополагающими документами, рассматривающими создание, сохранение, обеспечение доступности и безопасности цифрового культурного наследия, в первую очередь являются иницируемые ЮНЕСКО. Общие же этические принципы для общества знания вытекают из Всеобщей декларации прав человека и включают право на свободу выражения мнений, всеобщий доступ к информации, особенно к той, которая является общественным достоянием, право на образование, право на частную жизнь и право на участие в культурной жизни [35].

В результатах нормотворческой деятельности ЮНЕСКО новый культурный феномен стал отражаться после 1995 г. уже и в цифровом виде. В документе «ЮНЕСКО и информационное общество для всех», рассматриваемом в ходе 28-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, отмечалось, что «в области культуры технологии мультимедиа уже открывают огромные возможности для популяризации материального и нематериального культурного наследия и для межкультурных обменов» [8, с. 64].

Окинавская Хартия глобального информационного общества, принятая 21 июля 2000 г., одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века, называет информационно-коммуникационные технологии. Сущность Хартии выражается в призыве ликвидации международного разрыва в области информации и знаний. Хартия наряду с реализацией полных экономических и социальных преимуществ информационного общества называет культурные преимущества [22]. Документ подчеркивает актуальность решения задачи создания предсказуемой, транспарентной и недискриминационной политики и нормативной базы, необходимой для информационного общества.

Цифровое культурное наследие, являясь общественным достоянием, должно быть известно и доступно для мирового сообщества. В Хартии одной из ключевых составляющих стратегии обеспечения всеобщего доступа является содействие дальнейшему развитию «удобных для пользования», «беспрепятственных» технологий, включая мобильный доступ к сети Интернет, а также более широкое использование бесплатного, общедоступного информационного наполнения и открытых для всех пользователей программных средств, при соблюдении права на интеллектуаль-

ную собственность [22]. В Окинавской Хартии отражено, что в условиях цифрового неравенства возникает угроза ограничения возможностей отдельных социальных групп в доступе к информационным коммуникациям, подчеркивается важность принятия конкретных мер в приоритетных областях, к которым отнесена также культура.

Первым международным документом в рамках сохранения электронной информации в обществе стала межправительственная Программа ЮНЕСКО «Информация для всех», разработанная в 2000–2001 гг. и официально учрежденная в 2001 г. как межправительственная программа [34].

Программа была направлена на содействие государствам-членам в формировании и реализации сбалансированной национальной политики построения информационного общества и общества знания. В её основе лежат междисциплинарный, межсекторальный и интегративный подходы [185]. Отмечается, что Программа закрепила значение информационных технологий для образования, науки, культуры и коммуникаций [174; 133].

В октябре 2003 г. на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже был принят еще один важный для цифрового культурного наследия документ – Хартия «О сохранении цифрового наследия», воплощающий принципы, изложенные в Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций.

Хартия закрепила обязательные к исполнению рекомендации по получению законных прав доступа к цифровому наследию, а также обеспечение более широких возможностей для творчества, общения и совместного использования знаний всеми народами [23].

Безусловно, сегодня очень актуален вопрос в рамках определений следующих доктринальных дефиниций: «цифровое наследие», «цифровая культура», «цифровое культурное наследие», «цифровое достояние» и др., и стоит ли все эти словосочетания объединять в одну унифицированную конструкцию. Именно правовые дефиниции призваны обеспечить стабильность правового регулирования, исключить неясности в законе, а также помогают глубже проникнуть в суть регулируемых общественных отношений [138].

В этой связи имеет смысл рассмотреть дефиниции, приведенные в Хартии о сохранении цифрового наследия. Данный до-

кумент на уровне международного права дает такое определение нового понятия: «...цифровое наследие состоит из уникальных ресурсов человеческих знаний и форм их выражения. Оно охватывает ресурсы в области культуры, образования, науки и управления, а также информацию технического, правового, медицинского и другого характера, созданную в цифровом виде или переведенную в цифровую форму из существующих аналоговых ресурсов» [23].

К цифровому наследию Хартия относит информационные (библиотеки, музеи, архивы и др.) и различные медийные ресурсы, которые изначально создаются, распространяются и сохраняются в цифровом виде.

Россия ратифицировала данный международный акт по выполнению обеспечительных мер и привлечению государственных органов власти, институты памяти, общественность и бизнес для сохранности социально значимых книг, произведений искусства и памятников исторического и научного значения, документов в цифровом виде и, как следствие, признала новое понятие «цифровое наследие».

Данный документ не потерял актуальности и в настоящее время, по прошествии более десятилетия. В Уставе ЮНЕСКО предусматривается, что Хартия способствует сохранению, увеличению и распространению знаний, заботясь об охране мирового наследия человечества – книг, произведений искусства, памятников исторического и научного значения; ее Программа «Информация для всех» очерчивает рамки деятельности социальных институтов и учреждений по вопросам информационной политики и сохранения документированных знаний [34].

С Хартией «О сохранении цифрового наследия» соотносятся другие знаковые документы в сфере культуры нового информационного общества, показывающие, что глобализация может обрести полностью всеохватывающий и справедливый характер лишь посредством широкомасштабных усилий по формированию общего будущего, и существенно важное значение для международных отношений в XXI веке будет иметь ряд фундаментальных ценностей, к которым относятся возможность пользоваться благами развития и право общественности на доступ к цифровым благам [23].

В ряду этих документов стоят Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003) [6], Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и доступе к киберпространству (2003) [40], Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005) [9], а также принятый ЮНЕСКО Стратегический план действий Программы «Информация для всех» (2008–2013) [34], где прописана важность содействия совершенствованию политики и правовой базы в сфере культуры, образования, коммуникации и информации в целях построения информационного общества и общества знания [295].

3–5 октября 2011 г. в Москве прошла международная конференция «Сохранение электронной информации в информационном обществе: проблемы и перспективы». Конференция была организована в рамках председательства России в Программе ЮНЕСКО «Информация для всех» Министерством культуры РФ, Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям, Комиссией РФ по делам ЮНЕСКО, Российским комитетом Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества и Государственной Третьяковской галереей. Документом, подводящим ее итоги, стала «Московская декларация о сохранении электронной информации», которая акцентировала внимание на том, что сохранение цифрового наследия требует постоянных усилий со стороны информационного правительства, создателей, издателей, соответствующих отраслей промышленности и учреждений, открытыми остаются вопросы партнерства и сотрудничества в рамках корпоративного взаимодействия между социальными институтами на разных уровнях [17].

В Декларации подчеркивалось, что сохранение электронной информации сегодня – новая общемировая проблема, которая касается и каждого человека в отдельности. Проблема порождена условиями, «когда электронные устройства используются практически во всех сферах жизнедеятельности; объемы информации, изначально создаваемой в цифровом виде или оцифрованной, растут экспоненциально; увеличивается многообразие форматов представления информации, типов и видов цифровых объектов; быстро сменяются технологии и программное обеспечение; надежность и срок работы современных цифровых носителей не отвечают задачам долгосрочного сохранения информации; в вир-

туальном пространстве электронной информации затрудняется практика правоприменения, размываются национальные юрисдикции. Несмотря на все предпринимаемые усилия, сохранение электронной информации отстает от темпов технического развития и социальных изменений» [17].

Участники конференции констатировали, что существует реальная угроза потери огромных объемов сетевой информации, связанной с историей, культурой и наукой (контент порталов и блогов, электронные журналы выдающихся личностей, личные электронные архивы и т.д.) для будущих поколений.

В Декларации отмечалось, что традиционные институты памяти – библиотеки, архивы и музеи – с сохранением возрастающих объёмов электронной информации не справляются. Риск утери огромного количества оцифрованной информации возникает в силу разных причин: неверной каталогизации, несвоевременного перевода в цифровые форматы, ненадлежащего обеспечения процессов оцифровки. Ситуация расценивалась следующим образом: не сформирована философия долговременного сохранения электронной информации; нет нормативной правовой базы, не выстроена политика, реализация которой вела бы к созданию такой базы. Была подчеркнута необходимость создания инфраструктуры для сохранения электронной информации.

Принятие решения российскими коллегами об использовании программы ЮНЕСКО «Информация для всех» стало основой международного междисциплинарного и межинституционального развития при формировании условий по обмену передовым опытом между участниками стран СНГ [133, с. 114].

По предложению ЮНЕСКО в рамках диалога культур, взаимопонимания и сотрудничества во имя мира было внесено предложение провозгласить период 2013–2022 гг. Международным десятилетием сближения культур. В этой связи 5 марта 2014 г. в Париже был принят План действий по проведению Международного десятилетия сближения культур (2013–2022 гг.) [54]. План действий призван подчеркнуть значимость более активного продвижения комплексного восприятия всех аспектов культурного наследия как носителя истории и фактора сохранения самобытности, как средства и двигателя устойчивого развития и как инструмента межкультурного и межконфессионального диалога.

В документе указано, что всеобъемлющая цель Международного десятилетия сближения культур заключается в расширении прав и возможностей нынешнего и будущих поколений и вооружении их надлежащими знаниями, новыми компетенциями, навыками и средствами, необходимыми для осуществления обменов, коммуникации и сотрудничества, невзирая на культурные, религиозные и национальные барьеры, преимущественно посредством инициатив и проектов в области образования, искусства и культурного наследия, а также науки, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая Интернет и социальные средства информации.

В пункте 3 введения Плана особо подчеркнута актуальность поиска оптимального подхода к достижению «единства в многообразии» (или даже единства вопреки многообразию) посредством обеспечения «всеобщего доступа к неиссякаемой сокровищнице мировой культуры» [54].

Далее особо отмечается важность получения более полных знаний о жизни разных народов и о различных культурах, традициях, религиях и убеждениях, особенно в районах и странах, где сохраняется напряженность в результате недавних конфликтов и бедствий, в деле содействия международному сотрудничеству, солидарности и примирению в атмосфере взаимного доверия и безопасности, взаимопонимания.

Для достижения этих целей предлагается всячески содействовать взаимопониманию и взаимному ознакомлению с культурным, этническим, языковым и религиозным разнообразием, распространять принципы и инструменты межкультурного диалога посредством качественного образования и средств информации.

Как основа реализации Плана указан свободный обмен информацией и знаниями. Средства информации играют все более важную роль в повседневной жизни людей во всем мире и, в особенности, среди молодежи, образование всех ступеней и средства информации (в том числе Интернет) влияют на сознание людей, а значит, представляют собой одно из основных средств создания условий для подлинного сближения культур и играют роль инструментов реализации принципов, обозначенных в Плане.

Привлечение средств информации и ИКТ к изменению восприятия разных культур и религий, в частности, путем содействия развитию диалога в Интернете, в том числе в социальных се-

тях, отмечается в тексте документа, обеспечат широкие возможности для культурного самовыражения.

В Плате подчеркивается, что реализация целей Десятилетия сближения культур может быть достигнута с помощью таких инструментов и механизмов, как интернет-платформы и цифровые инструменты, способствующие сближению культур, в том числе через интерактивные и предусматривающие широкое участие мероприятия; мультимедийные документы в цифровом (и нецифровом) формате, касающиеся культурного наследия и творчества, которые способствуют межкультурному диалогу, в том числе книги, записи, документальные свидетельства, документальные материалы, архивы, доклады, брошюры.

От Российской Федерации в список заинтересованных сторон, представивших ответы на консультацию в целях разработки проекта плана действий по проведению десятилетия сближения культур, вошла кафедра ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога Российского института культурологии.

В деле формирования и сохранения цифрового культурного наследия стоит отметить развитие системы рекомендаций по оцифровке, онлайн-доступу к культурным ценностям и сохранению цифровой информации в рамках деятельности Европейской комиссии [55].

В частности, об актуальности сохранения цифрового культурного наследия говорится и в Документе для обсуждения, подготовленном для ЮНЕСКО Европейской комиссией по вопросам сохранения и доступа (Амстердам, февраль 2002 г.) [52]. «Быстрота эволюции цифрового мира нарушает порядок всех устоявшихся методов сохранения информации. ... Правительства и лица, ответственные за политику, должны сознавать, что проблема сохранения цифрового наследия имеет срочный характер и что невозможно в одночасье найти ее решение. Весьма реальна опасность утраты важнейших материалов, для которых были использованы ценные ресурсы», – подчеркивается в документе.

Цифровое культурное наследие не обойдено вниманием и Рамочной Конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества (Фаро, 27 октября 2005 г.), где статья 14 «Культурное наследие и информационное общество» [53] призывает к необходимости создания и реализации международных

совместимых стандартов для изучения, сохранения, укрепления и безопасности культурного наследия и подчеркивает важность качества и сохранности цифрового содержания, связанного с культурным наследием.

Таким образом, в процессе глобализации и развития информационного общества, в котором новые информационно-коммуникационные технологии открывают широкий доступ к информации и знаниям, а также возможность участия в социальной, политической, экономической и культурной жизни, культура была и остается одним из его ценнейших ресурсов. Цифровое культурное наследие, как полноправный и общепризнанный обществом атрибут, определяет вектор развития мировой цивилизации XXI века и закономерно становится предметом рассмотрения на международном уровне. Это отражается в принятии все большего числа актов программного и доктринального характера на международном уровне, которые реализуют и закрепляют феноменальные возможности и уникальные преимущества культуры как классической, так и цифровой информационного общества.

2.4. Стратегическая роль ЮНЕСКО в сохранении всемирного «цифрового наследия»

Традиционно вопросы формирования и разработки конструктивной политики и международного нормотворчества в области цифровых форм культуры занимают основное место в работе ЮНЕСКО. Особо это важно в отношении цифровых культурных форм, сравнительно новых, но прочно занявших место в культурном пространстве.

ЮНЕСКО – это единственная организация в мировом сообществе, детерминирующая глобальные международные правовые акты как инструменты, определяющие мировую культурную, информационную, коммуникационную политику, реализующая проекты по сохранению культурного наследия и расширению культурного сотрудничества, приобщая человечество к культурному наследию и в классическом, и в цифровом форматах.

ЮНЕСКО в цифровую эпоху стала лабораторией идей, мощным центром обмена культурной и образовательной информацией, стимулятором наращивания культурного потенциала государств-членов ЮНЕСКО, эффективным катализатором междуна-

родного сотрудничества в сфере культуры [166, с. 113]. ЮНЕСКО сама является генератором цифрового наследия культуры. В открытом доступе выставлена База данных ЮНЕСКО, содержащая полные тексты более 146 тысяч документов ЮНЕСКО, опубликованных с 1945 г., а также метаданные материалов [121]. Библиотека ЮНЕСКО обеспечивает ссылками и информационными услугами, включая исследовательские, как саму Организацию, так и широкую общественность, интересующуюся вопросами, входящими в компетенцию ЮНЕСКО [128]. Web-сайт представляет архивы ЮНЕСКО, свидетельствующие об истории Организации, и обеспечивает доступ ко всей официальной корреспонденции, документам, публикациям, мультимедийным и электронным источникам информации [117].

В выполнении своей координирующей роли это в первую очередь организация нормотворческой деятельности. ЮНЕСКО, понимая значимость цифровой культуры, демонстрирующей потенциал мирового информационного общества, ее уникальность и специфические отличия от традиционной, положила начало созданию международной правовой основы для формирования, сохранения, доступности и охраны цифрового культурного наследия.

Опираясь на статьи 19 и 27 Всеобщей декларации прав человека, ЮНЕСКО одной из конечных целей общества видит расширение прав и возможностей всех его граждан благодаря обеспечению доступности и использованию знаний. Право свободно участвовать в культурной жизни, в научном прогрессе и пользоваться его благами должно оставаться основным правом человека в условиях зарождающегося прогрессирующего информационного общества. Лейтмотивом деятельности ЮНЕСКО является идея о том, что его претворению в жизнь в цифровом мире не должны препятствовать какие-либо физические, коммерческие, политические, лингвистические и/или иные культурные барьеры. В этом ключе строится стратегическая линия и тактика ЮНЕСКО, формируются документальная база и мероприятия по принятию программ.

Ежегодно с 1997 года под эгидой ЮНЕСКО организуется Всемирный конгресс «Инфоэтика», на котором ключевым принципом является идея открытого информационного пространства, где одна из приоритетных задач – это освоение культурного наследия. Цель Конгресса – выработка основы для международного

анализа фундаментальных этических принципов, духом которых должны быть проникнуты транснациональные меры политического, правового характера, принимаемые в условиях кибернетической эры. Эффективный доступ к информации, являющейся общественным достоянием, и многоязычие были в числе рассматриваемых Конгрессом в качестве крупных будущих проблем «киберобщества» [39].

Констатируя появление в классическом культурном наследии сферы нового, цифрового формата, под эгидой ЮНЕСКО вышел ряд важных для мирового сообщества регламентирующих документов. В поле зрения ЮНЕСКО были включены учреждения культуры – музеи, библиотеки, архивы, продуцирующие объекты цифровой культуры (мультимедийные коллекции и др.) и (или) сами являющиеся ее объектами, а также медиаорганизации, создающие культурные объекты изначально в цифровой форме.

Возможности в области культуры, открываемые цифровыми и мультимедийными технологиями, раскрываются в документе «ЮНЕСКО и информационное общество для всех», рассматриваемом в ходе 28-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО.

Межправительственная программа ЮНЕСКО «Информация для всех», разработанная в 2000–2001 гг. (официально учрежденная в 2001 г.) [34], заложила основу для международного сотрудничества и партнерства в области культуры. Программа ЮНЕСКО резюмировала серьезные проблемы, порождаемые процессами наращивания темпов формирования глобального информационного общества, и одновременно – на новые благоприятные возможности, открывающиеся благодаря бурному развитию информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) [185, с. 21].

Необходимо подчеркнуть роль ЮНЕСКО в достижении женеvских результатов Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО), прошедшей в соответствии с резолюцией 56/183 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в два этапа – в Женеве 10–12 декабря 2003 года и в Тунисе 16–18 ноября 2005 года [41].

Данная Встреча на высшем уровне собрала участников со всего мира, «полных решимости поставить потенциал цифровой революции в области информационных и коммуникационных технологий на службу человечеству». Она являлась действительно многосторонним процессом, в котором участвовали органы государственного

управления, межправительственные и неправительственные организации, частный сектор и гражданское общество. Ключевая цель ВВУИО – построение ориентированного на интересы людей, открытого для всех и направленного на развитие информационного общества, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, с тем, чтобы дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал, содействуя своему устойчивому развитию и повышая качество своей жизни [41].

Еще до женевского этапа саммита ЮНЕСКО предложила целый ряд принципов, которые она желала, чтобы были приняты ВВУИО. Один из них – концепция «общество знаний» является более подходящим понятием, чем концепция «информационное общество», так как она лучше отражает возможности для устойчивого развития, которое является конечной целью всякого общества.

Это общество знаний должно обеспечивать реализацию следующих основных прав человека:

- равноправный доступ к информации и знанию;
- культурное и языковое разнообразие;
- свобода убеждений и их выражения;
- равный доступ к образованию.

ЮНЕСКО осуществила много различных действий (встреч, совещаний, онлайн-дискуссий, публикаций и т.д.) с целью достижения консенсуса по вышеназванным вопросам; это включает принятие таких основных работ, как Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001) [19], Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству (2003) [39], а также Хартия ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия (2003) [23], что потребовало много обсуждений с правительствами государств-членов, гражданским обществом и международными организациями. ЮНЕСКО также мобилизовала сотрудников всех своих секторов и выделила достаточно большой бюджет на подготовительные работы и на свое участие в женевском этапе саммита на самом высоком уровне, демонстрируя тем самым, какую большую важность она придавала этой работе [185].

ЮНЕСКО организовала в рамках ВВУИО в сотрудничестве с разными партнерами несколько конференций по таким темам, как:

- Правовая информация (октябрь 2004 г., Минск);
- Роль и место средств массовой информации в информационном обществе в Африке и в Арабских странах (ноябрь 2004 г., Марракеш);
- Информационное общество: новые горизонты для науки (Берлин);
- Свобода убеждений в киберпространстве (февраль 2005 г., Париж);
- Многоязычие для культурного разнообразия (май 2005 г., Мали);
- Информационные технологии для развития компетенций: главные факторы успеха (май 2005 г., Париж);
- Культурное разнообразие в киберпространстве в рамках 6-й сессии конференции (май 2005 г., Санкт-Петербург) [199].

ЮНЕСКО инициировала глобальные усилия, связанные с бесплатными и открытыми учебными ресурсами, организовала ряд проектов по содействию многоязычию в киберпространстве и по использованию ИКТ в целях обеспечения более равноправного доступа к информации, в том числе для инвалидов.

В этом контексте следует также упомянуть Руководящие принципы политики совершенствования государственной информации, являющейся общественным достоянием [24]. Рекомендации были приняты Генеральной конференцией ЮНЕСКО на 32-й сессии и утверждены на прошедшей 4–6 мая 2004 г. III сессии Межправительственного совета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». «Руководящие принципы» выражали общую позицию ЮНЕСКО, а также явились одним из механизмов реализации Плана действий, принятого на Женевском раунде Всемирного саммита по информационному обществу.

Документ продолжал «Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству» – в нем подчеркивалось, что, поскольку Интернет является глобальной «сетью сетей», простирающейся над государственными границами, вся информация, являющаяся общественным достоянием, размещаемая в Интернете, мгновенно становится частью глобального информационного пространства и может послужить во благо развивающимся странам и их гражданам. В то же время в обоих случаях самым серьезным препятствием на пути использования доступной информации становится языковой барьер, тре-

бующий применения определенных стратегий, с помощью которых можно значительно облегчить доступ к поликультурному наследию человечества, распространяемому в Интернете и посредством других коммуникационных средств [24].

Ожидаемым результатом реализации руководящих принципов была конкретная помощь государственным органам стран-членов ЮНЕСКО в согласовании позиции по созданию системы доступа населения к официальной информации. Необходимо отметить, что в течение всей работы над данными «Руководящими принципами» секция по вопросам информационного общества (сектор коммуникации и информации), отвечавшая за подготовку этого документа в качестве Секретариата Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», постоянно консультировалась и сотрудничала с секцией по вопросам предприятий, действующих в сфере искусства и культуры.

Для решения задач доступа к информации и знаниям ЮНЕСКО разработала программы «Содействие развитию коммуникаций и расширение использования информационных технологий в области образования, науки и культуры» [44, с. 81] и «Расширение прав и возможностей людей на основе доступа к информации и знаниям с уделением особого внимания свободе выражения мнений» [33].

При активном участии представителей стран-членов ЮНЕСКО на протяжении многих лет идет постоянная разработка концептуальных подходов к культуре и конструированию регулирующих и правозащитных мер этой сферы. Практически Организация оказывает содействия ряду государств в завершении идентификации всемирного наследия, обеспечении постоянного репрезентативного и авторитетного характера Списка всемирного наследия, содействуя защите его объектов и управления ими, обеспечении более систематического мониторинга объектов всемирного наследия и расширения осведомленности общественности и поддержки с ее стороны [292].

Также колоссальным вкладом в популяризацию и уважение мировых человеческих ценностей, куда непременно элементом входит цифровое культурное наследие, были объявление ЮНЕСКО 2010 года Международным годом сближения культур и создание «Группы высокого уровня по вопросам диалога между культурами средствами образования, науки, культуры, информации и коммуникаций», цель которой – средствами образования, науки, культуры,

информации и коммуникации распространять идеи ЮНЕСКО о всеобщем мире [44, с. 73]. Генеральная ассамблея ООН возложила на ЮНЕСКО роль ведущего учреждения по проведению Международного года сближения культур. В программу Международного года вошли культурные мероприятия, которые проводились по всему миру. Они закладывали и поддерживали основу для нового культурного диалога, целью которого является создание системы общечеловеческих ценностей.

Кульминационным событием начала Международного года, объявленного 18 февраля, стала конференция по межкультурному диалогу, на повестке дня которой было обсуждение тем «Сила культурного разнообразия и диалога» и «Строительство мира: значение общих ценностей в эпоху глобализации».

Знаковым для сохранения цифрового культурного наследия стал старт в 2012 г. под эгидой ЮНЕСКО масштабной международной программы «Память мира», целью которой была помощь в решении проблем общедоступности и сохранности документированных знаний как всемирного документального наследия [26]. Она включала и вопросы правового регулирования в сфере цифрового культурного наследия, решения основных задач, влияющих на сохранение и долговременной доступности цифровых объектов культурного наследия (в Ванкувере была опубликована декларация, включающая в том числе ряд основных рекомендаций по практике для совместного управления и сохранения цифровых объектов) [299, р. 251].

В своей деятельности ЮНЕСКО осуществляет сотрудничество с разного рода организациями такими, как Международный совет музеев (ИКОМ), Всемирная таможенная организация, Интерпол, Международный институт по унификации частного права (УНИДРУА) (Международный институт по унификации частного права учрежден в Риме 3 октября 1925 г. как вспомогательный институт Лиги Наций, со штаб-квартирой в Риме. Членами УНИДРУА являются 59 государств, куда входит и Россия [165, с. 56]).

Международная организация ЮНЕСКО занимается разрешением проблемы доступа к цифровому культурному наследию в отношении создания условий для сохранения разумного баланса, что закреплено во многих документах. В статье 2 Хартии о сохранении цифрового наследия «Доступ к цифровому наследию»: «Справедливый баланс между законными правами создателей и других право-

обладателей, с одной стороны, и интересами общества, заключающимися в получении доступа к материалам цифрового наследия, с другой, должен быть вновь подтвержден и поддержан, в соответствии с международными нормами и соглашениями» [23].

В «Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО на 2014–2021 гг.», утвержденной Генеральной конференцией на ее 37-й сессии (резолюция Генеральной конференции 37 С/1) и подтвержденной Исполнительным советом на его 194-й сессии (решение 194 EX/18), также подчеркивающей огромные возможности революции в сфере цифровых технологий, беспрецедентные и практически неограниченные возможности доступа к знаниям, указывается важность сохранения материалов в цифровой форме и доступа к ним, поощрения и уважения культурного разнообразия в киберпространстве. Касаясь вопросов цифрового культурного наследия, документ констатирует: «Необходимо не только овладеть знаниями в интересах экономического и социального развития, но и накопить и сохранить их для будущих поколений. Существует угроза безвозвратной потери документального наследия и хранилищ богатых знаний в результате стихийных бедствий, изнашивания и неадекватности соответствующих помещений и оборудования. Поэтому ЮНЕСКО будет продолжать работу, направленную на укрепление сохранности документального наследия, в частности в оцифрованных и созданных на цифровой основе форматах» [32].

Особо отметим исключительную важность вышеуказанных документов для решения остро стоящей сегодня проблемы – проблемы определения дефиниций в сфере цифровой культуры. На современном этапе динамичного развития мира многое подвержено научному переосмыслению, и законодательные дефиниции, которые представляют собой общеправовой феномен, заслуживают особого внимания [255, с. 102], поэтому необходимо придать терминам строго фиксированный смысл [206]. Первый шаг в этом направлении был сделан именно ЮНЕСКО – Хартия о сохранении цифрового наследия закрепила новую форму культуры как неотъемлемую часть информационного общества, и документы, принятые в дальнейшем, отражают общую стратегическую линию ЮНЕСКО, на общемировом уровне дающие возможность координации деятельности государств в формировании, сохранении цифрового наследия культуры, обеспечении доступа к нему и его безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Без сомнения, на сегодняшний день определяющим документом, устанавливающим основные принципы дальнейшего развития России по пути информационного общества, ее информационной политики, является утвержденная Правительством государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)». Инструментальной основой ее реализации являются современные информационные технологии, информационные системы, сеть Интернет и телекоммуникационные сети. Человеческий капитал будет успешной основой решения задач формирования информационного общества только тогда, когда будет соответствовать современным требованиям, куда включаются новые умения и знания в области информационных технологий и наукоемкой техники. Однако основным является то, что информационное общество может быть таковым только при условии его гражданственности, соблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, поскольку главная цель развития социально-экономической системы – это конкретный человек, и сегодня принципы гуманизма занимают главенствующее положение в концепциях цивилизационного развития.

Национальные интересы Российской Федерации распространяются на духовное обновление России, поддержку и укрепление нравственных общественных ценностей, патриотизма, науки и культуры. Стремление удовлетворить многообразие материальных и духовных потребностей, создать для каждого человека условия равного доступа к благам и равные возможности для их удовлетворения, решить вопросы в области получения информации и пользования ею является определяющим для выполнения своей роли Личности, формирующей инновационное общество.

С нарастанием процесса развития информационных технологий во взаимодействии Человека и общества, Человека и государства обмен информацией становится одним из ключевых факторов. Возможность ее качественного преобразования и интерпретации определяется внешней и внутренней гармонией Личности, основанной на

духовности. Сегодня развитие цивилизации предполагает сотрудничество, совместимость общностей, его составляющих, и духовность выступает одним из главных элементов ментальной совместимости.

Основой же духовности являются культура, определяемые ею традиции и ценностные установки, и взаимосвязь личности и культуры в информационном обществе играет доминирующую роль для понимания происходящих цивилизационных процессов, многообразия форм духовного и практического освоения мира и их основной цели, определяет целостность личности, формирует ее основу, позволяет достичь гармонии с коллективностью. Гуманизация общественных отношений выходит на передний план при решении острых социально-культурных проблем, делая эффективными усилия науки, образования и культуры в реализации объективных возможностей перехода информационного общества на новый качественный уровень развития и обогащения его содержания.

Нельзя не признавать культуру как один из основных социально-экономических факторов, как важнейший инструмент национальной и международной интеграции.

Формированию и совершенствованию культурного, образовательного, профессионального, научного, духовного потенциала общества способствуют такие факторы социально-экономического развития в политике государства, которые ориентированы на повышение роли культуры в устойчивом развитии страны в целом, в региональном сотрудничестве между государственными учреждениями, гражданским обществом и научно-культурными организациями.

В этой связи важной задачей государственной культурной политики является создание идеальных условий в реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области доступа и пользования культурными благами. Как форма государственного обеспечения гуманизации общественных отношений, в условиях информационной цивилизации культурная политика становится ведущим стержнем социального развития, и, повторим, внимание к ней должно стать непреложной прерогативой государства и общества.

В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденной Правительством Российской Федерации, среди приоритетных направлений в рамках формирования новой модели культурной политики определено содействие формированию гармонично развитой личности (соборной), способной к активному участию в реализации государственной культурной политики.

Новая концепция, вызванная требованиями информационного общества, акцентирует внимание на сохранении единого культурного пространства как фактора национальной безопасности и территориальной целостности России, активизации ее культурного потенциала, повышении роли институтов гражданского общества как субъектов культурной политики, создании условий для развития культуры и сохранении культурного наследия. Культурное наследие несет жизненно важную миссию общества – поддержание культурной памяти, исторической памяти, которая является основой идентичности и необходимым условием морально-нравственного воспитания и сохранения как нации, так и государственности.

С развитием информационных технологий и появлением новых возможностей в ходе трансформации России в информационное общество и в сфере культуры происходит процесс качественных изменений. Появление и распространение ее в цифровой форме породило множество проблем, уже осознанных миром, и вызвало необходимость в их решении. В стратегической линии ЮНЕСКО в отношении цифрового культурного наследия нашли выражение идеи как отдельных государств, так и их сообществ, аккумулируя опыт и лучшие практики в регулировании этого нового явления. В России на сегодня еще не сформирована конкретная концепция в отношении правового регулирования в сфере цифровой культуры и цифрового культурного наследия, существуют лишь «точечные» упоминания в некоторых законодательных актах, в основополагающих документах о субъектах культуры нет четкого определения этим понятиям, в сфере авторского права ситуация требует корректировки.

В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года предусмотрено осуществление мер законодательного и нормативно-правового характера, обеспечивающих существенное повышение ресурсной обеспеченности культуры преимущественно за счет государственно-частного партнерства и создания институтов развития, а также меры организационного и финансового характера. Это позволяет в большой степени надеяться на то, что данные формулировки касаются и цифровой культуры. Представляется, что под влиянием рассмотренных нами объективных фактов при реализации Стратегии будут учтены важные моменты, касающиеся информационного права в сфере правового регулирования цифрового культурного наследия. Естественно, ожидать скорейшего появления законодательного акта, охватывающего все проблемы, касающиеся цифровой культуры, нереально, однако максимально приблизить его появление уже имеются основания.

*Культура – это, прежде всего,
единство художественного стиля
во всех жизненных проявлениях народа.*

Фридрих Ницше

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В качестве выводов можно заключить, что в результате распространения информационных технологий в информационном обществе XXI века кардинально начинает меняться весь уклад жизни. В этот период запускается процесс реструктуризации системы ценностей «социальных установок» в общем, особенно прослеживается закономерность с всеобщей компьютеризацией общества. Существенно возрастает значимость нематериального культурного наследия по сравнению с материальными ценностями.

Поэтому очень важно, чтобы личность в формате глобального информационного пространства сохранила способность различать добро и зло, нравственность и безнравственность, этичность и неэтичность, сохранила гордость за славные подвиги своих предков и не утратила культурно-генетический код – главное сокровище нации.

Об этом говорил еще Сократ: «Высшая мудрость – различать добро и зло». Следовательно, проблему «цифровой культуры» в общем и «цифровой этики» в частности в рамках перспектив развития информационного общества очень важно поднимать и обсуждать в социокультурном, философском, информационном, правовом и других аспектах.

Новое состояние информационного общества объективно отражает качественные изменения в культурной жизни общества, что закономерно укладывается в рамки государственной стратегии информатизации общества и в основу концепции «цифровой культуры». Важнейшие положения закреплены в Стратегии национальной безопасности, например, повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве; обеспечение безопасной информационной среды для детей; продвижение русского языка в мире, учитывая, что язык народов – это ценнейшее нематериальное наследие культуры, сообразуясь с окружающей

природой и историей, – это совершенно уникальный инструмент мышления и познания мира; расширение мероприятий в области духовно-нравственного воспитания граждан, особенно детей и молодежи; противодействие попыткам искажения и фальсификации исторических и других фактов; формирование Национальной электронной библиотеки и иных государственных информационных систем научного и образовательного контента, включающих в себя ресурсы исторического, научного и культурного наследия народов Российской Федерации. Стоит подчеркнуть, что данный процесс идет очень активно с начала 2000-х годов.

Мы становимся очевидцами того, что цифровые технологии перехватывают инициативу дальнейшего цивилизационного развития, где доминирующую роль будут играть «искусственные» знания и «искусственный» интеллект, «цифровое» мышление, «цифровое» эстетическое восприятие, «цифровые культурные ценности», активно расширяется спектр когнитивных технологий при обработке и передаче данных, способствующих более полному раскрытию человеческого потенциала, результатов его творческого труда и в сфере культуры в том числе, формируя новое восприятие «цифровых» арт-объектов человеком XXI века.

Справедливости ради нужно сказать, что научно-технический прогресс нашел свое применение и в классической, и в «цифровой» культуре, участвуя в формировании ее качественно нового, органичного сплава материальных и нематериальных «цифровых» культурных форм. Это в свою очередь настраивает мировое научное сообщество на переосмысление концептуальных и методологических основ в рамках данной научной перспективы.

С точки зрения информационного права необходимо: понимание проблем через определение принципов государственной культурной политики; правовых дефиниций; мер государственной поддержки «цифровой культуры»; правового регулирования общественных отношений при установлении и применении технических регламентов к арт-объектам в сфере «цифровой культуры», созданных субъектами культуры; организационно-правовых мер в вопросах безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

---

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Лондон, 16 ноября 1945 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/2540500/>.
3. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Гаага, 1954 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900810>.
4. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 17 ноября 1970 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1024.
5. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 17 декабря 1975 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf>.
6. Международная конвенция об охране нематериального наследия. Париж, 17 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf>.
7. О Всемирном наследии [Электронный ресурс]: Конвенция ЮНЕСКО от 17 октября 2003 г. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml.
8. ЮНЕСКО об информационном обществе: основные документы и материалы / МОО ВПП ЮНЕСКО. – Москва: РНБ, 2004. – 118 с.
9. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. Париж, 20 октября 2005 г. [Элек-

тронный ресурс]. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001429/142919r.pdf>.

10. Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Пакт Рериха), подписанный в Белом доме представителями двадцати одной американской республики, 15 апреля 1935 г., в 12 часов дня: резолюция Седьмой международной конференции американских государств по Пакту Рериха [Электронный ресурс] // Пакт Рериха как основа новой конвенции ООН о защите культурных ценностей / А. Капустин, П. Баренбойм, А. Захаров, Д. Кравченко. – Москва: ЛУМ, 2014. С. 31–34. URL: http://philosophicalclub.ru/content/docs/pakt_rerikha_kak_osnova_novoi_konventsii_o_zashchite_kulturnykh_tsenostei.pdf.

11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 а (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

12. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 а (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

13. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 а (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.

14. Декларация принципов и программа действий ООН в области предупреждения преступлений и уголовного правосудия [Электронный ресурс]: принята резолюцией 46/152 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1991 г. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/crime91.shtml.

15. Декларация принципов толерантности, утвержденная ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.

16. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. 8 сентября 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml.

17. Московская декларация о сохранении электронной информации [Электронный ресурс]: Итоговый документ Международной конференции «Сохранение электронной информации в информационном обществе: проблемы и перспективы», Москва, 3–5 октября 2011 г. // Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех». – URL: <http://www.ifapcom.ru/ru/news/1266>.

18. Декларация Ханчжоу «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развития» [Электронный ресурс]: принята в Ханчжоу, Китайская Народная Республика, 17 мая 2013 г. – URL: unesdoc.unesco.org/images/0022/002212/221238m.pdf.

19. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии: принята 2 ноября 2001 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/decl_diversity.pdf.

20. Международная Хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская Хартия) от 31 мая 1964 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901756982>.

21. Хартия (Декларация) Земли [Электронный ресурс]: одобрена 14 марта 2000 г. Международной комиссией по Декларации Земли (Париж, ЮНЕСКО). – URL: http://earthcharter.org/invent/images/uploads/ec_text_russian_translation.pdf.

22. Окинавская хартия глобального информационного общества. 21 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html>.

23. Хартия о сохранении цифрового наследия // Библиотекосведение. – 2004. – № 6. – С. 40–43.

24. Руководящие принципы политики совершенствования государственной информации, являющейся общественным достоянием: приняты ЮНЕСКО в 2004 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ifapcom.ru/files/4-Rukovodyaschie_printsipy_obschestvennyi_dostup.pdf.

25. Final Communiqué. Third Round Table of Ministers of Culture «Intangible Cultural Heritage, mirror of cultural diversity», Istanbul, Turkey 16–17 September 2002 [Электронный ресурс]. – URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=6209&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html.

26. Memory of the World in the Digital Age: digitization and preservation. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ifap.ru/pr/2013/n130117b.pdf>.

27. Directive 2012/28/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on certain permitted uses of orphan works [Электронный ресурс]. – URL: <http://lexdigital.ru/2012/070/>.

28. Digital Agenda for Europe: A Europe 2020 Initiative. 2014 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/digital-agenda/en/news/scoreboard-2014-progress-report-digital-agenda-targets-2014>.

29. Будапештская Инициатива «Открытый Доступ». 14 февраля 2002 г. Будапешт, Венгрия [рус.] [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.budapestopenaccessinitiative.org/translations/russian-translation>.

30. Сохранение и дальнейшее развитие культурных ценностей [резолюция 14 декабря 1973 г.]. A/RES/3148 (XXVIII) [Электронный ресурс]. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/285/22/IMG/NR028522.pdf?OpenElement>.

31. Сохранение и дальнейшее развитие культурных ценностей [резолюция 30 ноября 1976 г.]. A/RES/31/39 [Электронный ресурс]. – URL: <https://daccess-ods.un.org/TMP/4009938.24005127.html>.

32. Среднесрочная стратегия ЮНЕСКО на 2014–2021 гг. [Электронный ресурс]: утверждена Генеральной конференцией на ее 37-й сессии (резолюция Генеральной конференции 37 C/1); подтверждена Исполнительным советом на его 194-й сессии (решение 194 EX/18). – URL: <http://www.unesco.ru/ru/227860.pdf>.

33. ЮНЕСКО. 37 с/44: Проект среднесрочной стратегии. 2014–2020 гг. [Электронный ресурс]. С. 36–48. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002200/220031r.pdf>.

34. Программа «Информация для всех» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/unesco/programr.pdf>.

35. Стратегический план действий программы «Информация для всех» (2008–2013). – URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/unesco/sp813.pdf>.

36. Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок от 5 декабря 1956 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901756977>.

37. Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей от 11 декабря 1962 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901756976>.

38. Рекомендация о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ от 19 ноября 1968 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901756974>.

39. Проект Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству [Электронный ресурс]. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001170/117023R.pdf>.

40. Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству. 2003 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml.

41. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества [Электронный ресурс]: резолюция 56/183 от 31 января 2002 г. Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. – URL: http://www.itu.int/net/wsis/docs/background/resolutions/56_183_unga_2002-ru.pdf.

42. Список всемирного наследия (UNESCO World Heritage List) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.ru/en/?module=news&action=theme&id=122>.

43. Восьмой Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г. [Электронный ресурс]: доклад, подготовленный Секретариатом (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.91.IV.2), глава I, раздел В.1, приложение. – URL: <https://www.referent.ru/1/176052>.

44. Содействие развитию коммуникаций и расширение использования информационных технологий в области образования, нации и культуры // Доклад о деятельности ЮНЕСКО. 2006–2007. – Москва, 2007. – С. 81.

45. Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами [Электронный ресурс]: Всемирный доклад ЮНЕСКО. 2009. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001847/184755r.pdf>.

46. Организация Объединенных Наций. Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 г. – Нью-Йорк, 2015. – 75 с.

47. Сила культуры [Электронный ресурс]: План действий по политике в области культуры в интересах развития: принят Межправительственной конференцией по политике в области культуры в интересах развития. Стокгольм, 2 апреля 1998 г. – URL: http://old.duma.tomsk.ru/files2/8280_plan_deistvii.pdf.

48. Европейская культурная конвенция от 19 декабря 1954 г. (ETS № 018) [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900540>.

49. Европейская конвенция о правонарушениях, связанных с культурной собственностью от 1 июля 1985 г. (ETS № 119) [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901751650>.

50. Конвенция об охране архитектурного наследия Европы от 13 ноября 1990 г. (ETS № 121) [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901746444>.

51. Европейская конвенция об охране археологического наследия от 16 января 1992 г. (пересмотренная) (ETS № 143) [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901809045>.

52. Сохранение цифрового наследия. Приложение 1: Документ для обсуждения, подготовленный для ЮНЕСКО Европейской комиссией по вопросам сохранения и доступа (Амстердам, февраль 2002 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://n-t.ru/scn1.htm>.

53. Рамочная Конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества. Фаро, 27 октября 2005 г. (Преамбула) [Электронный ресурс]. – URL: www.rus-eu-culture.ru/files/document/Ramochn-conv-nasled.doc.

54. ПЛАН действий по проведению Международного десятилетия сближения культур (2013–2022 гг.) [Электронный ресурс]: 194 EX/10, Париж, 5 марта 2014 г. – URL: unesdoc.unesco.org/images/0022/002266/226664R.pdf.

55. Рекомендации Европейской комиссии по оцифровке и онлайн-доступу к культурным ценностям и сохранению цифровой информации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейской комиссии. – URL: http://ec.europa.eu/information_society/activities/digital_libraries/doc/recommendation/recom28nov_all_versions/en.pdf.

56. The TRIPS Agreement is Annex 1C of the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, signed in Mar-

rakesh, Morocco on 15 April 1994 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/t_agm0_e.htm

57. H.R.1493 – Protect International Property Act. 114th Congress (2015–2016). [Signed by President Public Law № 114-151 09 May 2016] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1493/all-actions?overview=closed>.

58. H.R.3261-Stop Online Piracy Act [Committee Consideration and Mark-up Session Held. 16 December 2011. Is not approved] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/3261>.

59. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 30 декабря 2015 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_1511/.

60. О безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 5 марта 1992 г. № 2446-1 [утратил силу]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=376>.

61. О государственной тайне [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в ред. Федерального закона от 06 октября 1997 г. № 131-ФЗ). – URL: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2481>.

62. О библиотечном деле [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ (ред. от 08 июня 2015 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 01 января 2016 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5434/.

63. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (ред. от 10 января 2003 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887/.

64. О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 1 декабря 1995 г. № 191-ФЗ [утратил силу с 01 декабря 2005 г.]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=8480>.

65. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный

закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ (ред. от 01 декабря 2014 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/.

66. Об участии в международном информационном обмене [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ. – URL: [Http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?Req=doc;base=LAW;n=10929](http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?Req=doc;base=LAW;n=10929).

67. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25 июня 2002 № 73-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

68. Об архивном деле в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ (ред. от 02 марта 2016 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/.

69. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. 6 июля 2016 г.). – URL: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?Req=doc;base=LAW;n=5887>.

70. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления [Электронный ресурс]: федеральный закон от 09 февраля 2009 г. № 8-ФЗ (ред. от 09 марта 2016 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/.

71. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 15 февраля 2016 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/.

72. О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 163-ФЗ. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902286089>.

73. О внесении изменений в часть первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=160073>.

74. О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.

75. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

76. Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 (в ред. указов Президента РФ от 23.09.2005 г. № 1111, от 13.07.2015 № 357). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13532/.

77. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 (ред. от 1 июля 2014 г.). – URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/6532.html>.

78. Об утверждении Основ государственной культурной политики [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/.

79. О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 06 мая 2008 г. № 632-р (ред. от 10 марта 2009 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76942/.

80. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 08 августа 2009 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/.

81. О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р г. Москва. – URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>.

82. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»

[Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2011 г. № 2161-р г. Москва. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106767/.

83. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/.

84. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р. – URL: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/17/515054451088.html>.

85. О присоединении СССР к Конвенции по охране архитектурного наследия Европы 1985 г.: постановление Совета министров СССР от 26 сентября 1990 г. № 973. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/9009717>.

86. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 (в ред. постановлений Правительства РФ от 26 июля 2004 г. № 380, от 15 августа 2006 г. № 502, от 10 марта 2009 г. № 219, от 10 сентября 2009 г. № 721, от 9 июня 2010 г. № 403). – URL: <http://base.garant.ru/184120/#ixzz44vuflwfi>.

87. О внесении изменений в федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002–2010 годы)» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 10 сентября 2009 г. № 721. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91667/.

88. О федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы)» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 03 марта 2012 г. № 186 (ред. от 10 апреля 2015 г.). – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=127422;dst=110581>.

89. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 (ред. от 17 июня 2015 г. № 602). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/d57bade67c2bdca998977706c72ac8c0290ee77c/.

90. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895. – URL: <http://base.garant.ru/182535/>.

91. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ 5 декабря 2016 г. № Пр-646. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/.

92. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Президентом Российской Федерации 07 февраля 2008 г. № Пр-212. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92004/.

93. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (проект) [Электронный ресурс]. Дата публ. на сайте Совета Безопасности РФ 13 дек. 2016 г. – URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/48166.html>.

94. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [Электронный ресурс]: утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Req=doc;base=LAW;n=113761>.

95. Основы государственной культурной политики: проект // Российская газета. – 2014. – 16 мая.

96. Основы законодательства Российской Федерации о культуре [Электронный ресурс]: утв. ВС РФ 09 октября 1992 г. № 3612-1: (ред. от 28 ноября 2015 г.): (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 января 2016 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870.

97. Концепция информатизации общества (обобщенный вариант) [Электронный ресурс] // Информационное общество. – 1990. – Вып. 5. – С. 6–32. – URL: <http://emag.iis.ru/arc/info-soc/emag.nsf/BPA/43b84dff4f88b469c32576580026b4c0>

98. Концепция информационной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: одобрена на заседании Комитета Государственной Думы по информационной политике и связи 15 октября 1998 г. – URL: http://www.unesco.kz/ip/countries/russia_ru.htm.

99. Концепция федеральной целевой программы «Развитие информатизации в России на период до 2010 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.iis.ru/library/isp2010/isp2010.ru.html>.

100. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27822/.

101. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkrf.ru/report/gosoklad/>.

102. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkrf.ru/report/report2014/>.

103. Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы [Электронный ресурс]: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 17 декабря 2008 г. № 267. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.

104. Программа мероприятий по реализации Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 гг. [Электронный ресурс] // Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 17 декабря 2008 г. № 267. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98439/.

105. Об утверждении организационно-финансового плана федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.) на 2015 г. [Электронный ресурс]: приказ Министерства культуры от 31 декабря 2015 г. № 3472. – URL: <http://fcpkultura.ru/>.

106. Об утверждении организационно-финансового плана федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» на 2016 год [Электронный ресурс]: приказ Министерства культуры от 31 декабря 2015 г. № 3472. – URL: <http://fcpkultura.ru>.

107. ГОСТ 7.0.8-2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения [Электронный ресурс]: утв. Приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/.

108. Азизов, Р. Ф. Методы правового регулирования в сети Интернет в Австралии: сравнительно-правовой анализ / Р. Ф. Азизов // Ученые труды Рос. акад. адвокатуры и нотариата. – 2015. – № 1 (36). – С. 140–150.

109. Алексеев, В. Н. Цифровая библиотека древнерусских памятников Сибири в ГПНТБ СО РАН / В. Н. Алексеев, А. Ю. Бородихин, А. В. Шабанов, Е. И. Дергачева-Скоп // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – С. 10–12.

110. Алиева, М. Ф. Личность в контексте современного информационного общества / М. Ф. Алиева // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 2. – С. 117–121.

111. Алтынкович, Е. Е. Динамика культурных ценностей личности в информационном обществе: дис. ... канд. филос. наук / Е. Е. Алтынкович. – Москва, 2016. – 184 с.

112. Анализ существующего уровня доступности культурного наследия, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий. Основные направления повышения информационной безопасности. Кн. 2: отчет о науч.-исслед. работе. – Москва, 2012. – 143 с.

113. Анисимова, С. Г. Личность в постиндустриальном обществе: транзикация через аномию / С.Г. Анисимова // Вестн Северо-Вост. федерал. ун-та. – 2008. – Т. 5, № 4. – С. 84–90.

114. Анисин, А. Л. К соборной онтологии личности / А.Л. Анисин [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russned.ru/stats/43>.

115. Анохин, Ю. В. О методологических подходах к проблеме обеспечения прав и свобод человека и гражданина / Ю. В. Анохин // Юрист. – 2005. – № 5. – С. 64–72.

116. Архивы России [Электронный ресурс]. – URL: <http://unikdoc.rusarchives.ru/>.

117. Архивы ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unesco.org/archives/new2010/index.html>.

118. Аслитдинова, А. А. Книжная культура и цифровые технологии / А.А. Аслитдинова // Книга □ источник культуры: проблемы и методы исследования. – Москва: Наука, 2008. – С. 34–40.

119. Бабанов, А. Б. Информационная политика и технологии как фактор суверенитета в глобальном мире / А.Б. Бабанов // Государственное и муниципальное управление. Учен. зап. СКАГС. – 2015. – № 1. – С. 121–127.

120. Баева, Л. В. Электронная культура: опыт философского анализа / Л.В. Баева // Вопросы философии. – 2013. – № 5. – С. 75–83.
121. База данных ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unesco.org/new/ru/unesco/resources/publications/unesdoc-database/>
122. Баренбойм, П. Д. Пакт Рериха как этап внедрения в жизнь эстетической концепции правового государства Николая Рериха / П. Д. Баренбойм, А. В. Захаров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2010. – № 2. – С. 6–16.
123. Бачило, И. Л. Информационное право / И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. – 789 с.
124. Бачило, И. Л. Информационное право / И. Л. Бачило. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2016. – 437 с.
125. Бельская, С. А. Проблема сохранения и развития культурного наследия и культурного многообразия в международных нормативно-правовых актах ЮНЕСКО / С.А. Бельская // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 3(19). – С. 5.
126. Беляева, Е. Е. Культурная интеграция как основная стратегия культурной политики Европейского Союза: монография / Е. Е. Беляева. – Москва: Прометей, 2012. – 98 с.
127. Беляева, Е. Е. Политика Европейского Союза в сфере культуры / Е.Е. Беляева // Вопросы культурологии. – 2011. – № 4. – С. 79–85.
128. Библиотека ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unesco.org/library/>.
129. Болгов, Р. В. Развитие информационного общества в странах Таможенного союза: правовые аспекты / Р. В. Болгов, Е. С. Зиновьева, В. А. Карачай // Управленческое консультирование. – 2015. – № 1 (73). – С. 41–50.
130. Болховской, А. Л. Виртуальная реальность как одна из составляющих культуры информационного общества / А.Л. Болховской // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2010. – № 3. – С. 94–104.
131. Бондаренко, В. М. Информационное общество для всех – информационное общество для каждого человека в отдельности / В.М. Бондаренко // Информационное общество. – 2001. – № 1. – С. 34–36.

132. Браккер, Н. В. Сохранение цифрового наследия – мировой опыт / Н. В. Браккер, Л. А. Куйбышев // Информационный бюллетень Российской библиотечной ассоциации. – 2009. – № 53. – С.23–27.
133. Бриш, Е. О. Информационная политика в области сохранения электронной информации / Е.О. Бриш // Вестн. Полоцк. ун-та. Сер. Е: Педагогические науки. – 2013. – № 15. – С. 113–116.
134. Будникова, Г. А. Средства формирования сетевой культуры педагога в условиях региональной системы повышения квалификации / Г.А. Будникова // Вопросы современной науки и практики. ун-т им. В. И. Вернадского. – 2010. – № 10-12. – С. 107–111.
135. Бундин, М. В. Система информации ограниченного доступа и конфиденциальность / М.В. Бундин // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 120–130.
136. Вершков, В. В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. .. канд. юрид. наук / В. В. Вершков. – Москва, 2005. – 22 с.
137. Владыцкий, А. С. Национальные интересы Российской Федерации на постсоветском пространстве / А.С. Владыцкий // Власть. – 2015. – № 2. – С. 113–117.
138. Власенко, Н. А. Неопределенность в праве: понятие и пути исследования / Н.А. Власенко // Российское правоведение. – 2006. – № 7. – С. 4–13.
139. Войниканис, Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е. А. Войниканис. – Москва: Юриспруденция, 2013. – 552 с.
140. Войтович, И. А. Информационное общество: Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность / И. А. Войтович, М. А. Вус, В.В. Кульба. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1999. – 212 с.
141. Волков, О. Ю. Правовой институт защиты объектов авторских и смежных прав, выраженных в цифровой форме, в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / О. Ю. Волков. – Москва, 2010. – 215 с.
142. Вольская, Т. А. Документальное наследие Енисейской губернии в цифровом формате / Т.А. Вольская // Новые направления деятельности традиционных библиотек в электронной сре-

де: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 22–26 сентября 2014 г., г. Красноярск. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2015. – С. 400–404. (Труды ГПНТБ СО РАН. Вып. 8).

143. Востряков, Л. Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели / Л.Е. Востряков [Электронный ресурс]. – URL: www.cpolicy.ru/analytics/80.html.

144. Гагин, В. Е. Разработка методики создания цифровых карт природного и культурного наследия территорий: на примере административного района Республики Бурятия: дис.... канд. техн. наук: 25.00.33 / В. Е. Гагин. – Иркутск, 2013. – 150 с.

145. Галкин, Д. В. От кибернетических автоматов к искусственной жизни: теоретические и историко-культурные аспекты формирования цифровой культуры: дис.... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Д. В. Галкин. – Томск, 2013. – 270 с.

146. Галкин, Д. В. От кибернетических автоматов к искусственной жизни: теоретические и историко-культурные аспекты формирования цифровой культуры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Д. В. Галкин. – Томск, 2013. – 51 с.

147. Галкин, Д. В. Теория и история цифровой культуры [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Д. В. Галкин; М-во образования и науки Российской Федерации, Томский гос. ун-т, Ин-т дистанционного образования. – Томск: ТГУ, 2010. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

148. Галкин, Д. В. Цифровая культура: горизонты искусственной жизни / Д. В. Галкин. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2013. – 285 с.

149. Галушкина, С. Л. Международная защита авторского права в глобальной сети Интернет / С.Л. Галушкина // Мониторинг правоприменения. – 2012. – № 2. – С. 38–41.

150. Гармаш, В. Н. Разработка проекта отраслевого стандарта создания электронных копий архивных документов (первый этап) / В. Н. Гармаш, Д. С. Захарченко. – Москва, 2015. – 279 с.

151. Гиль, А. Ю. Трансформация музея в культуре информационного общества / А. Ю. Гиль. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2015. – 146 с.

152. Городов, О. А. Информационное право: учебник / О.А. Городов. – Москва: ТК Велби; Проспект, 2016. – 302 с.

153. Государственный Эрмитаж [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/>.
154. Гринева, О. А. Личность и требования информационного общества / О.А. Гринева // Аспирантский вестн. Поволжья. – 2015. – № 3-4. – С. 82–86.
155. Гуревич, П. С. Философия культуры: пособие для студ. гуманит. вузов / П. С. Гуревич. – Москва: АО «Аспект-Пресс», 1994. – 317 с.
156. Документы советской эпохи [Электронный ресурс]. – URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/>.
157. Доманский, Е. В. Информационное общество и образование: мифология и реальность / Е.В. Доманский // Народное образование. – 2008. – № 2. – С. 261–267.
158. Дремайлов, А. В. АДИТ. История [Электронный ресурс] / А. В. Дремайлов, А. Б. Лагутин. – URL: <http://www.adit.ru/mission/history.html>.
159. Дьякова, Е. Г. Переход к электронному правительству как процесс институциональной адаптации / Е. Г. Дьякова // Научный ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2011. – № 11. – С. 235–252.
160. Елинер, И. Г. Развитие мультимедийной культуры в информационном обществе / И. Г. Елинер. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУКИ, 2010. – 276 с.
161. Ельчанинова, Н. Б. Защита информации с ограниченным правом доступа: проблемы классификации / Н.Б. Ельчанинова // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 1 (43). – С. 172–174.
162. Еляков, А. Д. Благо и зло: жгучий парадокс Интернета / А.Д. Еляков // Философия и общество. – 2011. – № 2. – С. 58–76.
163. Зорина, Е. А. Личность в информационном обществе: особенности социализации / Е.А. Зорина // Научная палитра. – 2014. – № 4 (6). – С. 21.
164. Использование современных информационных технологий в библиотечном деле (на примере библиотеки ИУБИП) // Образовательные технологии и общество. – 2006. – Т. 9, № 2. – С. 311–317.
165. Кабанова, Ю. С. Россия и международные организации, занимающиеся защитой права человека и гражданина на

доступ к культурным ценностям / Ю.С. Кабанова // Заметки ученого. – 2015. – Т. 1, № 1-1 (1). – С. 55–58.

166. Капустин, А. Ю. Понятие, предмет, источники и субъекты права международных организаций: лекции по актуальным проблемам международного и европейского права / А.Ю. Капустин. – Санкт-Петербург: Россия–Нева, 2004. – С. 113–156.

167. Караваева, Е. А. Из опыта ведения курса «Информационная культура личности» / Е.А. Караваева // Школьн. б-ка. – 2005. – № 8. – С. 40–46.

168. Каранец, С. М. Фонды библиотек в цифровую эпоху: традиционные и электронные ресурсы, комплектование, использование: обзор материалов V Всерос. науч.-практ. конф. / С.М. Каранец // Учен. зап. Санкт-Петербург. им. В. Б. Бобкова филиала Рос. тамож. акад. – 2015. – № 2 (54). – С. 247.

169. Карклиньш, Я. Позитивные последствия использования ИКТ становятся все более очевидными / Я. Карклиньш // Информационное общество. – 2011. – № 1. – С. 4–10.

170. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. – 563 с.

171. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитар. ун-та), 2004. – 328 с.

172. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2000. – 606 с.

173. Кириллова, Э. В. Информационно-культурная среда как фактор формирования политического сознания российских граждан (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук / Э. В. Кириллова. – Москва, 2006. – 23 с.

174. Клебанов, Л. Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана: монография / Л. Р. Клебанов; под науч. ред. А. В. Наумова. – 2-е изд., испр. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2015. – 160 с.

175. Клебанов, Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / Л. Р. Клебанов; под науч. ред. А. В. Наумова. – Москва: Норма, Инфра-М, 2011. – 352 с.

176. Климаков, С. А. «Цифровой поворот» книжной культуры и Интернет □ сервис YOUTUBE.COM / С.А. Климаков // Региональные проблемы истории книжного дела: материалы II Всерос. (с международным участием) науч. конф. (Челябинск,

26 октября 2011 г.). – Челябинск: Челябинск. гос. акад. культуры и искусств, 2011. С. 212–214.

177. Ковалева, Е. С. Информационные технологии в сохранении и презентации нематериального культурного наследия в музее / Е.С. Ковалева // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 5-5 (49). – С. 118–122.

178. Козлов, Ф. М. Культура и гуманизм как средство интеграции народов Евразии / Ф. М. Козлов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2013. – № 14. – С. 112–120.

179. Кокойкина, О. Н. Развитие информационного общества и вопросы сохранения цифрового наследия / О.Н. Кокойкина // Формирование региональной культурной политики в контексте модернизации образования: материалы Международной науч.-практ. конф., г. Орел, 24–28 марта 2014 г.: в рамках проведения Года культуры. – Орел, 2014. – С. 53–56.

180. Колпаков, И. Н. Состояние и перспективы развития информационно-коммуникационных технологий в Государственном архиве Хабаровского края / И.Н. Колпаков // Вестник архивиста. – 2012. – № 3 (119). – С. 249–255.

181. Копылов, В. А. Информационное право: вопросы теории и практики / В. А. Копылов. – Москва: Юрист, 2003. – 622 с.

182. Король, А. Д. Информатизация образования и общение в школе / А. Д. Король // Педагогика. – 2011. – № 7. – С. 61–65.

183. Костина, А. В. Обеспечение национальной безопасности как основная функция культуры / А.В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 109–119.

184. Ксенафонтов, Н. В. Глобальный кризис и культура: взаимосвязь и взаимообусловленность / Н. В. Ксенафонтов, Т. М. Титова, И. Т. Фазлаев // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. – 2009. – № 2 (24). – С. 187–192.

185. Кузьмин, Е. И. Программа ЮНЕСКО «Информация для всех» в России и в мире (К 10-летию Российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех») / Е.И. Кузьмин // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2010. – № 12. – С. 20–42.

186. Кутырёв, В. А. Бытие или ничто / В. А. Кутырёв. – Санкт-Петербург: Алетей, 2009. – 496 с.
187. Лакович, Д. Отчет о библиотеках в цифровом веке (LIDA 2014) / Д. Лакович, М. Юрич // Международный форум по информации. – 2014. – Т. 39, № 4. – С. 29–31.
188. Леншина, М. С. Книжная культура и цифровая коммуникация: точка соприкосновения – человек / М.С. Леншина // Современный читатель и библиотека: выбор коммуникативных практик. – Санкт-Петербург: Российская нац. б-ка, 2013. – С. 82–87.
189. Лессиг, Л. Свободная культура: как медиаконцерны используют технологии и законы для того, чтобы душить культуру и контролировать творчество / Л. Лессиг. – Москва: Прагматика Культуры, 2007. – 272 с.
190. Литовченко, В. В. Деятельность ЮНЕСКО, как фактор сохранения культурного наследия: история и современность / В.В. Литовченко // Российский академический журнал. – 2014. – Т. 27, № 1. – С. 84–86.
191. Ломоносов, М. В. Проект регламента Академии наук [1764 не ранее сентября 10 □ не позднее марта 1765] // Полн. собр. соч. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. / АН СССР. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 149.
192. Лопатин, В. Н. Концептуальные основы развития законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности / В.Н. Лопатин // Управление защитой информации. – 1999. – Т. 3, № 1. – С. 27–35.
193. Лысак, И. В. Личность в информационном обществе: проблемы и перспективы исследования / И. В. Лысак, А. В. Максимов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. – С. 517.
194. Лях, С. С. Электронная культура как составная часть духовного развития современного российского общества / С.С. Лях [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по материалам XXXIII международной науч.-практ. конф. № 1(33). – Новосибирск: СибАК, 2014. – URL: <http://sibac.info/conf/social/xxxiii/36582>.
195. Макаренко, Г. И. От редакции [послесловие к статье С. Л. Галушкиной «Международная защита авторского права в глобальной сети Интернет»] / Г.И. Макаренко // Мониторинг правоприменения. – 2012. – № 2. – С. 41.

196. Максимова, Т. Е. Виртуальные музеи: анализ понятия / Т.Е. Максимова // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 2 (46). – С. 196–200.
197. Мельников, В. Л. Основные вехи Пакта Рериха и Всемирной Лиги Культуры / В.Л. Мельников // Пакт Рериха: 70 лет: материалы международной науч.-практ. конф. (15 апр. 2005 г., Санкт-Петербург, Дом юриста). – Санкт-Петербург: Рерих. Центр СПбГУ, 2005. – С. 39–47.
198. Михеева, Н. А. Управление социально-культурной сферой в период общественного переустройства России (конец XX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Н.А. Михеева. – Санкт-Петербург, 2009. – 23 с.
199. Монтвиллов, В. Значение ЮНЕСКО в подготовке саммита: экспертный анализ и предложения к формированию международной политики в области оцифровки и сохранения цифрового культурного и научного наследия / В. Монтвиллов // Электронные библиотеки. – 2005. – Т. 8, № 5. – С. 10–16.
200. Москаленко, И. В. Дефиниции в системе юридических средств механизма гражданско-правового регулирования / И.В. Москаленко // Право и образование. – 2005. – № 1. – С. 18–24.
201. Муравьев, В. И. Международные организации – специфические субъекты международного права / В.И. Муравьев. – Киев: Киев. гос. ун-т, 1990. – 72 с.
202. Мухаметзянова-Дуггал, Р. М. Духовная безопасность в современном российском обществе: некоторые теоретические и практические аспекты / Р. М. Мухаметзянова-Дуггал // Проблемы востоковедения. – 2015. – № 4 (70). – С. 22–26.
203. Нагорнова, Т. С. Цифровая культура как фактор социально-профессиональной мобильности / Т. С. Нагорнова, А.А. Чикин // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: сб. материалов и докл. международной науч.-практ. конф., 11–14 марта 2014 г., Екатеринбург / под ред. Г. М. Романцева, В.А. Копнова. – Екатеринбург, 2014. – С. 182–186.
204. Нагуслаев, А. Т. Актуальные вопросы охраны информационных прав человека в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект / А.Т. Нагуслаев // Научный альманах. 2015. № 9 (11). С. 1196–1199.
205. Непомнящий, К. Л. Стандарты цифрового аудиовизуального архивирования культурного наследия / К. Л. Непомня-

щий, А. Н. Городищева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2012. – Т. 2, № 8. – С. 311–312.

206. Новая философская энциклопедия: в 4 т.: Интернет-версия издания [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; председ. науч.-ред. совета В.С. Степин. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/2188.html>.

207. Октябрьская, И. В. Концепция культурного наследия: мировой и российский опыт формирования / И.В. Октябрьская // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Сер.: история, филология. – 2013. – Т. 12, № 3. – С.20–31.

208. Олейников, С. В. Информационные институты в системе «государство–общество–личность» / С.В. Олейников // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. – 2015. – № 5 (360). – С. 103–112.

209. Опыт внедрения цифровых инноваций в РГАЛИ открывает большие интеграционные перспективы // Отечественные архивы. – 2013. – № 3. – С. 80–85.

210. Паламарь, Н. Ф. Особенности научной реставрации ценных документов архива РАН / Н.Ф. Паламарь // Вестн. архивиста. – 2011. – № 4. – С. 287–294.

211. Пашков, А. Г. Личность в условиях информационной цивилизации: куда ведут человека электронные «гаджеты»? / А.Г. Пашков // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2016. – Т. 22, № 1. – С. 7–10.

212. Петровская, О. В. Цифровое поколение: условия самореализации в современной культуре / О.В. Петровская // Primo Aspectu. – 2013. – Т. 13, № 9 (112). – С. 102–104.

213. Петрушова, М. В. Информационный образ жизни – общество и личность в условиях информатизации / М.В. Петрушова // Наука XXI века: актуальные направления развития: материалы международной заоч. науч.-практ. конф. – Москва, 2015. – С. 938–941.

214. Плотников, В. Н. Создание, учет, хранение и использование цифровых копий документов в Центральном архиве Нижегородской области / В.Н. Плотников // Отечественные архивы. – 2012. – № 2. – С. 64–65.

215. Полякова, Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... д-ра юрид. наук / Т.А. Полякова. – Москва, 2008. – 438 с.

216. Попков, В. А. Глобализация и культура (статья вторая) / В. А. Попков // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (92). – С. 172–177.
217. Прокудин, Д. Е. «Цифровая культура» vs «аналоговая культура» / Д. Е. Прокудин, Е. Г. Соколов // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 83–91.
218. Пугачева, Л. Г. Личность в сетевом обществе: диалог культур прошлого и настоящего / Л.Г. Пугачева // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 3 (65). – С. 38–45.
219. Разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательного регулирования в сфере культуры: отчет о НИР: гос. контракт № 3267-01-41/06-12 / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; рук. Н. В. Путило. – Москва, 2012. – 149 с.
220. Рассолов, И. М. Информационное право / И. М. Рассолов. – 2-е изд. – Москва: Юрайт, 2015. – 444 с.
221. Рейтинг стран мира по уровню развития электронного правительства [Электронный ресурс]. – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/e-government-survey/info>.
222. Рерих, Н. К. Друзьям Знамени Мира / Н.К. Рерих [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icr.su/rus/evolution/pact/about/paper_nk/friends_banner.php.
223. Рерих, Н. К. Слава самураев / Н.К. Рерих [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.icr.su/node/724>.
224. Решетова, М. В. Дизайн информационного общества России / М. В. Решетова, С. В. Мкртчян // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 1 (50). – С. 324–330.
225. Ронки, А. Сотрудничество в сфере обмена цифровыми коллекциями и культурным контентом / А. Ронки // Информационное общество. – 2010. – № 3. – С. 501–64.
226. Российская государственная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rsl.ru/ru/s6/s373/s3734405/cendari>.
227. Российская сеть культурного наследия [Электронный ресурс]. – URL: <http://rchn.org.ru/>.
228. Рыжук, А. В. Методологические основания исследования проблемы восприятия личностью социальной реальности в

информационную эпоху / А.В. Рыжук // Вестн. Пятигорск. гос. лингв. ун-та. – 2015. – № 1. – С. 219–223.

229. Семашко, А. В. Правовые основы оборота информации с ограниченным доступом (конфиденциальной информации) в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Семашко. – Москва, 2008. – 23 с.

230. Сеницына, Л. Н. Культура национальной безопасности как общечеловеческая ценность / Л.Н. Сеницына // Социально-экономические и правовые проблемы обеспечения безопасности региона: материалы международной науч.-практ. конф. (Иркутск, 19–21 февр. 2015 г.) – Иркутск, 2015. – С. 190–195.

231. Слободник, И. Б. Создание фонда пользования на электронных носителях в ЦГИА Санкт-Петербурга / И.Б. Слободник // Отечественные архивы. – 2013. – № 1. – С. 39–41.

232. Смолл, Г. Мозг онлайн / Г. Смолл, Г. Ворган. – Москва: Колибри, 2011. – 352 с.

233. Совет по культуре и искусству. Заседание 2 октября 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/19353>.

234. Совместное заседание Госсовета и Совета по культуре и искусству 24 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://news.kremlin.ru/news/47324>.

235. Соколов, А. В. Цифровые библиотеки в российской культуре XXI века / А.В. Соколов // Информационные ресурсы □ футурологический аспект: планы, прогнозы, перспективы: материалы X Всерос. науч.-практ. конф. «Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов» (30□31 октября 2014 г., Санкт-Петербург). – Санкт-Петербург: ЦГПБ им. В. В. Маяковского, 2014. – С. 716.

236. Соколов, А. В. Цифровые библиотеки в российской культуре XXI века / А.В. Соколов // Университетская книга. – 2014. – № 9. – С. 60–64.

237. Соколова, А. С. Вклад ЮНЕСКО в сохранение всемирного культурного наследия / А.С. Соколова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 389–394.

238. Соколова, Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? / Н.Л. Соколова // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3. – С. 6–10.

239. Солопов, П. Е. Философские проблемы виртуалистики: дис. ... канд. филос. наук / П. Е. Солопов. – Москва, 2000. – 120 с.

240. Соммэр, Д. С. Мораль XXI века / Д. С. Соммэр. – Москва: Кодекс, 2013. – 480 с.

241. Спиридонова, Ю. В. Пакт Рериха и общественное движение в защиту культурного наследия / Ю.В. Спиридонова // Труды Санкт-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – Т. 204. – С. 20–33.

242. Споране, Б. Личность в информационном обществе [Электронный ресурс] / Б. Споране // Научные и технические библиотеки. – URL: http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2002/10/fl10_07.htm.

243. Степанов, В. К. НЭБ как платформа интеграции библиотек в систему цифровых коммуникаций, или какая национальная электронная библиотека нужна России / В.К. Степанов // Научные и технические библиотеки. – 2015. – № 1. – С. 13–17.

244. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2011. – 408 с.

245. Стракович, Ю. В. Музыкальная культура в цифровую эпоху: трансформация социального функционирования: дис.... канд. культурологии: 24.00.01 / Ю. В. Стракович. – Москва, 2010. – 249 с.

246. Суханова, Н. Н. Книжные памятники-коллекции: методика формирования и изучения в отделе историко-культурного наследия ИОГУНБ / Н.Н. Суханова // Библиотечные фонды в цифровую эпоху: сохранность, научная обработка и учет: материалы межрегион. межведомств. науч.-практ. конф. с международным участием, 14–17 октября 2014 г. – Иркутск, 2014. – С. 75–81.

247. Тепляшин, И. В. О стратегии национальной безопасности в современной России / И.В. Тепляшин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2011. – Т. 3, № 1. – С. 13–16.

248. Федеральное архивное агентство. База данных рассеченных архивных дел и документов федеральных государственных архивов [Электронный ресурс]. – URL: <http://unsecret.rusarchives.ru/>.

249. Фримен, Д. Проблема влияния электронной среды на интеллектуальное развитие и межличностные отношения одаренных и талантливых детей / Д. Фримен // Психология образования. – 2015. – Т. 20, № 1. – С. 102–109.

250. Хагуров, Т. А. Образование на всю жизнь? / Т.А. Хагуров // Народное образование. – 2012. – № 1. – С. 63–68.

251. Цифровой архив: создание и внедрение [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.archiv-s.ru/public/tsifrovoy-arkhiv-sozdanie-i-vnedrenie/>.
252. Черникова, В. Е. Личность в условиях информатизации современного социокультурного пространства / В.Е. Черникова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 8. – С. 20–24.
253. Чуринов, Н. М. Идеология, теоретическая строгость и «европейское умственное иго» / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2005. – № 1. – С. 516.
254. Шадриков, В. Д. Информационные технологии в образовании: плюсы и минусы / В. Д. Шадриков, И. С. Шемет // Высшее образование в России. – 2009. – № 11. – С. 61–65.
255. Шаповалова, Г. М. Глобализация информационного общества: cloud computing (облачные вычисления) – новая правовая дефиниция / Г.М. Шаповалова // Международный науч.-исслед. журн. = International research. journ. – 2016. – № 3(45), ч. 1. – С. 102–105.
256. Шаповалова, Г. М. Информационное общество: от цифровых архивов к цифровому культурному наследию / Г.М. Шаповалова // Международный науч.-исслед. журн. = International research. journ. – 2016. – № 5 (47). – С. 177–181.
257. Шаповалова, Г. М. Информационное общество: электронные библиотеки □ объекты цифрового культурного наследия / Г.М. Шаповалова // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 3. – С. 167–171.
258. Шаповалова, Г. М. Предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме на этапе формирования информационного общества / Г.М. Шаповалова // Административное и муниципальное право. – 2016. – № 1. – С. 99–106.
259. Ширин, С. С. Международная охрана цифрового наследия как развитие идей Пакта Рериха / С.С. Ширин // Клио. – 2015. – № 3 (99). – С. 65–72.
260. Шишкина, Е. В. Внешнеполитические приоритеты национальной безопасности России в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е. В. Шишкина. – Москва, 2012. – 19 с.
261. Электронные изображения и визуальные искусства [Электронный ресурс]: XIII Международная конференция «EVA 2011 Москва: Информационное общество, культура, образование»,

28–30 ноября 2011 г. = XIII Annual International Conference «EVA 2011 Moscow: Information Society, Culture, Education», 28–30 November 2011. Москва: МК РФ, 2011. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

262. Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия народов России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusfolknasledie.ru/>.

263. Яковлева, Е. Л. Информационное общество и личность / Е. Л. Яковлева, Ю. С. Гагарина // Образование и наука: вопросы теории и практики. – 2015. – № 1. – С. 256–261.

264. Яценко, Т. О. Соборная (симфоническая) личность / Т.О. Яценко // Омск. науч. вестн. – 2008. – № 2 (66). – С. 80–83.

265. Balkin, J. M. Digital speech and democratic culture: A theory of freedom of expression for the information society // New York University Law Review. 2004. Vol. 79, iss. 1 P. 1–58.

266. Bensamoun, A. The French out-of-commerce books law in the light of the European Orphan Works Directive // Queen Mary Journal of Intellectual Property. 2014. Vol. 4, iss. 3. P. 213–225.

267. Bostock, W. W. The digitizing of cultural heritage: A limited promise // International Conference on Politics and Information Systems: Technologies and Applications. Vol 1: Informatics and Society. Orlando, 2004. P. 80–85.

268. Bush, V. As we may think // Atlantic Monthly. 1945. July.

269. Castells, M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. 2nd ed. New York: Backwell, 2009. 625 p.

270. Conway, P. Preservation in the Age of Google: Digitization, Digital Preservation, and Dilemmas // The Library Quarterly. 2010. Vol. 80 (1). P. 61–79.

271. Copyright Law Reform Issues in the United States // Copyright Quarterly. 2015. Vol. 28, iss. 1. P. 93–128.

272. Delmas, B. Advent of digital age overturns archives // PENSEE. 2010. Iss. 361. P. 27.

273. Distribution of Cultural Content through Exploitation of Cryptographic Algorithms and Hardware Identification / H.E. Michail, C. Louca, D. Gavrilis et al. // Digital heritage: progress in cultural heritage: documentation, preservation, and protection. 2014. Vol. 8740. P. 156–165.

274. Dubois, V. Cultural Policy Regimes in Western Europe // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Second Ed. [S.l.]: Elsevier, 2015. P.460–465.

275. Dufault, R. D. The Co-option of Copyright: An Evolution of Copyright Paradigms and the Forces Impacting Canadian Policy in the Digital Era [Электронный ресурс] / R. D. Dufault; University of Manitoba (Canada). ProQuest Dissertations Publishing, 2012. MS22410.

276. Elkin-Koren, N. Copyright reform and social change in a digital era: A democratic approach to Cyberspace [Электронный ресурс] / N. Elkin-Koren; Stanford University. ProQuest Dissertations Publishing, 1995. 9535543.

277. Extending the Clark-Wilson Security Model for Digital Long-Term Preservation Use-cases [Электронный ресурс] / M. Schott, C. Kraetzer, J. Dittmann et al. // SPIE Multimedia on mobile devices. 2010. Vol. 7542, no. 75420M. – URL: <http://proceedings.spiedigitallibrary.org/proceeding.aspx?articleid=777283>. doi:10.1117/12.839393.

278. Facebook и Microsoft проложат кабель длиной свыше 6000 км по дну Атлантического океана [Электронный ресурс]. – URL: <https://tjournal.ru/28792-facebook-i-microsoft-prolozhat-kabel-dlinoi-svishe-6-000-km-po-dnu-atlanticheskogo-okeana>.

279. Feder, T. Who benefits from public funding of the performing arts? Comparing the art provision and the hegemony-distinction approaches / T. Feder, T. Katz-Gerro // Poetics. 2012. Vol. 40 (4). P. 359–381.

280. Fink, E. E. Sharing cultural entitlements in the digital age: Are we building a garden of eden or a patch of weeds? // Museums and the WEB. 1997. March. P. 58.

281. Galway, A. J. Copyright law, digital technology and the future of entertainment [Электронный ресурс] / A. J. Galway; University of Toronto (Canada). ProQuest Dissertations Publishing, 2005. MR02509.

282. Haggart, B. North American Digital Copyright, Regional Governance and the Potential for Variation [Электронный ресурс] / B. Haggart; Carleton University (Canada). ProQuest Dissertations Publishing, 2011. NR83213.

283. Hardin, G. The Tragedy of the Commons // Science. 1968. Vol. 162. P. 1243–1248. ICOM: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [http://icom.museum/ITU ICT Development Index \(IDI\) 2012](http://icom.museum/ITU ICT Development Index (IDI) 2012) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/mis2013/MIS2013_without_Annex_4.pdf.
284. КАМ 2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTUNIKAM/ReSources/2012.pdf>
285. Karim, K. Relocating the nexus of citizenship, heritage and technology // Commun & Culture. 1997. Vol. 4, iss. 4. P. 75–86.
286. Katz-Gerro, T. Introduction. Cultural policy and the public funding of culture in an international perspective // Poetics. 2015. Vol. 49 (4). P. 14.
287. Klamer, A. Financing the Arts and Culture in the European Union / A. Klamer, L. Petrova, A. Mignosa; European Parliament. Brussels, 2006. 114 p.
288. Lee Chulnam. Copyright in Relation to Digital Archives of Intangible Cultural Heritage // Copyright Quarterly. 2011. Vol. 24, iss. 1. P. 80–99.
289. Lewis, G. Understanding state government appropriations for the arts: 1976–1999 / G. Lewis, M. Rushton // State Local Gov. Rev. 2007. Vol. 39. 107–114.
290. Margottini, C. Engineering Geology in Shaping and Preserving the Historic Urban Landscapes and Cultural Heritage: Achievements in UNESCO World Heritage Sites // Engineering Geology For Society And Territory. 2015. Vol. 8: Preservation of Cultural Heritage. P. 128.
291. McCrary, Q. The political nature of digital cultural heritage // LIBER Quarterly. 2011. Vol. 20, iss. 3-4. P. 357–368.
292. Mulcahy, K.V. Cultural policy: Definitions and theoretical approaches // Journal Art Manag. Law Soc. 2006. Vol. 35 (4). P. 319–330.
293. Nettesheim, M. Das Kulturverfassungsrecht der Europaeischen Union // JuristenZeitung. Tuebingen, 2002. No. 4. S. 157–166.
294. Protected interactive 3D graphics via remote rendering / D. Koller, M. Turitzin, M. Levoy et al. // ACM Transactions on Graphics. 2004. Vol. 23, iss. 3. P. 695–703.
295. Role-Based Access Control Technology for Digital Cultural Media Platform / Yuan Jingling, Liu Jia, Liu Zhilong et al. // Ad-

vances in electronic commerce, web application and communication. 2012. Vol. 149. P. 349–354.

296. Rosenblum, B. Digital Access to Cultural Heritage and Scholarship in the Czech Republic // *Slavic & East European Information Resources*. 2008. Vol. 9, iss. 1. P. 12–29. DOI: 10.1080/15228880802104637.

297. Solodovnik, I. Preserving digital heritage / I. Solodovnik, P. Budroni // *IFLA journal*. 2015. Vol. 41, iss. 3. P. 251–264.

298. Stehr, N. Globale Wissenswelten [Электронный ресурс] / N. Stehr, U. Ufer // *Berliner Republik*. Berlin, 2008. No. 5. URL: <http://www.b-republik.de/archiv/globale-wissenswelten>.

299. Sterne, J. Thinking the Internet: Cultural Studies versus the Millennium // *Doing Internet Research: Critical Issues and Methods* / ed S. Jones. Thousand Oaks, CA: Sage, 1999. P. 257–288.

300. Suh, Hun Je. Globalization and Cultural Diversity // *Korean Forum on International Trade and Business Law*. 2011. Vol. 20, iss. 2. P. 303–326.

301. Sukkaryeh, G. Impact of copyright law in museums and galleries in the digital age. 2012 [Электронный ресурс] / G. Sukkaryeh; The University of Edinburgh PhD Doctor of Philosophy // ProQuest. – URL: <https://www.era.lib.ed.ac.uk/handle/1842/6400>.

302. Tallova, L. Copyright aspects of disclosure of works within the Europeana Digital Library // *International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014)*. Vol. 1. Albena, 2014. P. 561–568.

303. The Global Competitiveness Index 2015–2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/09/3н0/7246>.

304. Throsby, D. *The Economics of Cultural Policy* / D. Throsby. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. – 291 p.

305. Toulas, C. M. Towards an affirmative public domain / C. M. Toulas, G. C. Lisby // *Cultural Studies*. Sep–Nov 2014. Vol. 28, Iss. 5/6. P. 997–1121.

306. Trivedi, M. Digital Libraries: Functionality, Usability, and Accessibility [Электронный ресурс] // *Library Philosophy and Practice*. 2010. URL: <http://www.webpages.uidaho.edu/~Mbolin/trivedi-diglib.htm>.

307. UN Department of Economic and Social Affairs. *United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People*.

UN, 2012. 160 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf>.

308. WEF Global Information Technology Report 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Weforum.org>.

309. WEF Networked Readiness Index 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_globalinformation-technology_Report_2014.pdf.

310. World Digital Library [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wdl.org/en/>.

311. Zimmer, A. The subsidized muse: government and the arts in Western Europe and the United States / A. Zimmer, S. Toepler // Journal Cult. Econ. 1999. Vol. 23 (1–2). P. 33–49.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. КОНЦЕПЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПУТИ РАЗВИТИЯ	7
1.1. Концепция формирования информационного общества в России: Государственная программа «Информационное общество 2011–2020 гг.»	7
1.2. Государственная политика в сфере культуры на современном этапе развития информационного общества	25
1.3. Доминирующее влияние культуры на формирование личности в информационном обществе.....	48
1.4. «Цифровая культура» в информационном обществе	63
1.5. Презумпция свободного доступа к объектам «цифровой культуры» в глобальном информационном обществе.....	70
1.6. Культурный суверенитет – основа национальной безопасности России.....	84
Глава 2. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	100
2.1. Интеграция России в глобальное информационное общество: вектор культуры.....	100
2.2. «Цифровая культура» – мировой информационный ресурс в развитии глобального информационного общества	110
2.3. Международные акты по созданию и сохранению «цифровой культуры» и «цифрового наследия».....	124
2.4. Стратегическая роль ЮНЕСКО в сохранении всемирного «цифрового наследия».....	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	140
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	143
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	145

Научное издание

Шаповалова Галина Михайловна

**«ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА»
В КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Монография

Редактор Л. И. Александрова
Компьютерная верстка М. А. Портновой

Подписано в печать 29.07.2020. Формат 60×84/16
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,0.
Уч.-изд. л. 10,97 . Тираж 500 [I–100] экз. Заказ 381

Владивостокский государственный университет экономики
и сервиса

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано в ресурсном информационно-аналитическом
центре ВГУЭС

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41